

ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

Нам
30
лет!

Политические
Исследования

POLIS
Political Studies

2021

2

ПОЛИС

Политические Исследования 2'2021

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

2021 № 2

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.00](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.00)

ISSN (Print) 1026-9487

ISSN (Online) 1684-0070

Читайте в следующих номерах:

Представление о социальной справедливости в различных культурных контекстах

Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований

Почему политической науке так сложно анализировать протестные кампании и предсказывать их исходы

О состоятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики

Практики дискурсивного конструирования идентичности. Кейс Татарстана

Учредители:

Некоммерческое партнерство “Редакция журнала “Полис” (“Политические исследования”)

Общероссийская общественная организация “Российская ассоциация политической науки”

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Издатель:

Некоммерческое партнерство “Редакция журнала “Полис” (“Политические исследования”)

Главный редактор:

С.В. Чугров

Научный советник:

И.К. Пантин

Редакция:

А.Л. Бардин, А.Н. Кокарева, Л.Н. Кузнецова, В.В. Лапкин (первый зам. главного редактора)

Оргподдержка:

Е.В. Рыжова

Компьютерная верстка:

И.М. Ситников

Журнал включен в ядро РИНЦ (двухлетний импакт-фактор без самоцитирования — 2,252), в Scopus (Sociology and Political Science, SJR Q2, Cite Score Q2), Web of Science (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science, ERIH PLUS.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ЖУРНАЛА

ПИ № ФС 77-73112 выдано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 22 июня 2018 г.

©НП “Редакция журнала “Полис”, 2021

POLIS.Political Studies

www.politstudies.ru

www.polismag.ru

ISSN 1026-9487

9 771026 948003 >

Polis. Political Studies 2'2021

Journal on Political Science, Political Sociology, International Relations, Political Philosophy

Published since 1991
Issued six times a year

ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

DOI: 10.17976/jpps/2021.02.00
<http://www.politstudies.ru>

CONTENTS

7 Presenting the Issue

8 E. Chebankova, P. Dutkiewicz. Covid-19 Pandemic and the World Order. (In English)

25 I.S. Semenenko. Rethinking Development in Social Sciences: on the Threshold of an Ethical Turn

46 S.V. Ryazantsev, G.N. Ochirova. Is the Fight Against Illegal Immigration Effective (Experience of the USA, European Union and Russia)?

64 A.G. Kostyrev. Post-politics in the Nets of Post-truth

**THEME OF THE ISSUE:
NEW TIMES –
NEW CHALLENGES**

76 A.A. Sushentsov, V.V. Pavlov. "Vocation Crisis" in the State Department: Problems of Converting US Foreign Policy Potential into Influence

ORBIS TERRARUM

99 I.V. Samarkina, I.S. Bashmakov. Local Identity and Mechanisms of its Conversion into Constructive Socio-Political Practices of Youth

113 S.Yu. Aseev, Ya.Yu. Shashkova. Innovation and Leadership Potential in the Structure of Political Attitudes of Youth (On the Case Study of Altai Krai and Novosibirsk Oblast)

**RUSSIA TODAY:
FACING THE YOUTH**

125 V.F. Artyushkin, A.A. Kazantsev, V.M. Sergeev. Balance of Power Between the G-20 States: Analysis with Multidimensional Scaling Method

**THEORY AND
METHODOLOGY
OF POLITICAL STUDIES**

139 O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin, S.P. Arteev. Interface Between Political Science and Political Discourse: Conflict Dimension

LABORATORY

157 A.E. Chirikova, V.G. Ledyayev. Leadership in Local Communities: Who Is Needed in the Municipal Government in Russia

171 N.N. Meshcheryakova. Theory and Practice of Modern Criticism (About the Book "A Time for Critique")

**REFLECTING ON
MATTERS IN PRINT**

180 E.O. Obichkina. Russia's Global Position as Reflected in French Studies: the Observations of the Observers

192 Information for Our Authors

In the next issues: *Understanding Social Justice in Different Cultural Contexts*
The Greater Mediterranean as a Multidimensional Object of Political Research
Why Is It so Difficult for Political Science to Analyze Protest Campaigns and Predict Their Outcomes?
On the Consistency of Institutions and Subjects of Municipal Public Policy
Practices of Discursive Construction of Identity. Tatarstan Case

Founders: Noncommercial Partnership "Editorial Board 'Polis' ('Political Studies')"
Russian Public Organization "Russian Political Science Association"
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Noncommercial Foundation – Institute of Socio-economic and Political Researches (ISEPR Foundation)
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation

Polis. Political Studies journal has a media registration certificate
PI No. FS 77-73112 issued on June 22, 2018,
by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media.

The Journal has been included in Scopus
(Sociology and Political Science,
SJR Q2, Cite Score Q2),
and in the Web of Science
(Emerging Sources Citation Index),
Russian Science Citation Index (RSCI)
on the Web of Science platform, ERIH PLUS.

Полис. Политические Исследования 2'2021

6 Представляю номер

<p>8 Е. Chebankova, P. Dutkiewicz
Covid-19 Pandemic and the World Order   25 И.С. Семененко
Дискурсы развития в социальных науках:
в преддверии этического поворота   46 С.В. Рязанцев, Г.Н. Очирова
Методы борьбы с незаконной иммиграцией
(опыт США, Евросоюза и России)   64 А.Г. Костырев
Постполитика в сетях постправды</p>	<p>76 А.А. Сушенцов, В.В. Павлов
“Кризис призвания”
в Государственном департаменте:
проблемы конвертации внешнеполитического
потенциала США во влияние   99 И.В. Самаркина, И.С. Башмаков
Локальная идентичность: механизмы конвертации
в конструктивные социально-политические
практики молодежи   113 С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова
Инновационный и лидерский потенциал
в структуре политических установок молодежи
(на примере Алтайского края
и Новосибирской области)</p>	<p>ТЕМА НОМЕРА:
НОВЫЕ ВРЕМЕНА –
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ</p>
<p>125 В.Ф. Артюшкин, А.А. Казанцев, В.М. Сергеев
Соотношение сил между великими державами
в “Группе 20”: анализ при помощи метода
многомерного шкалирования</p>	<p>139 О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин, С.П. Артеев
Интерфейс между политической наукой
и политическим дискурсом:
конфликтологическое измерение   157 А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев
Лидерство в локальных сообществах:
в ком сегодня нуждается муниципальная власть
в России</p>	<p>РОССИЯ
СЕГОДНЯ:
ЛИЦОМ
К МОЛОДЕЖИ</p>
<p>171 Н.Н. Мещерякова
Теория и практика современной критики
(о книге “A Time for Critique”)   180 Е.О. Обичкина
Россия и мир в зеркале французских исследований:
наблюдения за наблюдателями</p>	<p>ТЕОРИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ</p> <p>ЛАБОРАТОРИЯ</p>	<p>РАЗМЫШЛЯЯ
НАД ПРОЧИТАННЫМ</p>
192 Информация для авторов журнала		

Международный консультативный совет

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА (председатель), доктор политических наук, чл.-корр. РАН, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки (Россия)
Бьорн ВИТТРОК, заслуженный профессор, Уппсальский университет (Швеция)
Александр ГАЛКИН, доктор исторических наук, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Михаил ГОРШКОВ, доктор философских наук, академик РАН, врио научного руководителя ФНИСЦ РАН (Россия)
Владимир ГУТОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики СПбГУ (Россия)
Петр ЛУТКЕВИЧ, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Оттава (Канада)
Такаса ИНОГУТИ, президент, Университет префектуры Ниигата (Япония)
Борис КАПУСТИН, доктор философских наук, старший преподаватель Йельского университета (США)
Тимоти КОЛТОН, профессор, Гарвардский университет (США)
Стейн Угелвик ЛАРСЕН, заслуженный профессор Университета Бергена (Норвегия)
Мари МАНДРАС, профессор Школы международных отношений Института политических исследований, Париж (Франция)
Александр НИКИТИН, доктор политических наук, профессор, директор Центра евроатлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России (Россия)
Игорь ПАНТИН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Россия)
Юрий ПИВОВАРОВ, доктор политических наук, академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН (Россия)
Ричард САКВА, профессор, Кентский Университет (Великобритания)
Нобуо СИМОТОМАИ, профессор, Университет Хосэй, Токио (Япония)
Анн де ТАНГИ, профессор, Институт политических исследований, Париж (Франция)
Филипп ШМИТТЕР, заслуженный профессор, Институт Европейского Университета, Флоренция (Италия)

Редакционная коллегия

Татьяна АЛЕКСЕЕВА, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО МИД России
Владимир ГЕЛЬМАН, кандидат политических наук, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге
Андрей ДЕГТЯРЕВ, кандидат философских наук, профессор факультета политологии МГИМО МИД России
Михаил ИЛЬИН, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ
Полина КОЗЫРЕВА, доктор социологических наук, первый зам. директора ФНИСЦ РАН, зав. центром лонгитудных исследований Института социальной политики НИУ ВШЭ
Владимир ЛАПКИН, ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, первый зам. главного редактора журнала "Политические исследования"
Марина ЛЕБЕДЕВА, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России
Ольга МАЛИНОВА, доктор философских наук, профессор, профессор НИУ ВШЭ
Борис МЕЖУЕВ, кандидат философских наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
Андрей МЕЛЬВИЛЬ, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ
Владимир ПАСТУХОВ, доктор политических наук, профессор Колледжа Св. Антония, Оксфорд
Сергей ПАТРУШЕВ, кандидат исторических наук, зав. отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН
Владимир ПЕТУХОВ, кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН
Яков ПЛЯИС, доктор исторических и политических наук, профессор, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ
Ирина СЕМЕНЕНКО, доктор политических наук, чл.-корр. РАН, зам. директора, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
Виктор СЕРГЕЕВ, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России
Леонид СМОРГУНОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политического управления факультета политологии СПбГУ
Александр СОЛОВЬЕВ, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
Сергей ЧУТРОВ, доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России
Елена ШЕСТОПАЛ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный редактор:	С.В. ЧУТРОВ
Научный советник:	И.К. ПАНТИН
Редакция:	А.Л. БАРДИН, А.Н. КОКАРЕВА, Л.Н. КУЗНЕЦОВА, В.В. ЛАПКИН (первый зам. главного редактора)
Организационная поддержка:	Е.В. РЫЖОВА
Компьютерная верстка:	И.М. СИТДИКОВ

International Editorial Council

Oksana GAMAN-GOLUTVINA (chairman), Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Prof., Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, President of the Russian Political Science Association (Russia)
Archie BROWN, Emeritus Prof., Oxford University (Great Britain)
Timothy COLTON, Prof., Head of the Department of Government, Harvard University (USA)
Piotr DUTKIEWICZ, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Carleton University, Ottawa (Canada)
Aleksandr GALKIN, Dr. Sci. (Hist.), Prof., honorary Dr. of Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)
Mikhail GORSHKOV, Dr. Sci. (Philos.), Academician, Acting Academic Supervisor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)
Vladimir GUTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Department for Theory and Philosophy of Political Science, Saint Petersburg State University (Russia)
Takashi INOUCHI, President, Niigata Prefecture University (Japan)
Boris KAPUSTIN, Dr. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Yale University (USA)
Stein Ugelvik LARSEN, Emeritus Prof., University of Bergen (Norway)
Marie MENDRAS, Prof., Sciences Po University's School of International Affairs, Paris (France)
Aleksandr NIKITIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Director, Center for Euro-Atlantic Security, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs (Russia)
Igor PANTIN, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)
Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Russia)
Richard SAKWA, Prof., University of Kent (Great Britain)
Philippe C. SCHMITTER, Emeritus Prof., European University Institute, Florence (Italy)
Nobuo SHIMOTOMAI, Prof., Hosei University, Tokyo (Japan)
Anne de TINGUY, Prof., Sciences Po Institute, Paris (France)
Björn WITTROCK, Emeritus Prof., Uppsala University (Sweden)

Editorial Board

Tatyana ALEKSEYEVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Sergey CHUGROV, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Andrey DEGTAREV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Vladimir GELMAN, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Faculty of Political Sciences and Sociology, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor in Ordinary of National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Polina KOZYREVA, Dr. Sci. (Soc.), First Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Vladimir LAPKIN, Cand. Sci. (Chem.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief, Polis. Political Studies, Moscow, Russia
Marina LEBEDEVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of World Political Processes Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof., National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Andrey MELVILLE, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Dean, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Honored Scientist of Russia, Moscow, Russia
Boris MEZHUEV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Vladimir PASTUKHOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., St. Antony's College, Oxford, Great Britain
Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Vladimir PETUKHOV, Cand. Sci. (Philos.), Head of the Center of the Comprehensive Social Studies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yakov PLEIS, Dr. Sci. (Hist., Pol. Sci.), Prof., Prof. of Political Science Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Irina SEMENENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Viktor SERGEEV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Director, Center for Global Problems, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Yelena SHESTOPAL, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Leonid SMORGUNOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Governance Department, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Aleksandr SOLOVYOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor-in-Chief:	S.V. CHUGROV
Academic Adviser:	I.K. PANTIN
Editorial Staff:	A.L. BARDIN, A.N. KOKAREVA, L.N. KUZNETSOVA, V.V. LAPKIN (First Deputy Editor-in-Chief)
Organizational Support:	E.V. RYZHOVA
Computer Layout:	I.M. SITDIKOV

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Волна коронавируса, пронесшаяся над нами подобно торнадо, ускорила все процессы, обнажив вызовы современной цивилизации и породив странную “новую нормальность”. В ней возникли уродливые гибриды типа “либерального тоталитаризма”, а манипулирование массовым сознанием и “политика страха” посеяли семена моральной паники. Об этих сюжетах пишет тандем политологов со славянскими корнями из Университета Оттавы — **Елена Чебанкова и Петр Дуткевич** в статье **“Пандемия Covid-19 и мировой порядок”**. Генезис и динамику кризиса они связывают с перераспределением финансово-экономических ресурсов в пользу новых групп мирового бизнеса. Статья, я думаю, принципиально важная для всех политологов.

Порожденная пандемией невиданная турбулентность в умах накладывается на более глубинные трансформации сущностных характеристик культурных и научных норм. Считаю, в частности, архиважной тему трактовки политического развития и политики развития, которую анализирует **Ирина Семененко** в статье **“Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота”**. Тема затрагивает всех ученых: действительно, наука, закостеневая, умирает. Пандемия высветила и то, что взаимопроникновение смежных отраслей преобразует и науку как таковую, она становится иной. А это, в свою очередь, усиливает ее междисциплинарный характер, расширяет тематический охват исследований. Примеры тому имеются, в частности, и в этом номере. Так, любопытные выводы делают **Сергей Рязанцев и Галина Очирова**, исследователи, работающие на стыке демографии и политологии. В статье **“Методы борьбы с незаконной иммиграцией...”** они проводят сравнительный анализ соответствующего опыта США, ЕС и России.

К институциональному анализу отношу статью **Андрея Сушенцова и Владимира Павлова** **“Кризис призвания’ в Государственном департаменте: проблемы конвертации внешнеполитического потенциала США во влияние”**. В ней политологи разбирают нормативные программы, порой идеалистические, с помощью которых руководители Госдепа пытаются “перезагрузить” ведомство, но наталкиваются на набор хронических проблем, которые никому еще не удалось разрешить. Чтобы разобраться в том, какие проблемные узлы тормозят конвертацию внешнеполитического потенциала США во влияние, почитайте этот неординарный анализ.

К систематизации эвристических ресурсов политологии нас возвращают **Оксана Гаман-Голутвина, Александр Никитин и Сергей Артеев** в весьма полезной статье **“Интерфейс между политической наукой и политическим дискурсом...”**. Авторы обращают наше внимание на электронные ресурсы политической науки и, в частности, ее конфликтологической субдисциплины в виде онлайн-библиотек книг, статей, докладов, документов — “Библиотека политолога” и “Библиотека конфликтолога”, которые настоятельно вам рекомендую в качестве ценнейших научно-образовательных источников.

...Мы ищем новые темы, новые подходы. Этот тернистый путь тяжел, у нас не только победы и успехи. Есть и невыносимые потери. И среди них — прощание с Владимиром Петуховым, одаренным “генератором идей”, которыми он щедро делился и с нами, и со всеми коллегами. Грустно...

Сергей Чугров

5 февраля 2021 года после тяжелой и продолжительной болезни на 71-м году жизни скончался крупный российский ученый Владимир Васильевич Петухов, политический социолог, верный и старый друг нашего журнала, член Редколлегии. Его безвременный уход — невосполнимая потеря для социологического и политологического сообществ России. Безмерно скорбим и выражаем соболезнования близким и родным.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕТУХОВ

С 1992 по 2001 год Владимир Васильевич был заведующим центром Российского независимого института социальных и национальных проблем; с 2001 по 2005 год — заведующим отделом Института комплексных социальных исследований РАН; с 2003 по 2007 год — директором по исследованиям

Всероссийского центра изучения общественного мнения; с 2007 года — заместителем председателя Научного совета ВЦИОМ. В последние годы жизни Владимир Васильевич работал руководителем Центра комплексных социальных исследований ФНИСЦ РАН, был автором и координатором ряда крупных исследовательских проектов, в том числе и международных, по широкому кругу проблем социально-политических наук: сдвиги ценностей, идейно-политических установок россиян, политическое участие, гражданский активизм и самоорганизация, проблемы социальной мобильности и социальных трансформаций в разнообразных и мультидисциплинарных контекстах. Владимир Васильевич — автор более

200 научных работ, чести публикации некоторых из них удостоился и наш журнал. Значительное место в профессиональной деятельности Владимира Васильевича занимала экспертная работа: подготовка ряда аналитических материалов для высших государственных органов страны (Совет Безопасности РФ, Совет Федерации РФ, Государственная Дума РФ, ряд других министерств и ведомств), а также неправительственных организаций (Фонд им. Ф. Эберта, Национальный инвестиционный Совет, Горбачев-Фонд), а также членство в экспертном совете фонда Института социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) по программе Президентских грантов. Он был награжден почетной грамотой Президента Российской Федерации № 110-РП (от 11 апреля 2014 г.) “За достигнутые трудовые успехи, значительный вклад в социально-экономическое развитие Российской Федерации, заслуги в гуманитарной сфере, укрепление законности и правопорядка, активную законотворческую и общественную деятельность, многолетнюю добросовестную работу”.

Мы будем помнить Владимира Васильевича не только как талантливого ученого, профессионала высокого уровня, но и как своего товарища по редакционной работе. Помимо членства в Редколлегии он был надежным и профессиональнейшим рецензентом нашего журнала, способствовал повышению качества научных публикаций по политической социологии. Его отличали особая чуткость, компетентность и отзывчивость, готовность прийти на помощь, понять и поддержать своих коллег. Для всех знавших Владимира Васильевича его преждевременный уход — тяжелая, невосполнимая утрата.

Редакция журнала “Полис. Политические исследования”

COVID-19 PANDEMIC AND THE WORLD ORDER

E. Chebankova¹, P. Dutkiewicz¹

¹ Carleton University, Ottawa, Canada

CHEBANKOVA, Elena Alexandrovna, PhD (Social and Polit. Sci., University of Cambridge), Research Fellow, Carleton University, email: elena.chebankova@icloud.com; **DUTKIEWICZ, Piotr**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Prof., Director, Centre for Governance and Public Management, Carleton University, email: PiotrDutkiewicz@cunet.carleton.ca

Chebankova E., Dutkiewicz P. Covid-19 Pandemic and the World Order. — Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 8-24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.02>

Received: 25.11.2020. Accepted: 06.01.2021

Abstract. This paper examines the origins, nature, and potential outcomes of the global crisis induced by the Covid-19 pandemic. The authors argue that the crisis has been animated by the two most important groups of factors that have been simmering in the world's economic and political system during the past six decades and have been accelerated by the pandemic. First, the dynamic of the Covid-19 crisis illuminated the existing challenges of the contemporary capitalist system, which is generally legitimated via the instruments of moral panic and media manipulation. Each consecutive crisis of capitalism ends with the redistribution of power resources to some groups of participants. Second, the Covid-19 crisis has been taking place within the conditions of a systemic and ideological struggle between two global elite factions that harbour drastically different approaches to the changing world order and have different politico-economic goals and intentions. The authors will argue that the crisis will not change the world drastically, yet it will amplify these ongoing tensions, illuminate them to many general observers, and deepen the already-existing systemic instability.

Keywords: Covid-19, globalization, systemic instability, capitalism, crisis, 'new normal'.

The Covid-19 pandemic accentuated a plethora of deep-seated societal contradictions and simmering political tensions evolving within the contemporary Western socio-economic system. From this point of view, the recent health crisis provides an observer with a perfect opportunity, and a backdrop, to discuss the nature of the extant capitalist system, along with the world order built upon its premise. Contemporary capitalism represents the product of a complex evolution of economic and social relationships unfolding in Europe since the end of the 16th century. During the past century, this socio-economic system reached its most globalized, dynamic, but at the same time highly complex and incongruous stage. The main reason behind it is that societal contradictions have accumulated at a deep spiritual-philosophical level for the general public and at the structural level for politico-economic elites, who began to display disagreements on the nature of political system rather than on the issues of policy application. Such a situation may usher a period of further political transformation and instability marked by conflict, volatility, and flux [Abramowitz 1980: 178, 203; Easton 1965; Weldon 1946: 2-4].

In this light, the two features could best define contemporary political-economic life and its contemporary crisis: (1) societal spiritual deadlock and (2) a struggle between the two economic elite groups represented by global financial and regional industrial capital. These two critical features are tightly intertwined: systemic disagreements at the elite level rock the discursive foundations for the public, while waning of spiritual foundations of society makes the community gullible to political manipulation spun off the inter-elite battles. The Covid-19 pandemic illuminated

these tensions and is likely to intensify instabilities related to such trends. This paper argues that the 'new normal' introduced in the course of the pandemic will not become a permanent feature of human society, alter our human nature, nor permanently derail social progress or globalization. Yet it will stoke continued fear regarding liberty and human rights. The discussion also concludes that the coronavirus crisis will accelerate the ongoing clash over power, economic resources and financial control between the elite factions, which have divergent interests and views regarding the future of global development. This could foment international tension and instability and give a push-start to further recasting of the extant world order.

The structure of this paper is as follows. The discussion is comprised of a two-tier analysis of the nature of the contemporary 'coronavirus crisis'. The first section focuses on an historical analysis of the crisis by examining the disruption of the normative (Abrahamic) foundations of Western political-capitalist society and its consequences, namely a public gullibility to the rise of a new secular civil humanitarian 'religion' advanced by media and academia. The discussion then moves to an examination of an ideological battle unfolding between two global elite groups: financial capital represented by the neo-liberal ideological group and regionalist-industrialists represented by the conservative political cohort. The paper shows that, while the global neo-liberal elite promotes the redefinition of human interactions, family relationships, educational norms, medical care, travel, trade, and fundamental rights and freedoms, the conservative right endorses of the 'old normal order', which emphasizes social interactions, in person education, reopening the economy. The subsequent two sections examine the balance between the traditional understanding of human interactions and the 'new normal' and perspectives of the 'new normal' for the future of globalization.

THE NATURE OF CRISIS: THE LONG DURÉE PERSPECTIVE

9

Many twentieth-century philosophers [Cohen 1972; Hall 1978; Habermas 1975; Herman, Chomsky 1994] argued that crisis represents a permanent mechanism animating the Western political system. These philosophers also claimed that the crisis stems from the situation in which the normative base of society no longer satisfies the economic and political structure. This mismatch leads to the two most important outcomes. First, to motivate and control increasingly dissatisfied population, politics are conducted via the means of moral panic, mass hysteria, and flight from rationality. Second, this process creates a new socio-cultural normative base that better fits the economic system.

One reason behind this crisis-driven working of the system is that the Western capitalism has rested on and been legitimated through a set of pre-capitalist values that derive their roots in the Abrahamic tradition¹ [Habermas 1975; Plant 1982]. This tradition relies on a particular understanding of property, family, history, and community as the instruments of social cohesion and politico-economic progress [Calhoun, Derlugian 2011: 312]. Abrahamic tradition animated both medieval (pre-modern) and modern evolutionary paradigms, and both these paradigms have, in turn, created a socio-political entity that we know conventionally as the West. The recasting of all aspects of this tradition during the past six decades has begun to threaten rationality-driven progress and disrupted the traditional instruments of social motivation within the spheres of economic activity and political stability. Indeed, during the Renaissance, humanist and Reformation thinkers dominated

¹ Abrahamic tradition refers to the spectrum of normative rules outlined in the Bible and serving as a foundation for Jewish, Christian, and Islamic faiths.

the public debate in Europe due to their appeal to human reason, will, and faith, as well as the possibility of free religious expression, with Erasmus and Luther being the leaders. Scholasticism and Thomism expanded these ideas by giving rise to contemporary constitutional thought on legalism and political consent [Figgis 1956; Spitz 1963; Trevor-Roper 1967]. All these concepts have cumulatively contributed to the emergence of Western, and largely global, politico-administrative systems. The nineteenth-century Napoleonic code expanded those ideas towards the endorsement of equality, meritocracy, and rationality in running the bureaucratic machine of the modern state [Kissinger 2016; Fukuyama 2015]. Likewise, family buttressed the state politically, and various metaphysical theorizations of the early modern era firmly linked one entity to another (Filmer and Locke could serve as examples). Abrahamic faiths supported the idea of property and endorsed a particular work ethic that motivated modern economic activity [Gamble 1996: 30]. Within the conditions of inter-state competition and class-based society, conservative values of family and faith served as the instruments of voluntary public mobilization in defence of the ruling elites. History as a collective memory and communal responsibility for righteous action figured as a motivating civic mechanism [Levenson 1985: 42–45].

However, those values became redundant during the second half of the twentieth century, when the economic system obtained a global character and began to decouple from the palpable political realm [Habermas 1975; Harvey 2005]. Financial capital acquired unrivalled powers, and the gradual process of de-industrialization of Western states took place [Bichler, Nitzan 2013]. Global financial capital turned political and slipped into the shadows, forming the global and anonymous ‘deep state’ involved with ‘turning capital into power’ [Lasch 1995; Bichler, Nitzan 2013]. The role of the visible administrative state has become to steer the economy and serve as a ‘manager’ for this invisible sector of real politics. Hence, the rift between ‘ruling’ and ‘governing’ elites has become palpable — a point made by the SPD leader Karl Kautsky as early as in 1902 [Kautsky 1902]. Along with that, the introduction of unlimited consumption and unlimited credit since the 1960s created new political realities, in which the system was legitimized via a new type of economic behaviour and began to produce a new type of *consumer* — to follow Karl Polanyi’s logic. Accordingly, global markets placed new demands on labour requiring mobility, narrowly specialized knowledge, flexibility, and the absence of stable connections to fixed collectives such as nation, hometown, family, gender, and workplace. Attempts to educate and produce this new global worker-consumer required redefinition of the extant normative and anthropological base. Therefore, the renewed political-economic system developed the need for a new spiritual tradition, which has been consistently lacking. The absence of a normative base represented a serious matter of concern, because values serve as a powerful motivational tool, a restraint on economic demands, and a reinforcement of work ethics [Habermas 1975].

Within the conditions of spiritual deadlock, the public becomes gullible, and susceptible to political manipulation and control. Neil Clark cites the words of the Belgian playwright and translator Emile Cammaerts, who said: ‘When a man stops believing in God, he doesn’t then believe nothing, he believes anything’². From this

² Clark N. ‘How Covid-19 Became Britain’s Newest Religion. — *Sputnik*. 29.05.2020. URL: https://sputniknews.com/columnists/202005291079454699-how-covid-19-became-britains-newest-religion/?fbclid=IwAR3hIBUmZxmf_m4X-HINtdSup52PXyYJkkEDSAL2UzcUnlF39k4fxp9FCM (accessed 29.01.2021); Cammaerts E. To the Men Behind the Armies: An Address Delivered on February 1917, at the Aeolian Hall, at a Meeting of the Fight for Right Movement. London: Classic Reprint: 2018 (Reprint).

point of view, a mechanism of constructed moral panic began to be used to rekindle compliance and interest [Cohen 1972; Hall 1978; Habermas 1975]. The dramatization of political events and exaggeration of negative scenarios were called upon to construct particular emotional responses and 'manufacture' the consent of the governed [Herman, Chomsky 1994]. More importantly, as Stuart Hall notes, each subsequent 'exhaustion of consent' is matched by the new 'rising tide of moral panics' [Hall 1978: 218]. This is accompanied by a flight from critical analysis and professional debate, a devaluation of rationality, and further restrictions on the freedom of speech³. Ulrich Beck referred to this phenomenon as the 'risk culture', in which public risks and fears are being exaggerated and socially constructed⁴. The promise that all potential risks can be controlled during the waves of moral panic leads to political explosiveness in a society during any slight real or perceived disturbance. More importantly, Beck argues that 'virtual risks no longer need to exist in order to be perceived as fact. Perceived as risks, they cause enormous losses and disasters. Thus, the distinction between "real" risks and "hysterical" perception no longer holds'⁵.

In parallel to that, a process of creation of the new deeply internalized value base has been launched. It could even be argued that the state of permanent crisis will not cease until the new value base is formed and fully entrenched as spiritual dogma. The purpose of the new normative base will be to match the evolved economic structure, forcing the two realms to overlap, if not converge. At the same time, building a new tradition takes some centuries of mulling over a significant 'discursive event' [Foucault 1972] invoked by the teachings of figures like Moses, Jesus, Mohammed. In other words, new spiritual foundations should be able to compete with those of any Abrahamic faiths or at least display similar complexity and expression as pre-Christian Olympianism. Because of the difficult and complex requirements that the newly developing tradition does not succeed in meeting, it (tradition) settles for the mere negation of the extant traditional values and rationality. This new base tradition begins with an idea of emancipating oppressed subaltern minorities, endorsing alternative lifestyles, introducing unrestricted consumption patterns in all areas of economic and socio-political life, and upholding the unquestioned equality of all cultures. These proposed norms are imposed through the spirit of fanatical egalitarianism, often as totalitarian and restrictive as the very restrictions it intends to fight [Wilkinson 2019]. This new secular moral orientation aims to obtain a religious power and is often referred to as a 'humanitarian' religion or a 'religion of humanity'.

Many conservative and religious philosophers, such as Aurel Kolnai, Pierre Manent, Roger Scruton, Daniel Mahoney, Pope Emeritus Benedict XVI, Alexandr Solzhenitsyn, following Vladimir Solovyov, problematized this development. They

³ Dionne E.J., Jr. The New Politics of Fear. — *Washington Post*. 04.12.2016. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-politics-of-fear-is-gripping-democracies-across-the-world/2016/12/04/2de10712-b8c8-11e6-959c-172c82123976_story.html?utm_term=.1d6956e28049 (accessed 29.01.2021); Freeman H. Don't Play Identity Politics! The Primal Scream of the Straight White Male. — *Guardian*. 02.12.2016. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/02/identity-politics-donald-trump-white-men> (accessed 29.01.2021); Batzedek E. Identity Politics and Racism: Some Thoughts and Questions. — *Rain and Thunder*. 1999. No. 5. URL: <http://feminist-reprise.org/library/resistance-strategy-and-struggle/identity-politics-and-racism-some-thoughts-and-questions/> (accessed 29.01.2021).

⁴ Yates J.J., Beck U. Interview with Ulrich Beck on Fear and Risk Society. — *The Hedgehog Review*. 2003. No. 5-3. URL: <https://hedgehogreview.com/issues/fear-itself/articles/interview-with-ulrich-beck> (accessed 29.01.2021).

⁵ Ibidem.

argued that treating man as a ‘measure of all things’ leads to the erosion of the Abrahamic normative foundation, which in itself undermines our ability to draw a balanced political judgement. Choices promoted by the new ‘religion of humanity’ are often farcical in their targeting of natural reason, conscience, and common sense. Daniel Mahoney argued that confusion is left in the place of rationality, the normative experience turns into a humanitarian parody, and people lose the ability to act as citizens and moral agents ‘partaking in a concrete tradition of moral experience and judgement’ [Mahoney 2018: xviii].

In parallel, the erosion of social cohesion has been developing through the destruction of the norms of civil discourse that could unite people around a constructive and rational discussion of common social and economic problems. This state of affairs corresponds to the reality constructed by the decades of post-modernism and digitization of human life. Social apathy, alienation, and withdrawal of trust in previously stable systemic institutions has led to the emergence of a series of unanchored individuals who are easily manipulated through their estranged digital screens. Recent decades showed a significant reduction of public trust in the mass media in Europe and America, and a sharp decline in the readership of leading newspapers and journals [Krastev, Sakwa 2013: 273-275]. More importantly, the overall decline in educational standards has resulted in a significant socio-economic stratification in this crucial sphere, further consolidating the crisis of rationality and professionalism [Fukuyama 2015: 460]. Similarly, the increasingly dogmatic nature of contemporary discourse has led to a serious decline in the standards of Western democratic institutions. Creeping bureaucratic and ideological control has allowed the firing and social ostracizing of even the most rational and moderate political opponents — the case of Joan Rowling could serve as an example [Bueskens 2020].

GLOBAL ELITE GROUPS AND THE PANDEMIC CRISIS

Another important contextual factor that determined the logic of the current coronavirus crisis relates to the battle between the two main global elite groups: representatives of global financial capital and regionalists-industrialists. These two global elite factions have operated in world politics since the launch of modernity, but have intensified their disagreements during the past six decades. If we were to adhere strictly to the spirit of political science and sociology, we ought to observe that elite groups are more numerous than just those two. Yet, representatives of financial and industrial capital still remain the two *main* cohorts exerting the most *decisive* economic and political influence, holding significant levers of power, and often absorbing other smaller groups into their midst. These groups determine the main trajectories of socio-economic development that could be supplemented with debates on the nuances of policy application provided by other networks. Addressing contemporary realities, Emmanuel Macron conditionally referred to those two factions as ‘progressivists’ and ‘national populists’ and argued that these factions have a ubiquitous supra-national character⁶. Donald Trump reconfirmed this idea indirectly by claiming that it is easier for him to find a common language with Russia or China than with the members of the Democratic Party⁷.

⁶ ‘La concorde selon Macron.’ — *L’Obs*. 23.04.2020. No. 2894.

⁷ Kaczynski A., Massie Ch., and McDermott N. ‘80 Times Trump Talked about Putin.’ — *CNN*. 2017. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2017/03/politics/trump-putin-russia-timeline/> (accessed 29.01.2021).

During the past five decades, the first party has been composed of the various factions of 'neo-liberal' elites that hold control over the flow of financial capital, portfolio investments, and information technologies. The second group has been represented by the conservative cohort of politicians backed by the industrial capital responsible for the production within the sectors of heavy industry, the military, agriculture, and resource extraction. Both parties have their representatives within the governments of states around the world and global political elites. Their relationship evolved in a complex and intricate pattern, leading them to part ways towards the end of the twentieth century. During the first half of the twentieth century, industrial capital led globalization in alliance with the financial capital that provided monetary resources for the expansion. Both strands of the capital were successfully engaged in the global production and distribution of goods based on the classic principles of accumulation and industrial capitalism. This symbiosis of global and industrial capital has imposed global rules and regulations, often deploying double standards and violating principles of justice where necessary to ensure success [Huntington 1996]. The newly emerged system commodified democracy by paving the way to lumpen liberalism. It tested the limits of depriving the workers of the benefits of the welfare state and created enormous wealth for the few.

At some point in time, however, financial capital got tired of playing the role of the younger brother to the industrialists and dared to set out on an independent journey in a world full of new economic and political opportunities [Bell 1996: 292]. Financial capital sought to relieve itself of the obligations to maintain social cohesion within the vassal states and not to cross the limits of pauperization. By the end of the 1990s, financial capital began to participate in global processes as a separate group of actors, independent from industrial capital and guided by a simple drive towards wealth accumulation. Somewhere along the way, financial capital dispensed with the principles of liberal economics and merged capital and power [Bichler, Nitzan 2013].

The pandemic largely revealed 'true colours' of each respective group and accentuated their goals, intentions, and strategies. Respective approaches and reactions to the pandemic by representatives of each group fleshed out their political-economic interests and demonstrated how such interests could be legitimized within the new crisis conditions. Before the pandemic, these global elite groups were locked into heated ideological debates on the future of humanity in all spheres of social and economic life. The most important battle has been unfolding in the normative realm, exerting a rift between traditional and newly developing norms and ethics. This ongoing debate has been eroding the social cohesion in Europe and America for some time and has, in part, reached other global centres such as Russia, China, the Middle East, and South and Central America. Habermas argues that the 'level of development of a society is determined by the institutionally permitted learning capacity, in particular, ...by whether discursive learning processes can take place' [Habermas 1975: 8]. From this point of view, universities have become the first hot spots for the ideological battles between the two sides. The curricula of universities have been redrafted to reflect this ongoing debate, in which traditionalists steadily gave ground to the globalists. The latter have appropriated the discourse on crucial areas of human activity and established their views as a dominant orthodoxy. The overwhelming trend within Western universities has been to defend neo-liberal positions, allied with the cultural leftist agenda, even at points when these views appeared controversial. More often than not, similar freedoms of thought, speech, and expression have not been extended

to equally controversial conservative and traditionalist speakers⁸. Means of achieving these ends have ranged from physically blocking the access of conservatively-minded speakers to lecture halls to demanding that administration disinvite distinguished controversial figures. That led distinguished observers and politicians, such as Nick Clegg, Michael Blumberg, Simon Jenkins express concerns over political correctness going awry, endangering free speech, and instilling the atmosphere of ‘illiberal liberalism’⁹. Lockdown and social restrictions imposed during the pandemic are likely to sharpen those tensions and provide each side with an additional set of arguments.

Representatives of the global financial capital often speak with the voice of ‘neo-liberals’ and left-leaning liberals [Chebankova 2020]. The advocates of this faction press for the idea of homogenization of world cultures and the anchoring of global society on neo-Western, ‘humanitarian’ hyper-moralism in the social sphere and neo-liberalism in the economic realm. Significantly, theirs is a new *type* of West, or rather that part of the West that has forgone its Abrahamic metanarrative as a premise for future development. This group poses as a moralistic emancipating power, striving to construct social reality on the normative base of the ‘religion of humanity’ discussed above. The implementation of this model results in the growing stratification of society, as well as the selective application of law that is gradually separating emancipated minorities from the silent remainder. An earlier philosophical debate between the defenders of a mere moral ‘recognition’ of social groups and the advocates of the practical ‘redistribution’ of resources that should follow such a recognition reflected the impending limitations of this legal selectivity [Fraser, Honneth 2003; Glazer 1987]. The process of social stratification is fraught with the emancipation of the elites from the state, from law, and from the executive power, which represents the rest of the population. Such a liberalization of elites from the burdens of social responsibility also risks to place these elites ‘above the state’ and law. Values such as social cohesion, development, and progress also become redundant as they stand as an obstacle to the creation of wealth.

Representatives of industrial capital belong to the opposite elite group. It is motivated by different interests and therefore pursues a different logic. This group is driven by the idea of sustaining industrial development within nation-states and argues that such an economic structure can provide employment, economic growth, and the well-being of citizens. Industrialists in the United States are concerned that if national manufacturing is sent abroad, it could hamper the country’s security. The production of antibiotics, for instance, according to Fox News, has been moved offshore and this shortcoming has become a matter of concern during the pandemic. These industrial groups still defend the traditionalist metanarrative of society that

⁸ Mance H. Students Intolerance of “Incorrect” Thinking Imperils Free Speech. — *Financial Times*. 21.12.2015. URL: <https://www.ft.com/content/d234163c-a7f9-11e5-955c-1e1d6de94879> (accessed 29.01.2021); Jackson A. Disinvitations to College Speakers Are on the Rise. — *Business Insider*. 28.07.2016. URL: <https://www.businessinsider.com/list-of-disinvited-speakers-at-colleges-2016-7> (accessed 29.01.2021); Dandridge N. A Ban on Germaine Greer Would be a Threat to the Universities’ Unique Role. — *The Guardian*. 13.11.2015. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/13/ban-germaine-greer-universities-free-speech> (accessed 29.01.2021).

⁹ Jenkins S. Fining Universities for No-Platforming Denies the Idea of Academic Freedom. — *The Guardian*. 27.12.2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/dec/27/no-platform-universities-academic-freedom-free-speech> (accessed 29.01.2021); Selingo J. College Students Support Free Speech — Unless It Offends Them. — *The Washington Post*. 09.03.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/local/college-students-support-free-speech--unless-it-offends-them/2018/03/09/79f21c9e-23e4-11e8-94da-ebf9d112159c_story.html (accessed 03.01.2021).

can provide a legitimating platform for its goals, interests and profit/accumulation. Therefore, industrial groups insist on the equality of all before the law, greater social cohesion, and maintenance of order, stability, and the Abrahamic tradition.

Along with that, industrial groups support a traditionalist understanding of the role of the state in various spheres of socio-political life. Representatives of this political strand adopt the Hobbesian interpretation of the idea of the state, which matured since the age of Reformation in the Lutheran and Calvinist ideology of territory (*regnum*), faith (tradition), the person of the prince (leader), and the separation between the personality of the prince and the institution he represents [Figgis 1956; Skinner 1979]. The idea of the state was further expanded to involve the people residing within the territorial borders of the state and the particular culture and shared history of these people. This understanding of the state rests on the ideas of classical liberalism, Reformation-era humanism, and modern rationality, and largely caters to the needs of domestic industrial production.

Traditionalists often argue that contemporary globalist liberalism has turned into aggressive dogmatism and begun to subvert free speech. Traditionalists, backed by industrial capital, claim that they imbibed classical liberal ideas of the nineteenth century and can be regarded as the only true defenders of these values. In recent years, these groups began to vie for freedom of thought and speech and an equal (or colour-blind) application of social, political, and legal standards. Taking this base position into account, conservatism could give answers to the most urgent problems facing humanity within its metaphysical paradigm based on its particular metanarrative. Many of these crucial matters have been hitherto appropriated by the globalists as a unique area of concern. Among those are the problems of global warming, overpopulation, gender and family, history and education, the managing of information technologies and artificial intelligence, poverty, the depletion of natural resources and fresh water, high-level corruption, and safety and security. Such responses could be presented within the bounds of traditional rationality and meaningful intellectual discussion purged of mantras and dogmatism.

15

PANDEMIC: A REFLECTION OF SYSTEMIC CRISIS

The coronavirus pandemic figured as a reflection of these complex and multi-faceted processes of systemic shortcomings and ideological conflict. The Covid-19 response was one of the most acute moral panics that affected global society in the twenty-first century. It has also revealed the two very different approaches to crisis management of the conflicting factions among global elites. The pandemic has become one of the most serious crises of rationality that climaxed in global fear and a proliferation of mass control. Neil Clark writes: 'It has become almost impossible to have a rational debate about Covid-19 and the policies that governments have brought in in its wake, as the virus has gone from being a health issue and instead become a religion'¹⁰. From this point of view, the coronavirus crisis falls into the general pattern of crises regularly experienced by the capitalist world. The complementary benefits exploited by this crisis were geared towards achieving a firmer control over the masses of people who lost faith and substantive rationality.

¹⁰ Clark Neil. How Covid-19 Became Britain's Newest Religion. — *Sputnik*. 29.05.2020. URL: https://sputniknews.com/columnists/202005291079454699-how-covid-19-became-britains-newest-religion/?fbclid=IwAR3hlBUmZxmf_m4X-HINtdSUP52XyYJkkEDSAL2UzcUnlF39k4fxp9FCM (accessed 29.01.2021).

It is unlikely that this crisis, as many of its predecessors, is capable of a radical transformation of the world, because a radical change would be equal to building a just order on a new economic basis or sliding into the unashamedly totalitarian abyss. We would be hard-pressed to envisage such scenarios upon the resolution of the global pandemic. Yet, the general course of this crisis follows the logic that distinguishes it from its earlier counterparts in some important ways. First, the crisis attempted to reformulate social communication in many essential areas of human life with the ideas of 'new normal'. The severity and extent of the lockdown are likely to leave a lasting fear about how the rights and freedoms of citizens have been rescinded. Second, the crisis has amplified the struggle between global competing elite groups represented by industrial and financial capital. Third, this battle of the global will invoke heated debates about methods of constructing and managing the globalizing world.

The coronavirus crisis is providing a new platform that could facilitate the attempts of financial capital to redefine social and anthropological foundations of human life. From this point of view, the reaction to coronavirus obtained ideological and — as some observers noted — even religious forms. The pandemic also provided ideological arguments conducive to legitimizing the already-existing course towards social stratification and political control. The 'new reality' that was promised in the wake of the crisis was to target many essential spheres of human life. These concerned interpersonal communications, family relationships, education, medical care, travel, trade, as well as some fundamental rights and freedoms. Overall, the creation of the 'new reality' aimed to legitimize new forms of management of public relations. Some analysts have claimed that the 'new world' will be reliant on artificial intelligence, 'smart cities', super-apps that accumulate large masses of data, monopolized technological ecosystems catering to the needs of consumers, electronic means of surveillance, and other 'advanced' forms of mass control¹¹.

The introduction of various forms of contact tracing, along with other means of electronic monitoring, also helps to reformulate people's lives following the rapidly controlled political and social environment. Tracing apps might be expected to be widely launched, in the same way that CCTVs became normal as a result of the moral panic related to the youth disturbances of the 1970s [Cohen 1972]. Besides, power has slowly begun shifting towards non-financial forms of control, introducing novel means of social enforcement. Medical bureaucracy — not to be confused with medical care providers — could be deployed as an additional institutional means of managing public relations.

The role of the traditional state in this model takes a back seat, and the most meaningful forms of political power could be transferred to the leaders of the global financial, IT, and intelligence service areas. These developments could also result in the emergence of new forms of inequality based on an unequal access to technology, even in wealthier countries¹². If carried through systematically and on a long-term basis, these developments could result in the establishment of a new culture, in which people will be dispersed, disengaged, disoriented, and unable to shape their future.

¹¹ Каким будет мир после коронавируса? [What Will the Post-pandemic World Look Like?] — KPMG. 29.04.2020. URL: <https://mustread.kpmg.ru/articles/kakim-budet-mir-posle-koronavirusa/> (accessed 29.01.2021).

¹² Shift to Online Learning Due to COVID-19 Requires Rethink of Teaching. — *National Post*. 16.03.2020. URL: <https://nationalpost.com/pmnn/news-pmnn/canada-news-pmnn/shift-to-online-learning-due-to-covid-19-requires-rethink-of-teaching-experts> (accessed 28.08.2020).

The collapse of natural reason and flight away from a systematic academic discussion of the events accompanied the 'new normal' proposals. Indeed, it has been argued that elaborate scientific debate did not take place before introducing the policy of the global lockdown. Decisions have been hastily adopted based on a select academic opinion led by a group of scientists from the Imperial College London and its affiliate structures, ignoring the views of the remainder of the academic community¹³. The chief of the Norway Public Health Agency, Camilla Stoltenberg, argued that a comprehensive academic debate on the nature, spread, and response to the Covid-19 challenge has not taken place. She claimed that, before implementing a comprehensive global lockdown, scientifically confirmed observation data, the number of 999 calls, and weekly figures of respiratory infections and deaths should have been investigated in an open academic debate. Some British and American media outlets¹⁴ also called for an investigation of whether such drastic lockdown measures have been justified, both scientifically and politically, and wondered if those measured could have been limited to who were sick and those who have been in contact with the sick. Towards the end of the pandemic, the press was mulling over the idea that the infection might have appeared in Europe as early as December or even earlier than that, pointing to the lack of a comprehensive scientific debate on the matter.

In practice, the pandemic was able to reformulate for a short term many traditional patterns of human activity. We witnessed temporary-but-painful church closures, cancellations of weddings and funerals, redefinition of familial communication, redrafting of learning and education, the introduction of telephone medicine, and the expansion of 'work-from-home' practice. Distant forms of learning have been of primary concern. It has been argued that physical presence has been a crucial element of education for all participants for almost ten centuries. Agamben claims that 'during those crucial years of education, friendships are made, small study and research groups are formed based on pupils' cultural and political interests, and these links continue to future life long after the classes and university years have ended'¹⁵. Introduction of virtual forms of education could negatively impact human communication, eliminate the pastoral component of learning, and disrupt the very phenomenon of student life. In some countries, the coronavirus pandemic has become an additional argument in favour of distant learning. This situation threatens to result in stratification of human experience separating those who have access to personal learning and those who end up with a cheaper distant option.

Provision of medical services is another sector that has seen some adverse restructuring linked to the introduction of the 'new normal'. New forms of patient-doctor communication have been conducted via increased computerization and distant forms of treatment. Introduction of telephone medicine during the pandemic, in which a scaling down of personal meetings between doctors and patients took place, might become a stable and unwelcome trend of the future, adversely impacting traditional human relationships and increasing the rift between rich and poor. Both

¹³ Bennett A. Hysteria Is the Most Dangerous Coronavirus Symptom. — *Telegraph*. 22.08.2020. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/08/22/hysteria-dangerous-coronavirus-symptom/> (accessed 29.01. 2021).

¹⁴ Norway Health Chief: Lockdown Was Not Needed to Tame Covid. — *Spectator*. 27.05.2020. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/covid-19-update-lockdown-was-not-needed-to-tame-covid-says-norway> (accessed 29.01.2021).

¹⁵ Agamben G. 2020. Requiem for the Students. — *Diario della crisi*. 23.05.2020. URL: <https://medium.com/@ddean3000/requiem-for-the-students-giorgio-agamben-866670c11642> (accessed 29.01.2021).

medical and educational spheres represent core elements of human activity necessary for the reproduction of society. Trends towards remote forms of work within these sectors could result in further economic stratification of society, which could threaten to further exhaust social consent in the future.

The outlets of global governance often become the advocates of this 'new normality' during the crisis. Within the ongoing crisis conditions, this group viewed the global lockdown as a chance to introduce and sustain the subsequent profound change to the lifestyle of billions of people. This is because the ideological message of the 'new normal' has been well aligned with the ongoing 'balkanization' of society and the control exerted over societal groups by ideologues of identity politics. Flight from traditional rationality further assisted in keeping people in check during the lockdown, while the bans introduced on social gatherings aimed at the erosion of social cohesion and reduction of 'bridging' social capital [Putnam, Leonardi, Nanetti 1993].

Many advisory and consultancy groups, representatives of the information-technology sector, artists, and scientists dealing with global financial capital espoused the 'new normal' ideas most enthusiastically. For many such advocates, these views have been fuelled by their pre-existing concerns over ecological justice, supposed overpopulation of the planet, and issues of identity politics. One example is an open letter to *Le Monde* from a global group of liberal artists and scientists who claimed that the lockdown should remain in place even after the pandemic has ended to protect the planet from the impending ecological disaster¹⁶. Should this global faction secure intellectual, social, and political success, the West will emerge as a renewed moral force that will insist on establishing its reformed tradition universally. It will also vie for the building of a single globalized culture anchored in this increasingly systematized discourse. Many non-Western states already have large elite factions that are supportive of this new ideology: Russia and China could serve as prime examples.

The response of the industrialist elite group to the pandemic has been logically determined by the philosophical positions of its representatives. While recognizing the seriousness of health risks and the need to control the spread of the disease, these elite groups have been convinced in the necessity of sustaining the 'old normal order', in which human behaviour remains essentially 'human' and correspondent to the bounds of natural reason. Politicians within this group emphasized the importance of interpersonal face-to-face communication, in-class education, in which a tutor has pastoral, as well as educational, contact with students, trade and globalization based on the alliances of states, as well as cultural, academic, and scientific interexchange. It has been stressed that reciprocal intimacy, friendships, rivalry, gossip, the passing of judgements and commentary, mutual help, and appraisal all figure as indispensable parts of social cohesion. Human *sociometer* [Leary 2012], they argue, describes the inner mental gauge that tells us every moment how we are doing in the eyes of our interlocutor. This instrument of communication acted as an evolutionary way of building and sustaining community by allowing people to view each other as desirable partners for all forms of social relationships¹⁷ [ibidem]. In the eyes of the industrial

¹⁶ Stars and Scientists Call for World Not to "Go Back to Normal". — *France24*. 06.05.2020. URL: <https://www.france24.com/en/20200506-stars-and-scientists-call-for-world-not-to-go-back-to-normal> (accessed 29.01.2021).

¹⁷ Haidt J., Rose-Stockwell T. The Dark Psychology of Social Networks: Why It Feels Like Everything Is Going Haywire. — *Atlantic*. December 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/12/social-media-democracy/600763/> (accessed 29.06.2020).

groups, the community is a core element for sustaining successful production cycles and professional standards of a permanent workforce.

These elite groups also pressed for the speedy reopening of the economies, localized and limited lockdowns, isolation of the sick, and permission for the healthy to return to work. Advocates of these ideas drew parallels to the 1918-19 Spanish flu pandemic that, despite grave seriousness of the disease, did not result in the cancellation of many crucial socio-economic activities. These thinkers lament that the coronavirus response threw people off normalcy for a prolonged and indefinite period, even though a per-capita fatality rate of this disease is 99.2 per cent lower than that of the 1918-19 flu¹⁸. They largely blame the new culture of selective empathy, emotional self-focus, anxiety, and fear for making the lockdown of an unprecedented magnitude possible. Advocates of the industrial-elite group are concerned over a prolonged economic slump that will blight and derail countless lives across the world. While the lockdown becomes possible for the select few who are privileged to work from their home offices, it put the lives of those who are less economically advantaged on hold by hurting the larger industrial economy. As Walter Scheidel argues, the lockdown will leave a large part of the society 'mired in unemployment and precarity or stuck in face-to-face jobs that promise ongoing exposure. The young and the poor, already held down by inequality, debt, and fading prospects of social mobility, are bound to pay the heaviest price'¹⁹.

IS THE 'NEW NORMAL' A NORM?

It is also important to remember that the imposition of a 'new reality' must require a larger plan for a full-scale recasting of human anthropology. In many ways, this is an attempt to create a new 'furloughed' civilization, easily managed via technological means of control and enjoying far fewer rights and freedoms. This civilization should have a streamlined access to wealth and services, as well as a new structural approach to opportunities. Does this plan of a 'new normal' have a chance to take over social life, or it is destined to be forgotten once the pandemic is over? We prefer to steer away from an apocalyptic prognosis and think that the success of the proposed 'furloughed civilization' is likely to be limited. Indeed, human history has experienced far greater jolts and stresses than the current pandemic has offered. Yet, those jolts were unable to derail the world from the logical sequence of events gradually determined by the years — if not hundreds of years — of intellectual and political evolution. The world witnessed the deadly 'Spanish flu' at the beginning of the twentieth century, two world wars, the collapse of the Soviet Union, and waves of migration from economically disadvantaged areas to wealthier places. While those landmark events significantly altered the general architecture of international relations and the political climate of the globe, they failed to derail the general course of human development that was simmering in prior times. Neither have these crises succeeded in altering the general parameters of human nature — our main needs, our existential questions, and our established modes of communication. 'New normality' is unlikely to entrench itself in the social fabric, because human society has developed particular ways of communication that have been deemed 'normal' and natural by thousands of years of evolutionary experience.

19

¹⁸ Scheidel W. The Spanish Flu Didn't Wreck the Global Economy. — *Foreign Affairs*. 28.05.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-28/spanish-flu-didnt-wreck-global-economy> (accessed 29.01.2021).

¹⁹ Ibidem.

Humans must be social creatures by nature, as Aristotle observed, and Christian medieval philosophers reconfirmed. Men are born to live in communities, as numerous Thomists argued, and it is natural for people to form collectives. Some scholars, such as Vittoria, insisted that the need to form communities was supplied to people by ‘a providential force’ and specifically by the ‘will of God himself’ [Skinner 1979: 161]. Some others, such as Augustine, Suarez, and Molina, argued that people create communities to protect themselves from the fallen nature and ill inclinations of others. Regardless of the reasons, a collective lifestyle has been recognized as a common feature of natural human life. Moreover, besides forming the most traditional forms of communes such as families, neighbourhoods, settlements, and nations, people also long for an apprenticeship in a professional education, pastoral care at schools and universities, academic exchange in scientific collectives, social experience in trade and leisure, and common exchange of knowledge in the search for answers to existential questions.

The biblical tale of the Tower of Babel presents us with a complex moral message that urges humanity to display moderation and temperance. It shows that globalization cannot be derailed, yet it must follow sage and measured steps. On the one hand, the story underscores the desire for communication, cultural, scientific, and technological interexchange, as an innate feature of the human mind and nature. On the other hand, it delineates the limits of the potential merger of cultures and civilizations, invoking the desire to defend particular traditions, religions, and languages. Indeed, ancient and medieval trading routes stretching from Asia to the Middle East, Northern Europe to Byzantium, and old markets blossoming on the sale of foreign goods, spices, jewels, silks and fabrics, largely determined the political and economic development of the world. Yet, despite this exchange, people strove to maintain their cultures and to function within their particular groups. This way of leading human life has been perpetuated throughout time and described by various medieval religious philosophers as the expression of natural law. Such an understanding of the indelibly social nature of human life leads us to question the very term ‘social distancing’ proposed by the pundits of the ‘new normality’. The term comes across as deeply flawed, because it defies the social nature of humans and negates the core of their humanity. It sends a message that deprecates people’s sense of self-worth and misinterprets the very foundations of human nature.

Having said that, despite the unnatural and irrational foundation of the ‘new normal’, the public is likely to remain pessimistic about the fate of its extant liberties. Fear for the future of human rights is likely to remain as the most identifiable vestige of this crisis. One of the most demonstrable outcomes of the lockdown was the ease with which people handed over their rights and freedoms in the name of the constructed or real threat. Political slogans often substituted for a rational discussion and ‘faith’ in the infection’s sinister powers has almost replaced other forms of belief. People began to fear each other as carriers of some pathogenic disease but, above all, they demonstrated that the fear of death has replaced the courage to live. More importantly, the lockdown represented an unprecedented political experiment in curbing people’s liberties, acting as a gauge of the extent to which citizens were willing to rescind their rights. Following the partial relaxation of rules, many world leaders stated that they would not stop short of another round of similar restrictions and would put the ‘hand brake on’ should the situation demand²⁰.

²⁰ Greta Thunberg: “Climate Change ‘as urgent’ as Coronavirus”. — *BBC News*. 20.06.2020. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/science-environment-53100800> (accessed 27.01.2021).

In this connection, Habermas notes that ‘society does not plunge into a crisis when, and only when, its members so identify the situation. ...Crisis occurrences owe their objectivity to the fact that they issue from unresolved steering problems’ [Habermas 1975: 4]. Public flight from the constructive debate on the issue reflected pre-existing social and political alienation, the lack of firmly internalized beliefs, social apathy, and a spiritual void that pushed the public outside the bounds of traditional rationality. Hence, apart from its medical urgency, the coronavirus crisis also marked a crisis of identity, ideology, and metaphysical foundations, as well as economic affairs. The society that was already experiencing the crisis of identity and culture has easily parted with its rights.

PANDEMIC AND THE FUTURE OF GLOBALIZATION

The pandemic has also inflicted significant damage on world economic growth, caused a hike in global unemployment, magnified old and new types of inequalities, suspended for some period international travel, hampered cultural and academic exchange, and accentuated the already-existing tensions in international relations. These disturbances will no doubt raise questions concerning the future ways of managing inter-state dialogue and help to reform some of the existing supranational institutions. This crisis will also create additional arguments in favour of the already-existing proposals towards restructuring the world order, thus deepening the ongoing debate on the matter. The two elite groups under discussion will vie for their respective views on the world’s future and the nature of international relations. The struggle between the existing views is likely to become more intense. One the side of the debate will be the advocates of a unipolar world architecture with a single centre, led by the neo-liberals and democrats in Washington. Their opponents, headed by the American and European industrialists, as well as traditionalists within the Russian, Chinese, and Indian elites, insist on the multi-polar world entrenched in a dialogue between large regions-civilizations.

The industrialists argue that the world’s large geopolitical regions often referred to as civilizations, should be allowed to adhere to their traditional cultural and religious norms and pursue their views on human anthropology. At the same time, these regions are encouraged to trade and communicate with each other based on dialogue, partnership, and reciprocity. This group also defends the idea of a nation-state as the main building block of the world order and resists the hijacking of the state by global corporations. It also advocates inter-state (civilizational) alliances based on the historical, cultural, religious, and ideological metanarrative of its members. Thus, nation-states congregate around their natural poles of historical-cultural gravity and form economic and political alliances. These ideas also reflect the existing economic reality in that global industrial production zones largely overlap with these regions. These zones are territorially anchored in the existing technological poles such as China, the United States, Europe, India, partially Russia, and South and Latin America.

The successful launch of the new economic cycle hinges upon productive co-operation between these zones, respecting their differences on the principles of realism and a pragmatic division of economic interests. Ironically, industrialist, or conservative, elites have become the advocate of the ‘old’ modernist world, because its forms of economic activity enabled people to work and consume in an old-fashioned manner, defend the traditional values: an interconnected, but not homogenous, world, face-to-face communication, original humanism, and civilizational dialogue. This group fights for the original patterns of globalization, which evolved within the

conceptual and institutional framework of modernity [Bromley 1999: 282-283]. Industrial groups recognize the existing popular demands towards effective resolution of domestic problems by national governments and argue that those states that are the most capable of resolving these challenges are likely to emerge as new world leaders. Having said that, these actors still advocate globalization as a realist dialogue between the existing political-economic poles and criticize neo-liberals for their attempts to introduce the 'new normal'.

Representatives of financial elites have a different approach, which is targeted at redistributing economic resources in their favour. As we mentioned, this global financial elite has been dominant for the past fifty years, and it fights to sustain and expand its supremacy as the foundation of the new world order. Because this group is represented by the service, high-technology, banking, and financial sectors, it supports the US dollar as an anchor of the global financial system. A global pandemic provided a perfect fertile ground for developing such reasoning, while the global lockdown demonstrates the political might of this faction. At the popular level, this group argues for a consolidated world government that could provide an effective unified response to global challenges. International institutions are used as the crisis-resolution vehicles for as long as they are dominated by representatives of financial capital.

Given that this economic model has endured multiple socio-political setbacks, its advocates will seek new arguments to clinch control. These elites treat as a political hindrance the emergence of the new global industrial centres that are anchored in distinct cultural and national patterns. Financial elites understand that, sooner or later, industrial groups will try to wrest power and redirect financial flows to their advantage. Along with that, the world might change at the metaphysical level to reflect regional traditionalist patterns, bringing an additional ideological defeat to the financial-capital group. Hence, this elite faction will do everything in its power to prevent these developments. Cultural, political, and economic instruments, which are available to this group in abundance, will be deployed. From this point of view, the post-coronavirus world will not bring a drastic conceptual change. It will merely amplify the debates that have been evolving globally during the past five or six decades. This struggle may be ferocious, and its sparks could blight and derail many ordinary lives.

CONCLUSION

To conclude, we have made some observations in connection with the Covid-19 pandemic crisis. We argued that this crisis is a reflection of objective global trends that have been evolving in the world's economic and political system during the past decades. One general argument is that crisis represents a permanent feature of the contemporary capitalist socio-economic system, because that system is consistently legitimized via socially constructed fears, panic, and media manipulation. From this point of view, the crisis represents a rational response to economic and political stagnation and the logical exhaustion of economic cycles. From this point of view, crisis allows the society to eliminate ineffective economic agents, wipe out some debts, and rekindle the economy in a way that will mobilize and motivate businesses with further profits. This process usually results in the redistribution of power towards various groups of political and economic players. In the case of the Covid-19 crisis, medical bureaucracy, information technology, artificial intelligence, and the moguls of finance will make strenuous attempts to consolidate their political and economic positions.

Another point of importance is that the magnitude of the ongoing Covid-19 crisis stems from the fact that the spiritual foundations of contemporary society have been depleted, making the public gullible in the face of the new form of civil humanitarian 'religion' advanced through the media and academic institutions. At the same time, we have argued that the crisis is unlikely to change the world drastically at the socio-cultural level, because the ideology of 'new normal' has an antihuman character that will be resisted by the majority of the world's population. Nevertheless, the crisis will reveal the critically tenuous nature of contemporary democracy and human rights. The robustness of those values will be questioned by people for some time to come.

Finally, and probably most importantly, the Covid-19 crisis evolved against the backdrop of a ferocious struggle between the two global elite factions represented by global financial capital and industrialists. Therefore, the crisis will amplify the ongoing debates on the future architecture of international relations. It will give credence to those promoting the arguments in favour of the unipolar world order as well as exonerate the positions of their opponents, who are pressing for the global multipolar architecture. From this point of view, this crisis has given us a prime position from which to spectate on this open-ended and perilous play.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.02)

ПАНДЕМИЯ COVID-19 И МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Е.А. Чебанкова, П. Дуткевич

ЧЕБАНКОВА Елена Александровна, доктор политических наук, научный сотрудник, Карлтонский университет, Оттава (Канада), email: elena.chebankova@icloud.com; **ДУТКЕВИЧ Петр**, доктор политических наук, профессор, директор Центра государственного управления и публичной политики, Карлтонский университет, Оттава (Канада), email: PiotrDutkiewicz@cunet.carleton.ca

Chebankova E., Dutkiewicz P. Covid-19 Pandemic and the World Order. — Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 8-24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.02>

Статья поступила в редакцию: 25.11.2020. Принята к публикации: 06.01.2021.

Аннотация. В статье рассматриваются истоки, характер и потенциальные результаты глобального кризиса, вызванного пандемией Covid-19. Авторы утверждают, что кризис порожден двумя наиболее важными группами факторов, которые вызревали в мировой экономической и политической системе в течение последних шести десятилетий и были форсированы пандемией. Во-первых, динамика кризиса Covid-19 высветила вызовы современной капиталистической системы, которая, как правило, легитимизируется с помощью инструментов моральной паники и манипулирования средствами массовой информации. Каждый последовательный кризис капитализма заканчивается перераспределением властных ресурсов к новым группам участников. Во-вторых, кризис Covid-19 проходит в условиях системной и идеологической борьбы между двумя глобальными элитными фракциями, которые имеют совершенно разные подходы к меняющемуся мировому порядку и имеют различные политико-экономические цели и намерения. Авторы утверждают, что кризис не изменит мир кардинально, но усилит эту сохраняющуюся напряженность, выявит ее и углубит уже имеющуюся системную нестабильность.

Ключевые слова: Covid-19, глобализация, системная нестабильность, капитализм, кризис, новая нормальность.

References

- Abramowitz A. 1989. The United States: Political Culture under Stress. — *The Civic Culture Revisited*. Ed. by G. Almond, S. Verba. London: Sage Publications. P. 177-211.
Bell D. 1996. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books.

- Bichler Sh., Nitzan J. 2013. Capitalism as a Mode of Power'. — *22 Ideas to Fix the World: Conversations with the World's Foremost Thinkers*. Ed. by P. Dutkiewicz and R. Sakwa. New York: New York University Press, Social Science Research Council. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/157985/1/bna-372_20130900_bn_capitalism_as_a_mop_in_22_ideas_to_fix_the_world_long.pdf (accessed 26.08.2020).
- Bromley S. 1999. Marxism and Globalization. — *Marxism and Social Science*. Ed. by A. Gamble, D. Marsh T. Tant. London: Macmillan. P. 280-301. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-27456-7>
- Calhoun C., Delugian G.M. 2011. *Business as Usual: The Roots of the Global Financial Meltdown*. New York: NYU Press.
- Chebankova E. 2020. The Role of Ideas: Western Liberalism and Russian Left Conservatism in Search of International Hegemony. — *Hegemony and World Order: Reimagining Power and Global Politics*. Ed. by T. Casier, P. Dutkiewicz, J.A. Scholte. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003037231-101>
- Cohen S. 1972. *Folk Devils and Moral Panics*. London: MacGibbon and Kee.
- Easton D. 1965. *A System Analysis of Political Life*. New York: John Wiley & Sons.
- Figgis J.N. 1956. *Studies of Political Thought from Gerson to Grotius, 1414-1625*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Foucault M. 1972. *The Archaeology of Knowledge*. London: Tavistock Publications.
- Fraser N., Honneth A. 2003. *Redistribution or Recognition? A Political-Philosophical Exchange*. London: Verso.
- Fukuyama F. 2015. *Political Order and Political Decay*. London: Profile Books.
- Gamble A. 1996. *Hayek. The Iron Cage of Liberty*. Cambridge: Polity Press.
- Glazer N. 1987. *Affirmative Discrimination. Ethnic Inequality and Public Policy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Habermas J. 1975. *Legitimation Crisis*. London: Beacon Press.
- Hall S. 1978. *Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order*. London: Palgrave Macmillan.
- Harvey D. 2005. *A Brief History of Neo-Liberalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Herman E., Chomsky N. 1994. *Manufacturing Consent: The Political Economy of Mass Media*. London: Vintage.
- Huntington S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York: Simon and Shuster.
- Kautsky K. 1902. *The Social Revolution*. Chicago: Kerr.
- Krastev I., Sakwa R. 2013. It Is Increasingly Difficult to Anticipate the Future of Democracy by Looking Back at Its Past. — *22 Ideas to Fix the World*. Ed. by P. Dutkiewicz, R. Sakwa. New York: NYUP. P. 266-285.
- Lasch Ch. 1995. *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. London: Norton.
- Leary M. 2012. Sociometer Theory. — *Handbook of Theories of Social Psychology*. Ed. by P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. London: Sage. P. 151-159.
- Mahoney D. 2018. *The Idol of our Age*. New York: Encounter Books.
- Plant R. 1982. Jurgen Habermas and the Idea of Legitimation Crisis. — *European Journal of Political Research*. No. 10. P. 341-352. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1982.tb00029.x>
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7s8r7>
- Skinner Q. 1979. *The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Spitz L.W. 1963. *The Religious Renaissance of the German Humanities*. Cambridge, Mass. Harvard University Press.
- Trevor-Roper H. 1967. *Religion the Reformation and Social Change*. London: Macmillan.
- Weldon T.D. 1946. *State and Morals. A Study in Political Conflict*. London: John Murray.
- Wilkinson M.A. 2019. Authoritarian Liberalism in Europe: A Common Critique of Neoliberalism and Ordoliberalism. — *Critical Sociology*. Vol. 45. No. 7/8. P. 1023-1034. <https://doi.org/10.1177/0896920519837325>

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03)

ДИСКУРСЫ РАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: В ПРЕДДВЕРИИ ЭТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корр. РАН, зам. директора по научной работе, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, email: semenenko@imemo.ru

Семененко И.С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота. — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 25–45. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>

В статье развиваются авторские идеи и подходы, предложенные в предыдущей публикации (Семененко И.С. 2019. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. — Полис. Политические исследования, № 3. С. 7–26. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>) и посвященные перспективам смены парадигмы общественного развития.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2020. Принята к публикации: 11.01.2021

Аннотация. В структуре современных обществ происходят стремительные изменения, связанные с глубинными изменениями массового сознания и культурной нормы. Наряду с этим очевидны ограничения возможностей осмысления сущностных характеристик трансформаций с помощью привычного для социальных наук категориального аппарата: многие утвердившиеся понятия и концепты в содержательном отношении отражают реалии минувшего социального времени. Это касается концептов развития, политики развития и политического развития, — ключевых категорий анализа и прогнозирования общественных изменений, — но также и целого ряда иных описывающих политическую динамику понятий. В эпицентре изменений находится государство как сложная система институционализированных общественных отношений и сетевых взаимодействий. Потребность в системном осмыслении природы его субъектности актуализируется в условиях кризисного развития, когда государство оказывается в эпицентре социальных ожиданий, связанных с антикризисным регулированием. В основании целеполагания, определяющего выбор социально значимых приоритетов и эффективность взаимодействий институтов государства и граждан, лежат, как доказывается по итогам анализа, ценности доверия, ответственности, социальной солидарности. Эти ценности имеют ключевое значение для консолидации сообщества, решающего политико-управленческие задачи обеспечения жизнеспособности институтов на основе неконфликтного согласования интересов. В практической политике стоит вопрос об обращении к идентичности как нематериальному ресурсу развития, который может способствовать продвижению этих ценностей и в элитных, и в массовых группах на разных уровнях взаимодействия, в том числе в рамках местных сообществ. В данном исследовании возможности и ограничения использования ресурса идентичности оцениваются на примере Новой Зеландии — государства, в котором политика консолидации общества на основе инклюзивной национальной идентичности целенаправленно сопрягается в политическом дискурсе, в экспертной и публичной дискуссии с императивами политики развития. По итогам анализа повестки дня современного дискурса о развитии автор намечает направления уточнения или/и переосмысления категориального аппарата политической науки, описывающего социально-политические трансформации, и обосновывает гипотезу исследования — потребность в “этическом повороте” в социальных науках, а в практической политике — актуальность перехода к парадигме ответственного развития.

Ключевые слова: развитие, политика развития, политическое развитие, политика идентичности, личность, доверие, государство, разделенные общества, дискурсы развития, ответственное развитие, этический поворот.

Категория *кризиса* стала константой в описании современной социальной реальности. Растет социальный алармизм, связанный с появлением новых вызовов привычному миропорядку и с неопределенностью перспектив развития. Трактовка кризиса как “окна возможностей” — общее место в современном научном дискурсе — отражает стремление работающих в поле социальных наук исследователей заглянуть за доступные наблюдению социальные горизонты. Эпидемическая ситуация, климатические изменения, новые вызовы глобальной стратегической стабильности и рост военно-политической напряженности в мире, обострение внутривнутриполитической конфликтности и умножение вызовов социальной безопасности в условиях перехода к новому технологическому укладу выявляют хрупкость сложившегося миропорядка и акцентируют жизненную важность взаимодействия поверх реальных и воображаемых границ для поддержания жизнеспособности цивилизации.

Очевидно и то, что “кризис развития” сопрягается с “кризисом знания о развитии”. В основе эпистемологического кризиса в социальных науках лежат те же факторы в их социально-гуманитарной проекции: долговременные последствия глубинных сдвигов в картине мира и сознании современного человека оказываются непредсказуемыми для системы общественных отношений. Потребность в их осмыслении с помощью наличного арсенала категорий, понятий и методологических подходов — это вызов для научного знания, на который все чаще не получается дать системный ответ. Скорость изменений опережает возможности осмысления их природы и прогнозирования исхода.

Адекватный повестке кризисного развития анализ общественной динамики сопряжен с потребностью в уточнении утвердившегося в минувшем социальном времени категориального аппарата социальных наук, в том числе — аппарата науки о политике. Это обусловлено необходимостью разработки управленческих решений, адекватных рискам развития в условиях системных сдвигов, происходящих как в политическом процессе, так и в понимании политики и политического. Особого внимания требует анализ усложняющейся природы государства и механизмов его взаимодействий с обществом и с гражданином [Джессоп 2019; Государство... 2020]. Приоритетом становится осмысление новых граней исторического конфликта государства и общества [Соловьев 2018a], когда “иерархическое строение общественной власти создает технологический конфликт в (их) отношениях” ввиду невозможности для граждан реально участвовать в управлении общественными процессами [Соловьев 2019: 9]. К отмеченной на рубеже тысячелетия Мануэлем Кастельсом оппозиции между Сетью и Я как характеристики рождающегося информационного общества [Кастельс 2000: 25-48] процессы тотальной цифровизации добавляют не менее значимую оппозицию между иерархическими структурами государственного управления и сетевыми коалициями действующих в этом поле групп интересов. При этом неформальные взаимодействия становятся нормой практической политики, а их выпадение из сферы общественного контроля, как и сама проблема контроля в цифровом пространстве — неизбежным следствием усложнения моделей организации власти и управления и появления новых рисков для безопасности человека

и политической субъектности гражданина. Цифровизация пронизывает сегодня и сферу социальных коммуникаций, в которых институты современного государства играют ключевую роль, и всю институциональную структуру современного общества, и модели поведения новых поколений, погружающихся в пучину виртуальной реальности.

Применимость теоретических концептов досетевой эпохи для анализа реалий цифрового общества, разработка подходов к их “модернизации”, позволяющей учитывать многомерное и противоречивое влияние таких многомерных изменений на политический процесс (см. [Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016; Мирошниченко, Морозова 2017; Сморгун 2019]), — одно из ключевых направлений категориального “апгрейда” в сфере политических исследований. Сам термин “цифровизация” уже занял прочное место в политическом лексиконе и вытесняет привычный для предыдущего десятилетия ряд понятий, связанных с “информатизацией”. Широкое хождение концептов с приставкой пост- (от посткапитализма до постдемократии и постсовременности) и с прилагательным “новый” — от “нового национализма” до “нового миропорядка” — требует усилий по их теоретическому осмыслению и нахождению определенного понятийного консенсуса среди исследователей (впрочем, вряд ли достижимого). Остро стоит вопрос о переосмыслении привычных концептов, призванных отражать динамику социальных трансформаций, поскольку меняются не только их темпы, но и ориентиры и смыслы в условиях очевидной невозможности развиваться в рамках прежней модели накопления и эксплуатации ресурсов. В первую очередь — о переосмыслении самого понимания общественного развития и его субъектов. Для политических исследований вызовом остается “упрощенное понимание роли теории и методологии” и потребность в “преодолении разделенной оптики анализа статичных и динамичных нелинейных процессов” [Гаман-Голутвина 2019: 37]. Это в полной мере относится к проспективной рефлексии о субъектах политики развития, их целевых и ценностных установках.

27

ПОНИМАНИЕ РАЗВИТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ: ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТИМОСТИ

На назревшую необходимость разграничения понятий “роста” и “развития” в изучении общественных процессов более ста лет назад, в 1911 г. обратил внимание Йозеф Шумпетер, выделив “создание нового”, ранее не существовавшего качества общественной практики как ключевую характеристику развития (см. [Шумпетер 1982]). Исторические вехи на этом пути обозначили широко известные доклады Римского клуба. Прогрессистская парадигма давно утратила популярность ввиду неоднозначности результатов технологической “революции” и продолжающейся дискуссии вокруг влияния смены технологических укладов на общественное устройство и благополучие человека. Действительно, сегодня “мы находимся в ситуации, когда пересмотру подлежат базовые принципы организации общества... в условиях фазового перехода настоятельно требуется осмыслить именно социальные последствия развития современных технологий, ближайшие и отдаленные, оценить происходящее в терминах ‘социального самочувствия человека’” [Садовая, Сауткина, Зенков 2019: 7, 6].

Под влиянием новых угроз безопасности расширяется сфера и ужесточаются формы социального регулирования. Поэтому жизненно важное значение приобретает этическое измерение реализуемых проектов развития.

В долгосрочном плане — те ценностные ориентиры, которые определяют *стратегию перехода от антикризисных мер к системной политике развития*. В идеал-типическом ключе такая политика опирается на обращенный к государству общественный запрос на личную безопасность и социальную справедливость. Она ориентирована на политические формы взаимодействия общества и государства, способные обеспечить поступательную динамику качества жизни, продвижение по пути гармонизации материальных и духовных потребностей и возможностей их удовлетворения. *Развитие* в этом контексте — это *процесс общественных изменений, обеспечивающий положительную динамику качества жизни и поддерживающий благоприятную для социального творчества и личного духовного роста среду*. В основе поступательной динамики лежит сопряжение поддерживающих такие изменения структурных инноваций в экономике и в политическом управлении.

Системная политика развития ориентирована на *решение значимых для сообщества задач, на продвижение и согласование общественных интересов*. Такую политику отличает способность обеспечивать снижение уровня неравенства и бедности, наращивание человеческого потенциала и обновление социальных и политических институтов, необходимое для поддержания социальной сплоченности. При этом качество институтов оказывается ключевым фактором, определяющим эффективность политики развития, что подтверждается и результатами эмпирических исследований [Acemoglu, Johnson, Robinson 2001].

В публичном пространстве приоритеты развития отражаются в конкурирующих дискурсах (см. обзор [Бардин, Сигаев 2019]). В международном контексте самодовлеющая роль отводится достижению показателей *устойчивости* как критерию успешности политики развития. Среди документов разного уровня, посвященных перспективным проектам развития, сегодня трудно найти такие, в которых не упоминалась бы концепция устойчивого развития, появившаяся более 30 лет назад в Докладе комиссии Г.-Х. Брундтланд “Наше общее будущее” (1987 г.). Упор в этих разработках сделан на показатели, обеспечивающие устойчивость развития в экономике, в экологической и социальной сферах, при этом критерии устойчивости корректируются и обновляются. Так, под эгидой ООН разработано 17 целей устойчивого развития для государств и регионов к 2030 г. (*sustainable development goals*), которые в итоговых документах именуют “новым социальным контрактом”¹. На практике же реализуются разного масштаба проекты, направленные на повышение эффективности и достижение конкретных количественных показателей в разных сферах экономической и социальной деятельности, включая институциональную модернизацию.

Нормативный идеал эффективной политики развития — это “хорошее общество” [Galbraith 1996; Etzioni 2002; Федотова 2005]. Однако в исследовательском поле социальных наук в настоящее время остро ощущается нехватка “больших идей”, которые могли бы ответить на появившиеся в новой технологической реальности глобальные вызовы развитию. Для продвижения по этому пути жизненно важно в рамках научного и экспертного дискурса

¹ Sustainable Development Goals — a New Social Contract. — *United Nations. Department of Economic and Social Affairs*. URL: <https://www.un.org/en/desa/sustainable-development-goals-%E2%80%93-new-social-contract> (accessed 12.01.2021). Обзор истории появления и содержания концепта устойчивого развития см.: Sustainable Development — What Is It? Definition, History, Evolution, Importance and Examples. — *YourMatter* (Last modified on 26th May 2020). URL: <https://youmatter.world/en/definition/definitions-sustainable-development-sustainability/> (accessed 12.01.2021).

в социальных науках искать пути преодоления социального и политического отчуждения, сложившегося в рамках нынешней системы капиталистического накопления и нынешних форм организации жизненного пространства человека. В перспективе — стимулировать ключевых участников к переосмыслению повестки дня политики развития, к разработке *альтернативных приоритетов на основе этической мотивации развития*.

Сегодня такой выбор является прерогативой выступающих от имени государства элитных групп. Распределение ресурсов остается в руках влиятельных участников сетевых коалиций, действующих за спиной “государства” в виде разных, в том числе клиентелярных форм организации групповых интересов. Государство рассматривается в массовом сознании в качестве “коллективного субъекта” такой политики, обремененной в дискурсивные формы “общего интереса” или “общественного блага” [Государство в политической науке... 2020: 30, 44–45]. Соотнесение идей и приоритетов дискурса о развитии и достигнутых показателей (*benchmarks*) позволяет выявить расхождения между заявляемыми целями и реальными результатами. И исходя из этого оценить принципиально важные для реализации политики развития перспективы социальной консолидации или, напротив, конфликтной мобилизации массовых групп на основе протестной идентичности, определить политические ограничители такой политики, будь то в виде дисфункций институтов, архаических черт в политической культуре или отсутствия политической воли для продвижения соответствующей повестки дня.

В зарубежной научной литературе концепт политики развития традиционно используется для характеристики “политической деятельности и государственных мероприятий, которые служат строительству, экономической и социальной поддержке и дальнейшему прогрессу развивающихся стран”, в том числе за счет внешней помощи ([Политлексикон... 2013: 435]; см. об этом также: [The Oxford Handbook... 2018]). Развитие в этом контексте приравнивается к модернизации [Политлексикон... 2013: 330, 494]. Эволюция подходов шла от утверждения в 1960–е годы ключевой роли государства в политике развития к ее полному отрицанию, трактовке государственного участия как тормоза развития. Противопоставление “государства” и “рынка” как движущих сил развития стало лейтмотивом этой дискуссии в условиях уже упомянутого отсутствия “больших идей”. В последние годы акцент сместился в сторону пересмотра влияния социального и экономического неравенства на развитие: в логике “новой политической экономики развития” (*new political economy of development*) широко представлены аргументы в пользу сокращения неравенства и проведения политики перераспределения доходов [Thorbecke 2007: 28]. Такие изыскания исходят из потребности в социальной справедливости и необходимости активного социального действия [Sumner 2007: 62], в том числе для преодоления конфликта между Иерархией и Сетью. При этом обозначилось стремление выбраться из проложенной предыдущим поколением исследователей “третьемировской” колеи в изучении проблем развития (*development studies*). Расширить дискурсивное поле предполагается за счет преодоления разделения по оси Север — Юг, признания развития в качестве универсальной и многомерной аналитической категории [Aghajanian, Allouche 2016], которая была бы применима к изучению и прогнозированию перспектив динамики *любого общества* независимо от показателей *уровня* развития. Это особенно актуально для разделенных обществ, где углу-

бляются социальные и ценностные размежевания, а кумулятивные эффекты традиционных и новых кливажей усиливают друг друга².

Острейшим вопросом современного политологического дискурса становится вопрос о *соотнесении приоритетов политики развития с императивами политического развития* в контексте сравнительных исследований политических систем, режимов и культур [Пантин 2018]. Если раньше в качестве непереложного условия политического развития рассматривалось укрепление демократических институтов и расширение политического участия, а само политическое развитие предполагало “системное укрепление демократии, пусть и с ловушками и отклонениями от этого пути” [Apter 1987: 9], то сегодня такие критерии не считаются бесспорными, а между уровнем экономического развития и развитием демократии не обнаруживается прямой зависимости [The Oxford Handbook... 2018: 8]. Потому что “условия, в которых демократия может рассматриваться как наилучшая политическая оболочка для капитализма, исторически ограничены (экономически, политически и в иных отношениях)... авторитарно-этатистские тенденции становятся укоренившимися характеристиками современного государства” [Джессоп 2019: 394]. В рамках неолиберальной модели организации власти и управления и в условиях роста авторитарных трендов в политической динамике современных обществ такие “большие вызовы” не находят “больших ответов”. Это относится и к неолиберальному мейнстриму в социальных науках, который исходит из признания универсальности капитализма и либерализма. Расхождение принципов организации современных обществ и потребностей распределения общественных ресурсов ведет к ценностным и институциональным разрывам с системой капиталистического рынка и представительной демократии и с привычными принципами их легитимации [Мартьянов, Фишман 2021].

Растущие управленческие дисфункции открывают перспективы смены вектора развития³ и пересмотра его объяснительных моделей. Системным вызовом для политического развития оказывается возможность компенсировать авторитарный вектор, используя политические ресурсы для поддержания баланса между социальной безопасностью, личной свободой и социальной справедливостью. Если “политика должна вернуть себе право формировать представление об общем благе и ориентировать общество на его достижение, отобрав лидерство у экономического глобализма” [Глухова 2020: 30], то сделать это можно на путях разработки повестки дня и реализации *политики ответственного развития*, в которую вовлечены мотивированные на продвижение общественного запроса акторы. В этом контексте вряд ли продуктивно оперировать только большими категориями “государства” и “общества”. Речь идет об анализе мотиваций

² Характеризуя такие общества как “разделенные”, мы принимаем во внимание не только трактовку институционализированных разделений в многосоставных обществах Аренда Лейпхарта, но и подход к анализу социальных размежеваний (кливажей), обоснованный Стейном Рокканом. На основе синергии этих подходов могут быть разработаны обобщенные типологии размежеваний в сообществах с разными политическими режимами, типами политической культуры и уровнями социального благополучия, принципиально важные для формирования современной повестки дня политики развития.

³ Спектр описывающих политическое развитие категорий выстраивается, как известно, по возрастающей шкале конфликтности от эволюции до революции, задающих разные уровни и темпы политико-институциональных изменений. Непростой задачей оказывается осмысление в таком контексте существенных характеристик политической модернизации (см. [Apter 1965, 1987; Eisenstadt 1966; Inglehart 2001]). Критический обзор категориального аппарата выходит за рамки авторского замысла по концептуализации политики развития, но хотелось бы еще раз обратить внимание на необходимость различения между “открытым” с точки зрения предполагаемых результатов концептом “развития” и “модернизацией”, ориентированной на желаемый результат обновления по определенному образцу.

и приоритетов политических лидеров и партий, бизнеса, бюрократии, профессиональных сообществ, гражданских инициатив, религиозных общин, диаспор. Но также и тех, кто представляет в публичном пространстве общественную мысль — вовлеченных в работу в сфере образования и науки профессионалов, экспертов, публичных интеллектуалов. То есть всех тех, кто принимает заинтересованное участие в формировании запроса на развитие сообщества, на уровне которого продвигаются инициативы по обустройству восприимчивой к таким потребностям социальной среды и ее политико-институциональных опор. Сама возможность реализации ответственной политики развития становится в этих условиях политическим и ценностным вызовом.

ЦЕННОСТИ ДОВЕРИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ИМПЕРАТИВЫ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ

Для политической науки актуальной задачей остается разработка адекватных теоретико-методологических подходов к осмыслению политического развития и политики развития с учетом сложной природы “государства”, “общества” и “человека политического” (гражданина). Шумпетеровское “понимающее восприятие” остается как никогда актуальным, равно как и его призывы к “методологическому индивидуализму”. Автору уже приходилось обращаться к этим подходам при трактовке категории “человека политического” [Семененко 2012; Лапкин, Семененко 2013]. Включение в объяснительные модели морально-этических и нравственных, эмоциональных и психологических аспектов исходит из необходимости учитывать как интересы, так и мотивацию субъектов политики для сопряжения микроуровня и макроуровня анализа. Но также и для различения ее реальных акторов и тех псевдосубъектов, которых и массовое сознание, и политические игроки склонны наделять политической ответственностью.

Повестку дня политики развития задают ценностные установки, нравственные ориентиры и этический выбор тех, кто от имени государства, политики (*polity*) определяет стратегии политического развития (*politics*) и формирует текущие управленческие приоритеты (*policies*), а также тех, кто участвует в их реализации. То есть и представителей элитных групп, и массовых слоев. За рамками профессиональной и научной рефлексии о развитии выбор тех или иных ценностных ориентаций и сам факт наличия этической мотивации формирует идентичности с позитивным, созидательным, или негативным, разрушительным потенциалом (хотя в таком жестком противопоставлении есть неизбежное упрощение). В этом смысле бессмысленные для социальных взаимодействий ценности доверия, ответственности и социальной солидарности можно рассматривать как ресурсы консолидации сообщества вокруг целей политики развития. Доверие, ответственность, солидарность и их антиподы — недоверие и страхи, безответственность и социальная аномия, отчуждение — заняли прочное место в повестке дня публичной политики. Их продвижение свидетельствует о *политизации категорий обыденного сознания*. Таким изменением нормы в понимании политики и политического активно пользуются популистские силы; на благодатной почве политизации протестной идентичности на основе недоверия к “чужим” могут давать всходы разные формы деструктивной массовой политики.

В контексте осмысления природы социальных коммуникаций доверие — “одно из самых трудных для осмысления и многозначных (наряду с ‘правдой’) понятий”, философская и этическая категория и социальная реалья, которая в практиках социальных и политических взаимодействий поворачивается разными гранями — от расположения и лояльности до надежности и уверен-

ности (см. [Granelli 2019: 25-26]). Перетекание доверия в институциональную среду в качестве ее (среды) ценностного основания актуализирует и важность *недоверия*, принципиальную значимость институциональных форм его выражения [Sztompka 1998; 1999]. При этом для конкретных обществ опасные (т.е. препятствующие или затрудняющие развитие) пороговые значения недоверия могут различаться, имея в виду особенности политической культуры и традиции поддержания культурного (религиозного, этнического) разнообразия. Тем более нельзя не учитывать и инерционный потенциал фактора “тотального” доверия для функционирования политической системы, чреватого окостенением институтов, их неспособностью меняться в соответствии с новыми социальными вызовами.

Фактор доверия “лежит в основании ‘социальной грамматики’ любого общества... Чтобы принимать решения и действовать в реальной жизни, мы должны доверять другим людям, доверять институтам и попросту верить в будущее”; отличительная черта современной социальной реальности — укорененность в повседневных взаимодействиях доверия на основе далеких, не персонализированных социальных связей (*strong, thin trust*), поскольку без такого доверия невозможно обеспечивать бесперебойное функционирование социальных институтов” [Hosking 2014: 22, 26]. Существуют и общезначимые для разных социумов показатели доверия, определяющие перспективы социальной консолидации вокруг приоритетов развития и эффективность институтов развития, создаваемых государством для достижения конкретных целей. Они связаны с жизненными стратегиями людей, их готовностью связывать свое будущее и будущее своих детей с развитием страны и того сообщества, с которым они себя идентифицируют. Поэтому закономерно появление многочисленных социологических изысканий, посвященных образам будущего, очертаниям “желаемого завтра” для национальных сообществ, переживающих институциональные трансформации. В том числе — в России, для определения, как формулирует авторитетный коллектив российских социологов, “желаемой модели российского общества”, “особенностей русского социального проекта” [О чем мечтают россияне... 2012: 3-4]⁴.

Общей тенденцией является “кризис политического доверия”, т.е. доверия к ключевым политическим институтам и акторам. Вопрос о структурном или циклическом характере этого кризиса продолжает вызывать споры [Van der Meer, Zmerli 2017: 1-15]. В углубленном изучении нуждается этика доверия на “среднем” уровне социальных взаимодействий, который составляет неотъемлемую часть повседневности, той сферы, где пересекаются “миры семей, друзей и соседей и государственных институтов — больниц, школ, корпоративных структур и СМИ” [Thompson 2004: 268]. В ходе таких повседневных взаимодействий формируется отношение к институтам государства

⁴ Ключевой вывод данного исследования об “утрате энергетики большой цели” и о приоритетности для россиян ценности социальной справедливости [О чем мечтают россияне... 2012: 171] во многом связан с кризисом доверия к институтам, призванным олицетворять общественный интерес. Вместе с тем, лонгитюдные исследования доверия проводятся в рамках масштабных опросов, аккумулирующих страновые данные. Так, широкую известность получили Всемирный обзор ценностей (*World Values Survey*), Европейское социальное исследование (*European Social Survey*), Европейское исследование ценностей (*European Values Study*), опросы службы Гэллупа (*Gallup*), Информационно-исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), Евробарометра (*Eurobarometer*). Согласно их оценкам и данным ОЭСР, показатели доверия к политическим институтам почти повсеместно (за некоторыми исключениями) обнаруживают стойкую тенденцию к падению, связанную с растущим отчуждением граждан от процессов принятия решений. В экспертных кругах остро стоит вопрос о разработке аналитической модели для оценки уровня доверия государству, выявления его ограничений и стимулов роста [Trust in Government... 2013; OECD... 2017].

и общественный запрос на развитие. Доверие рассматривается как скрепа социального капитала и основа солидарного взаимодействия граждан, как средство преодоления социальной аномии и поддержания благоприятного для развития социального климата [Fukuyama 1995; Putnam et al. 1993; Uslaner 2002; O'Neill 2002; Handbook of Trust... 2006].

Если вопросы доверия составляют сегодня неотъемлемую часть дискурсов развития, то проблемы ответственности нечасто рассматриваются в контексте анализа политического развития. И это — несмотря на превращение ответственности как этической категории, определяющей алгоритм принятия и осуществления политических решений, в своего рода девиз, *mot d'ordre* современного управления, показатель эффективности институтов государства. А системные проявления безответственности в сфере политического управления, которые сказываются на качестве жизни и социальном климате — в ключевой пороговый индикатор рисков для конкретного сообщества и для миропорядка.

Операционализацию понятия ответственности в поле политических исследований затрудняет его многозначность и многовекторность. Действительно, продуктивно ли выделять какую-либо одну сторону как носителя ответственности в пространстве политических коммуникаций, или в любом такого рода взаимодействии оно по определению не может быть однонаправленным? Как оценить “ответственность государства” на разных этапах реализации политических решений и по их итогам? Как определить смысловое наполнение этого понятия в рамках конкретных политических практик и как выявить механизмы продвижения ответственности? Вопрос об этике ответственности рассматривается применительно к конкретным субъектам, вовлеченным в политический процесс, хотя не всегда возможно вычленить индивидуальную ответственность в ее институциональном измерении. Иными словами — объективно оценить, как индивидуальный опыт преломляется в процессе принятия и реализации конкретных политических решений.

В контексте политики развития важны не только условия ответственного поведения субъекта развития (*responsible agency*), но и социальная значимость реализуемых мер [Social Dimensions... 2018: 31]. В последние три десятилетия в фокусе внимания оказались практики корпоративной социальной ответственности (КСО), которые проводит “ответственный” бизнес [Перегудов, Семененко 2008]. При этом вопрос о субъектности корпорации как “гражданина”, о возможностях и системных рыночных ограничениях ответственности бизнеса как субъекта политики развития остается дискуссионным.

Если системная корпоративная социальная ответственность рассматривается как залог общественного признания и как важная составляющая позитивной оценки деятельности конкретного экономического субъекта, а социальная ответственность государства в целом является предметом общественного консенсуса, то степень индивидуальной ответственности человека за свое социальное благополучие и за благополучие общества, в котором он живет, становится в условиях растущего дефицита средств социальной поддержки предметом политического торга вокруг моделей распределения ресурсов. Эксперименты с безусловным базовым доходом уже не в первый раз актуализируют вопрос о личном выборе как механизме поддержания эффективной системы перераспределения в контексте демонтажа несущих конструкций современного социального государства [Социальное государство... 2020]. На памяти нынешнего поколения исследователей — поиски новых перераспределительных механизмов в рамках дискуссии о “третьем пути” в период

пребывания у власти лейбористов в Великобритании на рубеже 2000-х годов [Giddens 2000]. Обсуждавшиеся тогда в ходе широкой публичной дискуссии предложения разделить ответственность государства и граждан, предоставив последним возможность выбора средств социальной поддержки, вызвали в основном негативную общественную реакцию: в них увидели стремление переложить социальные обязательства государства на налогоплательщика.

В ходе эпидемического кризиса 2020 г. вопросы соотношения личной ответственности с социальными обязательствами государства и ценой их исполнения в виде жестких мер по ограничению свобод граждан встали особенно остро. В повестке дня государственной политики в сфере социального регулирования появились новые приоритеты. В условиях, когда угрозы жизни и здоровью людей обрели без преувеличения всеохватывающий масштаб, в фокусе дискуссии оказались перспективы обеспечения *социальной безопасности* в разных ее измерениях — экологическом, технологическом и информационном, санитарно-эпидемическом, продовольственном. Долговременные последствия социального отчуждения людей еще предстоит оценить, но “вирус напомнил всем нам о значимости гражданской близости (*civic proximity*)” и “открытого, инклюзивного гражданско-территориального национализма” как средства обеспечить антикризисную консолидацию национального сообщества [Tamir 2020: 543]. Между тем данные международных сравнений (*International Social Survey Programme*) по 27 развитым странам, включая Россию, показывают, что сегодня мобилизация идентичности способствует выстраиванию границ и формированию социальных установок, противопоставляющих “своих” и “чужих” (*exclusionary attitudes*) [Helbling, Reeskens, Wright 2016: 762]⁵. Речь идет именно о национальной идентичности, иные ориентиры идентичности редко попадают в политическую повестку дня.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ: “ПРОЕКТ НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ”

Рост расовых и этнокультурных противостояний заставляет еще раз задуматься над трактовкой “нового национализма” [Семененко 2018: 77] и над пониманием политики идентичности, имея в виду действия государства и других субъектов публичной политики по формированию и поддержанию национальной, гражданской, политической идентичности как основы общественной консолидации [Идентичность... 2017: 647-655]. Политика идентичности до сих пор рассматривалась в научном дискурсе и в публичной дискуссии в контексте конфликтного отстаивания притязаний групп на признание своего “права на идентичность”, когда проявляется ее деструктивный потенциал. В разделенных обществах в условиях потери устойчивых ориентиров идентичности позитивные, ориентированные на развитие ценностные установки становятся основанием переформатирования политики идентичности для преодоления разобщенности и поддержания социальной солидарности.

Как свидетельствует пример ряда государств, продвигающих инновационный опыт организации госуправления, выбор политическим классом и бизнесом социально значимых и отражающих общественный запрос политико-управленческих приоритетов оказывается залогом поддержания благоприятного для развития социального климата. Не менее важными факторами являются системное взаимодействие между носителями разных идентичностей

⁵ О методологии измерения и сравнительной интерпретации страновых показателей см. [Helbling, Reeskens, Wright 2016: 750-752].

на основе общих ценностных ориентаций и разделяемых социальных целей. И, что не менее важно — доверие к принимающим решения, положительная оценка их потенциала ответственно решать общественно значимые проблемы.

Показательным с точки зрения обращения к ресурсам идентичности является, на наш взгляд, опыт Новой Зеландии — страны, сумевшей за последние два десятилетия превратить свою географическую периферийность в экономический и культурный актив. Здесь в научной и публичной дискуссии обсуждается вопрос о “моральном примере страны для всего мира”, на этом фундаменте при активной вовлеченности политических элит целенаправленно выстраивается национальная идентичность [Barker 2012]. Большой публичный отклик получила книга “Проект Новая Зеландия” [Harris 2017]. Молодой новозеландский автор отразил родившееся в интеллектуальных кругах этой страны стремление изменить глобальные подходы к развитию путем продвижения значимых для общества ценностей солидарности и эмпатии и проводить на такой основе ценностно ориентированный политический курс (*values based politics*). Постановка вопроса имела и косвенный политический резонанс, наблюдатели обратили внимание на переключку изложенных в книге идей с недавно принятой социальной программой нового кабинета министров⁶.

С 1960-х годов, когда в стране начался пересмотр отношения к колониальному наследию Великобритании, споры вокруг идентичности и приоритетов развития велись в русле политики оспаривания (*contentious politics*, см. [Tilly, Tarrow 2015]). В центре острых разногласий было положение коренного населения — маори, а также союзнические обязательства — вовлеченность во вьетнамскую войну, отношения с режимами апартеида, зависимость от Великобритании в выборе политического курса и культурный колониализм бывшей метрополии. Политический активизм представителей коренного населения стимулировал принятие ряда мер по законодательному закреплению его прав, в том числе права на традиционно принадлежавшие маори земли и на поддержку языка. В контексте политико-институциональных реформ (в частности, реформы электоральной системы, перехода в 1992 г. от мажоритарной к смешанной) стоял вопрос о разработке модели консолидации нации на основе бикультурализма, взаимодействия культуры белого населения (выходцев из бывшей метрополии) и культуры коренного меньшинства, с учетом растущего потока мигрантов, преимущественно из государств АТР. В настоящее время традиционное культурное наследие маори является стержнем символической политики и “визитной карточкой” многокультурной Новой Зеландии, а живущая только здесь птица киви — говорящим символом новозеландской идентичности. Поскольку есть потребность в утверждении гражданской идентичности и создании общенациональных нарративов в условиях растущего этнокультурного многообразия [New Zealand Identities... 2005], в стране целенаправленно, через систему образования, экологическую политику и инновационные инфраструктурные проекты (такие, как соединение системы электроснабжения двух главных островов по дну пролива Кука для переброски электричества с более богатого Северного острова на Южный) формируется ориентированная на развитие идентичность. Она опирается на образ открытого и передового в социальном плане общества, при этом сугубо

⁶ Ells Moor J. New Zealand Ditches GDP for Happiness and Wellbeing. — *Forbes*. 11.07.2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/jamesellsmoor/2019/07/11/new-zealand-ditches-gdp-for-happiness-and-wellbeing/?sh=a8cc32b19420> (accessed 12.01.2021).

позитивные нарративы зачастую затушевывают не вписывающиеся в такую картину явления (см. [Turangawaewae... 2017: 20-21]).

Новая Зеландия позиционирует себя как “социальная лаборатория мира” в том, что касается развития социального государства и политической системы (страна была пионером в предоставлении избирательных прав женщинам в 1893 г., пенсии по старости учреждены в 1898 г., в парламенте есть квота на представительство коренных жителей, хотя сегодня целесообразность позитивной дискриминации оспаривается). В традициях политической культуры — опора на идеи социальной справедливости, основанной на необходимости обеспечения равных возможностей доступа к социальным благам (*fairness*), и идеологический прагматизм. По оценкам субъективного благополучия страна стабильно занимает позиции в десятке мировых лидеров. В сознании граждан укоренены эгалитаристские установки, они рассматриваются как органичная часть национальной идентичности [Vowles, Coffee, Curtin 2017: 29; см. также Littlewood 2017: 213-230]. Однако показатели экономического неравенства остаются высокими: так, коэффициент Джини составлял в 2018 г. 0,33 (при среднем показателе по ОЭСР 0,31). При падении абсолютных показателей бедности относительные продолжают расти (доля домохозяйств, живущих на доходы ниже медианного, увеличилась с 8% в 2009 г. до 10% в 2018 г.) [Rashbrooke 2019], и только небольшая часть населения (согласно данным опросов 2014 г., не более 13%) не была озабочена тенденцией роста неравенства, в то время как у половины граждан это вызывало “большое беспокойство” [Vowles, Coffee, Curtin 2017: 17]. Быстрыми темпами идут процессы депопуляции сельских территорий, здесь проживает сегодня всего 13% населения, в то время как на самый богатый город на северной оконечности Северного острова — Окленд — приходится треть всего населения страны — более 1,6 млн человек. Острейшая проблема в городах — жилищная, качество жизни в центральных городских районах и в пригородах, где доминируют выходцы из азиатских стран, разительно отличается. В условиях стремительно растущего религиозного разнообразия жизненно важным становится поддержание гармоничных отношений между религиями и конфессиями [Bruce 2014]: об этом не дает забыть чудовищный теракт в Крайстчерче в марте 2019 г.

Государственные институты работают с 1990-х годов на принципах максимальной открытости гражданам. Избранная на второй срок глава Лейбористской партии Джасинда Ардерн проводит активную политику борьбы с бедностью, социальным неравенством и эпидемической угрозой и пользуется, согласно данным опросов, высоким уровнем доверия граждан (ее кабинету весной 2020 г., накануне выборов, доверяли более 80% избирателей)⁷. В фокусе этого курса — местные сообщества. Принятый в 2019 г. “бюджет благосостояния” распределяется на продвижение социальных и экологических приоритетов: цифровую перестройку, преодоление социальной исключенности, охрану здоровья, решение жилищного вопроса и предотвращение домашнего насилия, борьбу с изменениями климата. Климатическая повестка продвигается как приоритетная не только ввиду реально стоящих перед страной проблем в сфере экологического регулирования (в последние 20 лет объемы углеродных выбросов выросли на 60% за счет наращивания производительности сельско-

⁷ Shaw R. Trust in Government is High in NZ, but Will It Last until the Country's Elections Later in the Year? — *The Conversation*. 13.04.2020. URL: <https://theconversation.com/trust-in-government-is-high-in-nz-but-will-it-last-until-the-countrys-elections-later-in-the-year-135840> (accessed 12.01.2021).

го хозяйства и развития транспортной сети), но и потому, что Новая Зеландия, по словам лидера Зеленой партии и министра по проблемам изменений климата, хочет и здесь “предложить модель для других стран”⁸. Однако и у этого, и у других приоритетов нет недостатка в критиках и в лагере политических оппонентов, и в публичной дискуссии. Правящей партии вменяют в вину декларативность целей при не просчитываемых эффектах.

Через социальную политику, нравственную мотивацию выбора политических приоритетов и инновационные управленческие практики находящиеся у власти политические силы ищут пути консолидации общества вокруг повестки дня, ориентированной на развитие. Сочетание инновационные подходы с традиционными основами социальной консолидации остается ключевым приоритетом политики идентичности. Взаимодействие “управляющих” с гражданскими инициативами и с местными сообществами “лицом к лицу” — стратегия, принятая в ряде стран на уровне государственной политики. Она активно реализуется в Финляндии, в Ирландии, в Исландии, в скандинавских странах — в обществах, где эгалитаристские и солидаристские установки признаны общественно значимыми ценностями и активно продвигаются и на уровне элитных, и в массовых группах. В таком подходе просматриваются контуры нового общественного договора вокруг повестки дня развития. Однако назвать его состоявшейся реальностью было бы преувеличением.

ОБ ЭТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ И ЕГО КОНТУРАХ

Неопределенность общественных и личных перспектив в условиях роста глобальных рисков развития и угроз безопасности человека переживается в разных уголках мира как кризис идентичности. Это понятие стало своего рода маркером для обозначения многомерной неопределенности и тревожности массового сознания. На личностном уровне боязнь “не соответствовать требованиям времени” усиливается под растущим давлением социальных обязательств и меняющихся культурных норм, нередко вызывающих моральное неприятие. Кризисное сознание актуализирует потребность в критическом рассмотрении в поле социальных наук многообразия политико-институциональных форм и механизмов организации власти и управления на предмет их соответствия долговременным целям развития. Но также и на предмет их соотносительности с общественным запросом к государству, который формируется в публичном пространстве. За выбором и продвижением ориентиров развития просматриваются ценностные установки и этические принципы участников политических взаимодействий. Тем более значимыми становятся общественный запрос на содержательное осмысление происходящих изменений и просветительская функция социальных наук как ответ и, одновременно, стимул формирования такого запроса.

Соотнесение индивидуальных и надындивидуальных ценностных ориентаций происходит в процессе формирования социальных идентичностей, определяющих модели политического поведения граждан. Кризис высвечивает три типа ориентиров идентичности, напрямую не связанных (как гражданская или национальная идентичность) с политико-правовыми режимами конкретных государств и сообществ: они формируют *идентичность выживания*, *идентичность*

⁸ “We Are a Role Model”: How James Shaw Pushed New Zealand Towards a Zero-Carbon Future. — *The Guardian*. 08.11.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/08/we-are-a-role-model-how-james-shaw-pushed-new-zealand-towards-a-zero-carbon-future> (accessed 21.01.2021).

*сопротивления и идентичность развития*⁹. Мотивационный выбор приверженцев таких мегаидентичностей¹⁰, зачастую ситуативен и различается по эмоциональному наполнению. А их совместимость, в том числе в рамках индивидуальной социальной идентичности, будут определять посткризисные тенденции организации национальных, городских, местных сообществ и перспективы их развития. Искать пути смягчения социальных расколов можно в контексте реализации политики развития, опирающейся на значимые для поддержания конструктивных социальных взаимодействий ценностные ориентиры доверия и ответственности. А также — на путях противостояния моральному релятивизму, открывающему окна возможностей для принятия безответственных политических решений с не просчитываемыми социальными последствиями.

Ответственность за выбор приоритетов и готовность субъектов развития конструктивно взаимодействовать для их продвижения становятся императивами целерациональной политики развития. Без ответственности и доверия не могут быть достигнуты те цели, вокруг которых выстраивается сегодня дискурс об устойчивом развитии. Однако устойчивость вряд ли продуктивно рассматривать как самодовлеющий ориентир развития: эта характеристика даже в ее нынешней расширительной трактовке слабо соотносится с технологическими изменениями и психологическими сдвигами, эффекты которых невозможно достоверно предсказать. Сама идея стандартизированных подходов и норм ставит под вопрос возможности эффективного освоения нового в формах, отвечающих интересам конкретного сообщества.

Выявить взаимосвязи между целерациональной и ценностно ориентированной мотивациями развития, определить системные ограничения в достижении поставленных целей и оценить возможности их преодоления, это — комплекс ключевых вызовов для социальных наук. Морально-этические аспекты общественного развития волновали общественную мысль со времен Античности. Сегодня, как формулирует авторитетный британский исследователь, социальные науки возвращаются к своему историческому наследию, в частности, к идеям шотландских философов-моралистов: идут поиски способов “поставить диагноз” нынешнему состоянию социальной жизни и предложить моральное видение проблем и перспектив развития цивилизации, “понять условия, которые продвигают или могут воспрепятствовать усвоению (*ключевых для общественного развития — И.С.*) ценностей, и выявить, какие политические решения, модели поведения и отношений необходимы для этого в культуре, в экономике и в государстве” [Brewer 2013: 11-15]. Этот вызов

⁹ В получившем широкую известность исследовании реалий информационного общества Мануэль Кастельс выделяет в рамках *акторного подхода* к анализу современных общественных процессов три типа идентичности: легитимирующую, сопротивления и проективную [Castells 2010: 8]. Как справедливо отмечает О.Ю. Малинова, “на эту типологию часто ссылаются, однако не всегда обращают внимание на гипотезу, для проверки которой она разработана”, т.е. на понимание символического содержания коллективной идентичности и ее смысла для тех, кто себя с ней соотносит [Малинова 2017: 11]. Предлагаемая нами классификация основана на выделении *целей*, которые для носителей данных идентичностей являются приоритетными, *мотиваций*, которые определяют выбор тех или иных целей, и *эмоционального состояния* субъекта социального действия, его психологической готовности к социальному взаимодействию и политическому участию (в русле известного подхода М. Вебера [Вебер 1990а: 628]).

¹⁰ В исследовании, посвященном анализу размежеваний в современном американском обществе [Mason 2018], выделено противостояние между приверженцами установок, которые продвигаются от имени двух ведущих партий. Такое разделение позволяет, как аргументирует автор, говорить о двух “мегаидентичностях”, в основе которых лежит ценностный выбор. На наш взгляд, этот термин применим для описания разделений ценностно-мотивационного характера между группами мнений (*opinion groups*) постольку, поскольку они способны консолидироваться на основе целеориентированной деятельности.

более чем актуален и для современного российского общества: исследователи отмечают как падение морально-нравственной культуры, так и наблюдающийся рост озабоченности нравственным состоянием социума, вызревание потребности в возрождении морали и нравственности как ключевых двигателей развития личности, общества и государства [Юревич 2009; 2018].

Углубляющаяся специализация областей знания об обществе и запрос на разработку формализованных аналитических методик направили социальные изыскания в русло ценностной нейтральности в стремлении избежать обвинений в морализаторстве. В истории общественной мысли ушедшего века нет недостатка и в радикальной критике этического подхода в социальных науках (см., например: [Luhmann 1979]). Однако новейшие вызовы развитию общества и самоценности человеческой жизни настойчиво заставляют задуматься над пересмотром такого видения. Это тем более насущный вопрос потому, что трактовка этического измерения политики многозначна, а “этический поворот” отнюдь не сводится к морализаторству. Как отмечает А.И. Соловьев, размышляя о когнитивных конфликтах в политической науке, “XXI век наглядно показал, что именно этические ориентиры... становятся источником расширения объяснительных схем современного мира... событие социальной жизни способно обрести политическое очертание только на определенной аксиологической основе, включающей особенности авторской нравственно-этической позиции” [Соловьев 2018b: 109]. Это относится и к принимающим решения представителям политического класса, и к рядовым гражданам. Неслучайно и социал-демократические политические платформы, и кейнсианские принципы регулирования, и модель социального государства (как и его “говорящий” синоним — “государство благосостояния”) стали в свое время политическими ответами на сформулированный в общественной мысли и актуализированный в массовом сознании запрос на социальную справедливость. Сегодня в фокусе такого запроса — ответственная экологическая политика и развитие “зеленой экономики”, оценки ее перспектив и ограничений.

Характер отражения ключевых для социального взаимодействия этических императивов доверия и ответственности в повестке дня публичной дискуссии определяет возможность рациональной критической рефлексии о перспективах общественного развития. На этом пути открываются горизонты *ответственного развития*. Хотелось бы напомнить о его ключевых измерениях, представленных и аргументированных автором в предшествующей публикации (см. [Семененко 2019]). Это — наращивание возобновляемых интеллектуальных источников и нематериальных стимулов жизнедеятельности человека как ключевого субъекта социального развития. Это — обеспечение эффективного управления на основе общественного запроса на развитие, мотивирование политического участия индивида, его политической субъектности. Это — уважение нравственной позиции ответственного мировоззренческого выбора личности (как в элитных, так и в массовых стратах общества) при определении приоритетов развития, широкое признание общественной значимости такого выбора.

Способность выносить нравственное суждение о политике и подкреплять его ответственным политическим действием опирается на понимание важности моральной оценки как непосредственных, так и долговременных последствий такого действия. В формировании восприятия императивов ответственного развития, в их продвижении в поле публичной дискуссии и публичной политики социальным наукам принадлежит ключевая роль. Стремление избегать ценностных суждений в данном контексте тоже становится этической позицией. Ценностное

измерение вносит в анализ социальной динамики элементы нормативности, но это закономерно в контексте личностного выбора, особенно в условиях, когда изменчивость и податливость культурной нормы обращает к поиску устойчивых ориентиров. Кризис идентичности становится культурной нормой, и именно на путях его преодоления формируется *идентичность развития*.

Тем более насущной задачей становится диалог между носителями светской и религиозной картин мира вокруг проблем и приоритетов в изучении социальных изменений. Такой диалог позволяет обратиться к поискам смыслов и ценностей общественного бытия, избегая при этом “фетишизации феномена государственности и власти... (и) многозначного феномена науки” [Рашковский 2020: 208]. Более ста лет назад Макс Вебер в известной работе о науке как призвании и профессии указал на “напряжение между ценностными сферами науки и религии”, которое он назвал “непреодолимым” [Вебер 1990b: 733]. Сегодня здесь можно наблюдать не напряжение, а отчуждение, более сущностное, чем самые непримиримые противоречия между приверженцами разных идеологических течений. Оно порождено в том числе “уходом высших... ценностей из общественной сферы”; поэтому стоит задуматься и над тем, что означает сегодня обращенный к науке призыв классика политической мысли “соответствовать требованию дня” [там же: 734-735].

Непредставимые еще в предыдущем поколении объемы информации стали ныне неотъемлемой частью нашей повседневности; их упорядочение в рамках научного мышления открывает новые грани социальной реальности, “видимое заставляет нас искать невидимое, стоять перед тайной мира и задаваться вопросами” [Митрополит Антоний Сурожский 2012: 120]. В этом вопрошании человека XXI века может и должен быть слышен голос работающих в поле социальных наук исследователей. Голос, стремящийся прояснить перспективы современного общества и увидеть ограничения человеческой деятельности, объяснить, чем грозит миру и человеку потеря стремления к гармонии с жизненной средой и способности к созидательному социальному творчеству. Рефлексия о ценностях и смыслах развития может раздвинуть горизонты социального времени и пространства путем обращения к нравственным началам в человеке, к основаниям и смыслу Бытия.

В настоящее время остро стоит вопрос о возможности преодоления когнитивных конфликтов в политической науке на путях сопряжения целевых и ценностных ориентиров развития. Неслучайно работающие в области политических исследований ученые все чаще обращаются к методам и подходам широкого спектра социогуманитарного знания, переступая в исследовательских практиках через сложившиеся тематические и методологические разделения на “социальные” и “гуманитарные” науки. Закономерным представляется и разворот политического анализа к сферам общественной жизни, до недавнего времени в основном находившимся вне поля интересов политических исследований. Будь то экология и “зеленая” экономика, биоэтика, урбанистика или развитие местных сообществ (список можно продолжить): они не поддаются осмыслению без учета человеческого измерения происходящих в этих сферах процессов и их нравственной составляющей. Поэтому сегодня идет активный поиск возможностей и форм реализации просветительского потенциала профессионального научного и экспертного знания.

Так просматривается ли *этический поворот* в социальных науках? И в том числе в политической науке, если трактовать такой поворот как постепенные качественные сдвиги в понимании мотивации и перспектив общественного

развития после культурного (или культурального) поворота, происходившего в конце ушедшего века? Хотелось бы ответить утвердительно, принимая во внимание растущую потребность оценить долговременные последствия происходящих глубинных изменений для личности, для общества и для государства, увидеть новые горизонты развития в его разных измерениях. В научном сообществе растет осознание необходимости этического поворота, равно как и стремление перенести это понимание в область принятия политических решений. Но если это так, то мы в самом начале пути.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03)

RETHINKING DEVELOPMENT IN SOCIAL SCIENCES: ON THE THRESHOLD OF AN ETHICAL TURN

I.S. Semenenko

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

SEMENENKO, Irina Stanislavovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: semenenko@imemo.ru

Semenenko I.S. Rethinking Development in Social Sciences: on the Threshold of an Ethical Turn – Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 25–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>

The article builds on ideas and approaches developed by the author in a previous publication discussing the prospects for a paradigm change in social development (Semenenko I.S. Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance. – Polis. Political Studies. 2019. No. 3. P. 7–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>).

Received: 16.12.2020. Accepted: 11.01.2021

Abstract. The shift to a new technological paradigm, alongside deep changes in mass perceptions and in cultural norms in societies confronting challenges to their security, is triggering radical social and political transformations. Researchers in the social sciences face a difficult dilemma: to use terms and categories that belong to a social time that is over, or to try and turn this page over to assess the ontological meanings of the transformations we are experiencing at a pace and in a space that are beyond our current vision. This latter choice would imply rethinking the meanings of development, politics of development, and political development, along with further categories used to describe social change such as nationalism, divided societies, or identity politics (to name but a few). The author proposes reconsidering development when seen as a primarily economic benchmark and instead to regard related policies as applicable to any society regardless of its economic and political standing. Political agency is considered to be the key to understanding political development and its dimensions. The state as a complex system of institutionalized social relations and political networks is at the heart of these changes: in times of crisis, the need to reevaluate its agency as a key crisis regulator becomes an important challenge both for political science and for policymakers. Trust, responsibility, and social solidarity are key values defining the feedback between society and the state: the author asserts their relevance in promoting a consistent development policy at the community level. Identity is a key resource for promoting development and for advancing these values both in elite and in mass social groups. The research draws upon a variety of sources related to the study of development politics in political research, including those produced by issue-related research groups and reproduced in survey data bases, and on the reflection of these topics in political discourse. “The New Zealand Project” is taken as an example of recourse to identity as a resource for development: the formation of a consistent development policy agenda is centered here on an inclusive national identity and on social issues important for a society sharing egalitarian visions and seeking to overcome deep social cleavages. The study of identity in a development context and the importance of value-based policy choices calls for an ethical turn in the social sciences and for a paradigm shift towards responsible development in policymaking.

Keywords: development, political development, development policy/politics, identity politics, trust, the individual, state, divided societies, cleavages, social studies, terms/categories in political analysis, ethical turn, development discourses, responsible development.

References

- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. 2001. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. — *The American Economic Review*. Vol. 91. No. 5. P. 1369-1401. URL: <https://www.jstor.org/stable/2677930> (accessed 19.11.2020).
- Aghajanian A., Allouche J. 2016. Development Studies — Past, Present and Future. — *Institute of Development Studies (IDS) Bulletin*. Vol. 47. No. 2. P. 1-12. <https://doi.org/10.19088/1968-2016.128>
- Apter D.E. 1965. *The Politics of Modernization*. Chicago: The University of Chicago Press. 481 p.
- Apter D.E. 1987. *Rethinking Development: Modernization, Dependency, and Postmodern Politics*. Beverly Hills; Newbury Park, CA: Sage Publications. 328 p.
- Barker F. 2012. Story: New Zealand identity. — *Te Ara — The Encyclopedia of New Zealand*. URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/new-zealand-identity> (accessed 12.01.2021).
- Brewer J.D. 2013. *The Public Value of the Social Sciences: An Interpretative Essay*. London: Bloomsbury Academic. 240 p.
- Bruce G. 2014. Our New Society. — *New Zealand Geographic*. No. 126. March-April. URL: <https://www.nzgeo.com/stories/our-new-society/> (accessed 12.01.2021).
- Castells M. 2010. *The Power of Identity. (The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. 2. 2nd ed.)*. London: Wiley — Blackwell. 584 p.
- Eisenstadt S.N. 1966. *Modernization: Protest, and Change*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 166 p.
- Etzioni A. 2002. The Good Society. — *Seattle Journal for Social Justice*. Vol. 1. No. 1. P. 83-96. URL: <https://digitalcommons.law.seattleu.edu/sjsj/vol1/iss1/7> (accessed 12.01.2021).
- Fukuyama F. 1995. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press. 457 p.
- Galbraith J.K. 1996. *The Good Society: The Humane Agenda*. Boston-N.Y.: Houghton Mifflin Co. 152 p.
- Giddens A. 2000. *The Third Way and its Critics*. Cambridge: Polity. 200 p.
- Granelli F. 2019. *Trust, Politics, and Revolution: A European History*. London: I.B. Tauris. 336 p.
- Handbook of Trust Research*. 2006. Ed. by R. Bachmann, A. Zaheer. Cheltenham: Edward Elgar. 448 p.
- Harris M. 2017. *The New Zealand Project*. Wellington, N.Z.: Bridget Williams Books. 507 p.
- Helbling M., Reeskens T., Wright M. 2016. The Mobilisation of Identities: a Study on the Relationship between Elite Rhetoric and Public Opinion on National Identity in Developed Democracies. — *Nations and Nationalism*. Vol. 22. No. 2. P. 744-767. <https://doi.org/10.1111/nana.12235>
- Hosking G. 2014. *Trust: A History*. Oxford, New York: Oxford University Press. 224 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198712381.001.0001>
- Inglehart R. 2001. Modernization, Sociological Theories of. — *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Ann Arbor, MI: University of Michigan. P. 9965-9971. <https://doi.org/10.1016/B0-08-043076-7/01921-5>
- Littlewood D. 2017. We're All Equal Here, Mate: Egalitarianism in Aotearoa New Zealand. — *Turangawaewae. Identity and Belonging in Aotearoa New Zealand*. Ed. by T. Cain, E. Kahu, R. Shaw. Auckland NZ: Massey University Press. P. 213-230.
- Luhmann N. 1979. *Trust and Power*. Chichester UK: John Wiley & Sons. 228 p.
- Mason L. 2018. *Uncivil Agreement: How Politics Became Our Identity*. Chicago: The University of Chicago Press. 192 p.
- New Zealand Identities: Departures and Destinations*. 2005. Ed. by J.H. Liu, T. McCreanor, T. McIntosh, T. Teaiwa. Wellington, N.Z.: Victoria University Press. 304 p.
- OECD Guidelines on Measuring Trust. 2017. — *OECDiLibrary*. Paris: OECD publ. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/oecd-guidelines-on-measuring-trust_9789264278219-en;jsessionid=CH7etZPgXrevXhEivaeCbT9U.ip-10-240-5-138 (accessed 12.01.2021).
- O'Neill O. 2002. *A Question of Trust: The BBC Reith Lectures 2002*. Cambridge: Cambridge University Press. 100 p.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 280 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7s8r7>
- Rashbrooke M. 2019. Inequality and Poverty: A Summary of the 2019 Household Incomes in New Zealand Report. — *The Good Society*. 11.12. URL: <http://www.goodsociety.nz/inequality-and-poverty-a-summary-of-the-2019-household-incomes-in-new-zealand-report/> (accessed 14.01.2021).
- Social Dimensions of Moral Responsibility*. Ed. by K. Hutchinson, C. Mackenzie, M. Oshana. 2018. Oxford: Oxford University Press. 344 p.
- Sztompka P. 1998. Trust, Distrust and Two Paradoxes of Democracy. — *European Journal of Social Theory*. Vol. 1. No. 1. P. 19-32. <https://doi.org/10.1177/136843198001001003>
- Sztompka P. 1999. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 214 p.

- Sumner A. 2007. What Are the Ethics of Development Studies? — *Institute of Development Studies (IDS) Bulletin*. Vol. 38. No. 2. P. 59–68. <https://doi.org/10.1111/j.1759-5436.2007.tb00352.x>
- Tamir Y. 2020. Why Nationalism? Because Nothing Else Works. — *Nations and Nationalism*. Vol. 26. No. 3. P. 538–543. <https://doi.org/10.1111/nana.12619>
- Tilly Ch., Tarrow S. 2015. *Contentious Politics*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 288 p.
- The Oxford Handbook of the Politics of Development*. Ed. by C. Lancaster, N. van de Walle. 2018. Oxford, New York: Oxford University Press. 733 p. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199845156.001.0001>
- Thompson D.F. 2004. *Restoring Responsibility. Ethics in Government, Business, and Healthcare*. Cambridge: Cambridge University Press. 360 p.
- Thorbecke E. 2007. The Evolution of the Development Doctrine, 1950–2000. — *Advancing Development: Core Themes in Global Economics*. Ed. by G. Mavrotas, A. Shorrocks. Tokyo: United Nations University; Palgrave MacMillan. P. 3–36.
- Trust in Government, Policy Effectiveness and the Governance Agenda. 2013. — *Government at a Glance. OECD Report*. Paris OECD Pub. P. 19–38. https://doi.org/10.1787/gov_glance-2013-en
- Turangawaewae. Identity and Belonging in Aotearoa New Zealand*. 2017. Ed. by T. Kain, E. Cahu, R. Shaw. Auckland NZ: Massey University Press. 288 p.
- Uslaner E.M. 2002. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press. 298 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511614934>
- Van der Meer T.W.G., Zmerli S. 2017. The Deeply Rooted Concern with Political Trust. — *Handbook of Political Trust*. Ed. by S. Zmerli, T. van der Meer. Cheltenham UK–Northampton MA, USA: Edward Elgar. P. 1–15. URL: <https://www.e-elgar.com/shop/gbp/handbook-on-political-trust-9781782545101.html> (accessed 14.01.2021).
- Vowles J., Coffé H. Curtin J. 2017. *A Bark but no Bite. Inequality and the 2014 New Zealand General Election*. Acton ACT: ANU Press. 361 p.
- Bardin A., Sigachev M. 2019. Discourses of Development: Social and Humanitarian Aspects. — *Analysis & Forecasting. Journal of IMEMO*. No. 4. P. 24–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/afj-2019-4-24-41>
- Castells M. 2000. The Information Age: Economy, Society and Culture. (Russ. ed.: Castells M. *Informatsionnaya ehpokha. ehkonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow: Izdatel'skii dom GU VSEHEH. 608 p.)
- Fedotova V.G. 2005. *Khoroshee obshchestvo [The Good Society]*. Moscow: Progress-Traditsiya. 544 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V. 2019. Overcoming Methodological Differences: The Debate about Knowledge Politics in an Age of Uncertainty. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 19–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03>
- Glukhova A.V. 2020. Political Conflicts in the Global Era (Theoretical Approach Implementation). — *Political Science (RU)*. No. 3. P. 13–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.01>
- Gosudarstvo v politicheskoy nauke i sotsialnoy realnosti 21 veka [The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context]*. 2020. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin. Moscow: Ves Mir. 386 p. (In Russ.)
- Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]*. 2017. Ed. by I. Semenenko. Moscow: Ves Mir. 992 p. (In Russ.)
- Jessop B. 2019. The State: Past, Present, Future. (Russ. ed.: Jessop B. *Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee*. Moscow: Delo RANEPa. 504 p.)
- Lapkin V.V., Semenenko I.S. 2013. “Homo politicus” vs Challenges of “Infomodernity”. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 64–81. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. 2017. Politika identichnosti kak bor'ba za smysly: problemy kontseptualizatsii [Identity Politics as a Struggle for Meanings: The challenge of conceptualization]. — *Simvolicheskaya politika. Vol. 5. Politika identichnosti [Symbolic Politics. No. 5. Identity Politics]*. Ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: INION RAS. P. 7–20. (In Russ.)
- Mart'yanov V., Fishman L. 2021. Social Sciences and Global Turbulence: Rebooting the Mainstream. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65, No. 1, P. 100–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-100-113>
- Metropolitan Anthony of Sourozh. 2012. *Uverenost' v veshchakh nevidimyykh. Poslednie besedy (2001–2002) [Confidence in things invisible. Recent conversations (2001–2002)]*. Moscow: Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation; Nikea. 288 p. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. 2017. Network Public Policy: Outlines of Subject Field. — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 82–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>
- Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A. 2016. The Frontier of Network Society. — *World Economy and International Relations*. Vol. 60. No. 2. P. 83–97. (In Russ.)
- O chem mechtayut rossiyane (razmyshleniya sotsiologov). Analiticheskii doklad [What Russians Dream about (Sociological Reflections). Analytical Report]*. 2012. Moscow: Institute of Sociology, RAS. 181 p. (In Russ.)

- Pantin V.I. 2018. Political Development and Developmental Policy: Trends, Challenges, and Prospects. — *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity]. No. 3. P. 32-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.30884/iis/2018.03.02>
- Peregudov S.P., Semenenko I.S. 2008. *Korporativnoe grazhdanstvo: kontseptsii, mirovaya praktika i rossiiskie realii*. [Corporate Citizenship; Concepts, International Practices and Russian Realities]. Moscow: Progress-Traditsiya. 448 p. (In Russ.)
- Politleksikon: Ponyatiya, fakty, vzaimosvyazi: na osnove nemetskogo spravochnika Shubert/Klein. *Das Politlexikon* [Politleksikon: Concepts, Facts, Relationships: Based on German Reference Book Shubert / Klein. Das Politlexikon]. 2013. Ed. by S.V. Patrushev, L.E. Filippova. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya. 783 p. (In Russ.)
- Rashkovsky E.B. 2020. Pravo, istoriya, svoboda: k osmysleniyu istoricheskogo naslediya A.P. Lopukhina [Law, History, Freedom: to Understanding the Historical Heritage of A.P. Lopukhin]. — *Bog. Chelovek. Konstitutsiya. Bibleiskaya filosofiya prava v istoricheskom nasledii A.P. Lopukhina (1852-1904)* [The God. Man. Constitution. Biblical Philosophy of Law in the Historical Heritage of A.P. Lopukhin (1852-1904)]. Ed. by A.I. Ovchinnikov. Moscow: Prospekt. P. 203-214. (In Russ.)
- Sadovaya E.S., Sautkina V.A., Zenkov A.R. 2019. *Formirovanie novoi sotsial'noi real'nosti: tekhnologicheskie vyzovy* [Formation of a New Social Reality: Technological Challenges]. Moscow: IMEMO RAS. 190 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. 2012. "Homo politicus" Facing Alternative Political Developments: Rethinking the Individual Dimension of Politics. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 9-26. (In Russ.)
- Semenenko I.S. 2018. Nationalism, Separatism, and Democracy. New Patterns of National Identity in "Old" Europe. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 70-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>
- Semenenko I.S. 2019. Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 7-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Shumpeter J.A. 1982. *Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow: Progress. 455 p.
- Smorgunov L.V. 2019. Institutionalization of Governability and the Problem of Veillance in the Space of Digital Communications. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 20. No. 3. P. 62-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-62-75>
- Solovjov A.I. 2018a. State and Society: New Facets of Historical Conflict. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 19. No. 4. P. 6-24. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-6-24>
- Solovyov A.I. 2018b. Crises and "Crisis": How to Treat Cognitive Conflicts of Political Science? — *Political Science (RU)*. No. 1. P. 105-121. (In Russ.)
- Solovyov A.I. 2019. Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 8-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
- Sotsialnoye gosudarstvo v zerkale obshchestvennykh transformatsiy* [The Welfare State in the Mirror of Social Transformations]. 2020. Ed. by E.S. Sadovaya, I.P. Tsapenko, I.V. Grishin. Moscow: IMEMO RAS. 211 p. (In Russ.)
- Weber M. 1990a. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya. Motivy sotsial'nogo deistviya [Basic Concepts in Sociology. Types of Social Action]. — Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Weber M. Selected Works]. Moscow: Progress. P. 628-630. (In Russ.)
- Weber M. 1990b. Nauka kak prizvanie i kak professiya [Science as a Vocation]. — Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Weber M. Selected Works]. Moscow: Progress. P. 707-735. (In Russ.)
- Yurevich A.V. 2009. Nравственное состояние современного российского общества [Moral State of Contemporary Russian Society]. — *Social Studies*. No. 10. P. 70-79. (In Russ.)
- Yurevich A.V. 2018. Empirical Estimates of Modern Russian Society's Morals. — *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 4. P. 168-179. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10111>

Литература на русском языке

- Бардин А.Л., Сигаёв М.И. 2019. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект. — *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 4. С. 24-41. <https://doi.org/10.20542/afj-2019-4-24-41>
- Вебер М. 1990а. Основные социологические понятия. Мотивы социального действия. — М. Вебер. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 628-630.
- Вебер М. 1990б. Наука как призвание и как профессия. — М. Вебер. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. С. 707-735.
- Гаман-Голутвина О.В. 2019. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 19-42. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03>
- Глухова А.В. 2020. Политические конфликты в глобальную эпоху (К проблеме теоретической идентификации). — *Политическая наука*. № 3. С. 13-33. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.01>

- Государство в политической науке и социальной реальности XXI века.* 2020. Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: Весь Мир. 386 с.
- Джессоп Б. 2019. *Государство: прошлое, настоящее и будущее.* М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС. 504 с.
- Идентичность: Личность, общество, политика.* Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. 2017. М.: Весь Мир. 992 с.
- Кастельс М. 2000. Информационная эпоха. экономика, общество и культура. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 608 с.
- Лапкин В.В., Семененко И.С. 2013. “Человек политический” перед вызовами “infomodernity”. — *Полис. Политические исследования.* № 6. С. 64-81.
- Малинова О.Ю. 2017. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации. — *Символическая политика. Вып. 5: Политика идентичности.* Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. М.: ИНИОН РАН. С. 7-20.
- Мартыанов В., Фишман Л. 2021. Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима. — *Мировая экономика и международные отношения.* Т. 65. № 1. С. 100-113. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-100-113>
- Митрополит Антоний Сурожский. 2012. *Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001-2002).* М.: Фонд “Духовное наследие митрополита Антония”; Никея. 288 с.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. 2017. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. — *Полис. Политические исследования.* № 2. С. 82-102. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. 2016. Фронтис сетевого общества. — *Мировая экономика и международные отношения.* Т. 60. № 2. С. 83-97.
- О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад.* 2012. М.: ИС РАН. 181 с.
- Пантин В.И. 2018. Политическое развитие и политика развития: тенденции, вызовы, перспективы. — *История и современность.* № 3. С. 32-50. <https://doi.org/10.30884/iis/2018.03.02>
- Перегулов С.П., Семененко И.С. 2008. *Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии.* М.: Прогресс-Традиция. 448 с.
- Политлексикон: Понятия, факты, взаимосвязи: на основе нем. справ. Shubert/Klein. Das Politlexicon.* 2013. Науч. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Российская политическая энциклопедия. 783 с.
- Рашковский Е.Б. 2020. Право, история, свобода: к осмыслению исторического наследия А.П. Лопухина. — *Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в историческом наследии А.П. Лопухина (1852-1904).* Под ред. А.И. Овчинникова. М.: Проспект. С. 203-214.
- Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. 2019. *Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы.* М.: ИМЭМО РАН. 190 с.
- Семененко И.С. 2012. “Человек политический” перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики. — *Полис. Политические исследования.* № 6. С. 9-26.
- Семененко И.С. 2018. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в “старой” Европе. — *Полис. Политические исследования.* № 5. С. 70-87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>
- Семененко И.С. 2019. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. — *Полис. Политические исследования.* № 3. С. 7-26. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Сморгунов Л.В. 2019. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций. — *Южно-российский журнал социальных наук.* Т. 20. № 3. С. 62-76. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-62-75>
- Соловьев А.И. 2018а. Государство и общество: новые грани исторического конфликта. — *Южно-российский журнал социальных наук.* Т. 19. № 4. С. 6-24. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-6-24>
- Соловьев А.И. 2018b. Кризисы и “кризисы”: как трактовать когнитивные конфликты политической науки? — *Политическая наука.* № 1. С. 105-121.
- Соловьев А.И. 2019. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество? — *Полис. Политические исследования.* № 4. С. 8-25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
- Социальное государство в зеркале общественных трансформаций.* 2020. Отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН. 211 с.
- Федотова В.Г. 2005. *Хорошее общество.* М.: Прогресс-Традиция. 544 с.
- Шумпетер Й.А. 1982. *Теория экономического развития.* М.: Прогресс. 455 с.
- Юревич А.В. 2009. Нравственное состояние современного российского общества. — *Социологические исследования.* № 10. С. 70-79.
- Юревич А.В. 2018. Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества. — *Ярославский педагогический вестник.* № 4. С. 168-179. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10111>

DOI: 10.17976/jpps/2021.02.04

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННОЙ ИММИГРАЦИЕЙ (ОПЫТ США, ЕВРОСОЮЗА И РОССИИ)

С.В. Рязанцев, Г.Н. Очирова

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корр. РАН, доктор экономических наук, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; зав. кафедрой демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России, Москва, email: riazan@mail.ru; **ОЧИРОВА Галина Николаевна**, младший научный сотрудник Института демографических исследований, ФНИСЦ РАН, Москва, email: galinaochirova93@gmail.com

Рязанцев С.В., Очирова Г.Н. Методы борьбы с незаконной иммиграцией (опыт США, Евросоюза и России). — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 46–63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04>

Статья подготовлена в рамках проекта Совета по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант № НШ-2631.2020.6).

Статья поступила в редакцию: 05.06.2020. Принята к публикации: 07.12.2020

Аннотация. В статье, базирующейся на анализе политики, нормативно-правовых актов и статистических данных, сравниваются методы борьбы с незаконной миграцией (США, Евросоюза и России) с учетом геополитических и социально-экономических страновых особенностей. Российский подход характеризуется экономическими и административными методами: наличием экономических барьеров (стоимость патентов и разрешений на работу, штрафы) и преобладанием административных мер из-за безвизового режима с основными странами-донорами. В случае с США главным методом в последние годы было укрепление физических границ для сдерживания массовых потоков из Мексики и других стран Латинской Америки. Из-за наплыва лиц, ищущих убежища, из стран Ближнего Востока и Африки европейский подход был модернизирован путем реализации смешанных мер: милитаризации пограничного контроля (даже между странами ЕС), создания физических (например, венгерских пограничных барьеров) и социальных барьеров (таких как депортация), соглашения с третьими странами (например, с Турцией). Эти методы не дают желаемых результатов, несмотря на значительные административные и финансовые затраты на реализуемые меры. В условиях рыночной экономики полная ликвидация нелегальной иммиграции невозможна, однако реально снижение ее масштабов, для чего необходимы меры урегулирования легальных каналов найма иностранной рабочей силы, что позволит удержать иммигрантов от секторов теневой экономики.

Ключевые слова: нелегальная миграция, незаконные иммигранты, национальная безопасность, США, ЕС, иммиграционная политика, депортация, иммиграционная амнистия.

Многие государства рассматривают иммиграцию как угрозу национальной безопасности, а незаконных мигрантов как потенциальных нарушителей закона и распространителей терроризма или как реальных преступников, нарушивших миграционные законы. Согласно Стратегии национальной безопасности РФ, организация незаконной миграции рассматривается как одна из основных угроз государственной и общественной безопасности, а сохранение условий для незаконной миграции является одной из главных стратегических угроз национальной безопасности в области экономики. Подобный нарратив получил свое распространение во многом после теракта 11 сентября 2001 г.,

что стало триггером пересмотра иммиграционной политики многих стран и становления доктрины национальной безопасности.

Зачастую борьба с незаконной миграцией становится главной целью миграционной политики и регулирования иммиграционных процессов на государственном уровне. Силловые структуры через борьбу с нелегальной миграцией обосновывают необходимость увеличения объемов финансирования их деятельности. Во многих принимающих странах иммиграционными делами ведает именно орган силовой структуры. С 2016 г. Федеральная миграционная служба России была упразднена, а ее полномочия были переданы Главному управлению по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. В Великобритании также всеми вопросами иммиграции ведает Хоум Офис (*Home Office*), департамент Правительства Соединенного Королевства, ответственный за безопасность граждан и государства. Схожая ситуация и в США, где вопросами иммиграции занимаются Управление по вопросам гражданства и иммиграции (*U.S. Citizenship and Immigration Services, USCIS*), Управление по осуществлению таможенных и иммиграционных законов (*U.S. Immigration and Customs Enforcement, ICE*), Погранично-таможенная служба США (*U.S. Customs and Border Protection, CBP*), которые являются структурными подразделениями и подведомственны Министерству внутренней безопасности США (*U.S. Department of Homeland Security*).

В политическом контексте риторика необходимости борьбы с незаконной миграцией используется теперь даже на уровне президентов стран и других политиков высшего уровня, которые пытаются повысить свой политический авторитет и завоевать электорат. Например, миграционный кризис 2015 г. активизировал антииммиграционные настроения правых и ультраправых партий Венгрии, в том числе правящей партии Фидес, которая инициировала в 2016 г. Венгерский референдум по миграционным квотам с лозунгом “Позвольте нам защитить Венгрию”. Использование жесткой антииммиграционной риторики в предвыборной кампании во многом обусловило победу Трампа на президентских выборах 2016 г. [Hooghe, Dassonneville 2018].

Как правило, главным методом борьбы с незаконными мигрантами становится укрепление границ, ужесточение режима их пересечения и режима пребывания и миграционных процедур внутри страны для различных категорий иммигрантов. Авторы предполагают, что используемые методы изначально не в состоянии решить данную проблему в связи со сложным взаимодействием различных притягивающих и выталкивающих факторов. Проанализированы государственная политика, нормативно-правовые акты и статистические данные для сравнения политик по борьбе с незаконной иммиграцией в США, Европейском союзе и России. Используются такие критерии сравнения как имплементированные методы борьбы с незаконной иммиграцией, объем государственного бюджета, выделяемого на иммиграционную политику, в частности на усиление иммиграционного контроля и государственных границ, а также по количеству депортаций и выдворений иностранных граждан, незаконно прибывших или нарушивших правила пребывания.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

В политическом и общественном дискурсе самыми распространенными терминами являются “нелегальная миграция” и “нелегальные мигранты”,

хотя правомерность такой коннотации по отношению к мигрантам вызывает большие сомнения с точки зрения гуманитарной и этической составляющих.

Распространение понятия “нелегальной миграции” берет свое начало в научных исследованиях о недокументированной миграции в США [Harris 1995], в дальнейшем большую роль в продвижении данного термина сыграли средства массовой информации [Nelson, Davis-Wiley 2018]. Однако многие современные ученые как в США, так и по всему миру считают, что использование термина “нелегальные” в отношении иммигрантов некорректно и лингвистически неверно. В своем исследовании Паспаланова приводит три аргумента, почему термин “нелегальный” не может быть использован по отношению к человеку. Во-первых, только действие или процесс могут быть нелегальными, т.е. те деяния, которые подпадают под действие уголовного или административного кодекса страны, а не физическое лицо, как субъект правонарушения. Во-вторых, применение подобного термина способствует созданию негативного образа всех иммигрантов у представителей принимающего общества. Следовательно, в-третьих, употребление фразы “нелегальный иммигрант” может быть средством манипуляции общественным мнением [Paspalanova 2008].

Совет Европы также проводит различие между нелегальной миграцией и нелегальным мигрантом. В соответствии с резолюцией 1509 Парламентской ассамблеи Совета Европы 2006 г., термин “нелегальный” предпочтителен, когда речь идет только о статусе или процессе, тогда как термин “нерегулярный” предпочтителен при обращении к лицу. Согласно Международной организации по миграции (МОМ), нерегулярной миграцией является “перемещение лиц, происходящее вне законов, правил или международных соглашений, регулирующих въезд в страну происхождения, транзита или назначения или выезд из нее”¹. Впрочем, определяя субъекта нерегулярной миграции, МОМ ссылается на статью 5 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, где указаны условия определения постоянного статуса трудящихся-мигрантов и членов их семей²: мигрантом в неурегулированной ситуации считается “лицо, которое перемещается или перешло через международную границу и не имеет права въезжать или оставаться в государстве в соответствии с законодательством этого государства и международными соглашениями, участником которых является это государство”³.

Довольно активно используется синонимично термин “недокументированный мигрант”. В глоссарии МОМ дается следующее определение “недокументированного мигранта” — не гражданин, въезжающий в страну или находящийся в ней без соответствующих документов⁴. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что есть, как минимум, два основания для подпадания в категорию “недокументированных мигрантов”. С одной стороны, лицо может иметь документы, удостоверяющие личность, однако оно не имеет документов, подтверждающих право на въезд и пребывание в стране назначения, или такие документы являются поддельными или более не действительны. С другой сто-

¹ Key Migration Terms. — IOM. URL: <https://www.iom.int/key-migration-terms#Migration> (accessed 04.02.2020).

² Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. — ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (accessed 04.02.2020).

³ Glossary on Migration. — IOM. 2019. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (accessed 04.02.2020).

⁴ Ibidem.

роны, лицо не обладает никакими документами, удостоверяющими личность и разрешающими въезд и пребывание в стране назначения. Тем не менее, термины “мигрант в неурегулированной ситуации” и “недокументированный мигрант” не охватывают мигрантов, которые выпадают из правового поля ввиду иных административных или уголовных правонарушений.

На наш взгляд, нарушителей миграционного закона было бы корректнее называть незаконными мигрантами, в том числе лиц, нарушивших правила въезда, пребывания или трудовой деятельности, а также использующих поддельные документы. В России понятие “незаконная миграция” закреплено в нормативно-правовых нормах. Впервые термин был использован в Федеральной миграционной программе, утвержденной Указом Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668, для обозначения одного из пяти главных миграционных потоков. Согласно документу, к субъектам незаконной миграции относились эмигранты неконтролируемые, эмигранты нелегальные и иммигранты незаконные⁵. В Федеральной миграционной программе на 1998-2000 гг. дано следующее определение незаконной миграции – “въезд в Российскую Федерацию, пребывание и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства Российской Федерации, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории Российской Федерации”⁶.

В Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции от 16 сентября 2004 г. дано определение “незаконной миграции” и “незаконному мигранту”. Так, в соответствии с Концепцией, незаконной миграцией признается “перемещение на территорию государства – участника СНГ, пребывание, перемещение с его территории граждан государств – участников СНГ, третьих государств и лиц без гражданства с нарушением законодательства данного государства”, а незаконным мигрантом – “гражданин государства – участника СНГ, третьего государства или лицо без гражданства, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территорию государства – участника СНГ”⁷.

Таким образом, оба термина “нелегальная иммиграция” и “незаконная иммиграция” могут быть применимы относительно самого миграционного акта, в то время как субъекта процесса такой иммиграции, в широком понимании, стоит определять как незаконного иммигранта.

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННОЙ ИММИГРАЦИЕЙ

Американский подход

Само существование борьбы с нелегальной миграцией в США выглядит крайне противоречиво, поскольку США являются страной классической им-

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 09.08.1994 г. № 1668 “О Федеральной миграционной программе”. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/6772> (accessed 05.02.2020).

⁶ Постановление Правительства РФ от 10.11.1997 г. № 1414 “О Федеральной миграционной программе на 1998-2000 годы”. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102069080&backlink=1&&nd=102050024> (accessed 05.02.2020).

⁷ Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции. – Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. 24.10.2010. URL: <http://www.cis.minsk.by/page/428> (accessed 05.02.2020).

миграции. Страна сформирована иммигрантами, она принимает около 1 млн иммигрантов в год, иммигрантские сообщества имеют сильнейшие лобби, а политики и президенты происходят из семей иммигрантов. Парадоксом является то, что еще недавние иммигранты сами стремятся ограничить приток новых иммигрантов, хотя наверняка отдадут себе отчет в полезности иммиграции как явления.

Прежде всего, США не подписали ни одной конвенции по миграции на международном уровне. Поскольку, являясь самой привлекательной в иммиграционном отношении страной (“иммиграционной Меккой”), они могут позволить себе, даже жестко ограничивая иммиграцию, без особых усилий принимать около 1 млн человек ежегодно.

Предотвращение нелегальной иммиграции начинается на стадии представления виз иностранным гражданам для въезда в США. Дипломатические миссии и консульства имеют четкие установки на отказ в визе тем, кто потенциально хочет остаться в США. Неблагонадежные иммигранты выявляются как через анализ личных документов, так и в ходе собеседований. Правила получения неиммиграционных виз ежегодно ужесточаются. Например, в отношении российских граждан они достигли своего апофеоза в 2019 г., когда для записи на собеседование требовалось ждать около года. Общая доля отказов по всем категориям неиммиграционных виз в 2019 г. составила 25%, а по категории визы В1/В2 доля составила 30%⁸, у граждан России эта доля в два раза меньше — 15,19%. Чем миграционно опаснее страна, тем выше процент отказов. Так, например, в категории визы В процент отказов у граждан Северной Кореи — 100%, Ливии — 89,05%, Ирана — 86,58%, Сомали — 80,77%, Йемена — 78,45%⁹.

50 Сразу после инаугурации в 2017 г. Трамп пытался запретить въезд граждан из мусульманских стран, таких как Иран, Ирак, Ливия, Сомали, Судан, Сирия и Йемен, и подписал Исполнительный приказ 13769 “Защита нации от проникновения иностранных террористов в Соединенные Штаты” от 27 января 2017 г., но такая мера встретила большое количество критики и была отменена 6 марта 2017 г.

Ключевым способом борьбы с нелегальной миграцией из стран Латинской Америки остается укрепление “физической” границы. Первые участки были построены еще в 1990-х годах, к 2005 г. были возведены ограждения общей протяженностью 120 км. [Stana, Quinland, Espinola 2009]. В 2006 г. президент США Буш подписывает указ № 6061 “Закон о безопасном заборе” (*The Secure Fence Act of 2006*), согласно которому инициировалось строительство вдоль южной границы 1 100 км. дополнительных ограждений, основная часть которых была построена в период до 2010 г. Укрепление физической границы с Мексикой было одним из ключевых предвыборных обещаний Трампа в 2016 г., однако за период его президентства длина стены практически не увеличилась, поскольку укрепление границ происходит не за счет увеличения ее длины, а за счет обновления и увеличения высоты существующих ограждений. В 2017 финансовом году Конгресс выделил 292 млн долл. на строительство

⁸ Worldwide NIV Workload by Visa Category FY 2019. — *U.S. Department of State. Bureau of Consular Affairs*. URL: <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Statistics/Non-Immigrant-Statistics/NIVWorkload/FY2019NIVWorkloadbyVisaCategory.pdf> (accessed 16.03.2020).

⁹ Adjusted Refusal Rate — B-Visas Only by Nationality Fiscal Year 2019. — *U.S. Department of State. Bureau of Consular Affairs*. URL: <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Statistics/Non-Immigrant-Statistics/RefusalRates/FY19.pdf> (accessed 16.03.2020).

9-метровых стальных заборов длиной 64 км. в районах Сан-Диего, Эль-Сентро и Эль-Пасо, наиболее приоритетных местах пограничного патруля¹⁰.

6 апреля 2018 г. генеральный прокурор США объявил о начале реализации политики нулевой толерантности (*zero tolerance policy*) для борьбы с незаконным пересечением южной границы как для предотвращения незаконной миграции в Штаты, так и для сокращения заявлений о предоставлении убежища, которые часто являются фальшивыми документами. В соответствии с данной политикой Министерство юстиции заключало под стражу с последующей депортацией либо привлекало к уголовной ответственности всех взрослых иностранных граждан, задержанных при незаконном пересечении границы, без исключения для лиц, ищущих убежища, или лиц с несовершеннолетними детьми. Политика нулевой толерантности получила шквал критики в связи с разлучением детей и их родителей, и подобная практика была приостановлена в июне 2018 г.

На фоне продолжающихся потоков нелегальных мигрантов из Южной Америки, ищущих убежище в США, в январе 2019 г. министром внутренней безопасности Нильсен было объявлено о реализации политики по “Протоколам защиты мигрантов”, которая известна как политика “Оставайтесь в Мексике”: иностранные граждане, которые пересекли незаконно границу США и подали прошение на предоставление убежища, подлежат высылке и содержанию в Мексике до дальнейшего судебного решения о предоставлении убежища.

США предпринимают меры взаимного урегулирования вопроса незаконной иммиграции. В июне 2019 г. США и Мексика подписывают соглашение, согласно которому Мексика обязуется предпринять более жесткие государственные меры по предотвращению незаконных пересечений границы, а США освобождают Мексику от пошлин за импорт своих товаров.

В США используется процесс легализации иммигрантов, как инструмент управления незаконной иммиграцией. Подобная миграционная амнистия — своеобразный интеграционный фильтр, который искусственно создан в американской системе. Он позволяет по сути своей давать шанс иммигрантам интегрироваться в американскую экономику и общество. Первая программа по легализации была инициирована еще в 1920-х годах. Наиболее массовая и всеобщая легализация в истории США произошла после принятия Закона о реформе и контроле за иммиграцией в США (*The Immigration Reform and Control Act, IRCA*) в 1986 г. Данный закон предоставил право незаконным иммигрантам легализоваться, если они докажут, что прибыли на территорию США до 1 января 1982 г. По разным оценкам, в результате были легализованы от 1,6 до 2 млн иностранных граждан [Kerwin 2010]. В США также были реализованы программы регистрационной легализации для специфических групп населения: с 1986 г. были амнистированы более 2 млн незаконных иммигрантов, в том числе беженцы из Кубы, Гаити, Никарагуа и других стран.

Федеральные власти выделяют все больше бюджетных средств для предотвращения незаконного проникновения на территорию страны. С момента создания Департамента внутренней безопасности в 2003 г. около 330 млрд долл. было выделено на подведомственные структуры, отвечающие за иммиграционный контроль. Расходы на Управление по осуществлению таможенных и иммиграционных законов (*ICE*), отвечающее за депортацию, выросли

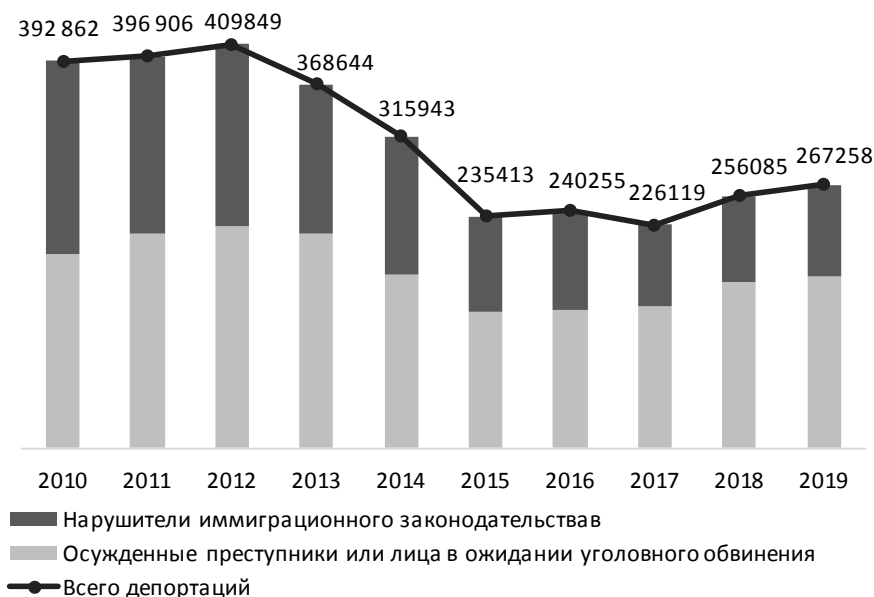
¹⁰ Walls Work. — DHS. 12.12.2018. URL: <https://www.dhs.gov/news/2018/12/12/walls-work> (accessed 16.03.2020).

с 3,3 млрд долл. в 2003 г. до 8,8 млрд долл. в 2019 г.¹¹, основная часть финансирования была направлена на устройство центров временного содержания незаконных мигрантов до их депортации. Бюджет Погранично-таможенной службы США увеличился почти вдвое до 17 млрд долл. в 2019 г. За период 2003-2018 гг. численность сотрудников пограничного патруля США почти удвоилась, а подразделения Управления по осуществлению таможенных и иммиграционных законов практически утроилась¹².

По данным официальной статистики, количество депортаций в период президентства Трампа меньше, чем в период Обамы. Также слегка изменилась структура депортируемых иностранных граждан, заметно увеличение депортаций осужденных преступников или лиц, ожидающих уголовного обвинения (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Количество депортаций из США за 2010-2019 гг.
The Number of Removals from U.S. in 2010-2019

Примечание. Составлено по: <https://www.ice.gov/sites/default/files/documents/Report/2016/removal-stats-2016.pdf> (accessed 17.03.2020); <https://www.ice.gov/sites/default/files/documents/Document/2019/eroReportFY2019.pdf> (accessed 17.03.2020).

Подход ЕС

Борьба с незаконной иммиграцией является центральной частью общей иммиграционной политики ЕС с момента ее создания в 1999 г. Амстердамский

¹¹ FY 2019 Budget in Brief. — DHS. URL: <https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/DHS%20BIB%202019.pdf> (accessed 17.03.2020).

¹² The Cost of Immigration Enforcement and Border Security. — American Immigration Council. 2019. URL: https://www.americanimmigrationcouncil.org/sites/default/files/research/the_cost_of_immigration_enforcement_and_border_security.pdf (accessed 17.03.2020).

договор закрепил компетенцию Союза в этой области в разделе IV, в ст. 62 Договора об учреждении Европейского сообщества в качестве правовой основы для правил, касающихся пограничного контроля и визовой политики, а также в ст. 63 (3) как явный базис для мер, касающихся незаконной иммиграции, незаконного проживания и репатриации незаконных иммигрантов. Данный договор также включил Шенгенское соглашение, ранее уже подписанное большинством стран Союза, в совокупность правовых норм ЕС. Согласно ему, страны-участницы обязаны применять строгие проверки в отношении иностранных граждан, въезжающих и выезжающих из Шенгенской зоны. В 2005 г. с целью укрепления внешних границ Союза и создания единой общеевропейской системы пограничного контроля было создано Европейское агентство пограничной и береговой охраны (*FRONTEX*). В целях содействия эффективному управлению миграционными потоками, а также внедрению, укреплению и развитию общего единого подхода по вопросам предоставления убежища и иммиграции был создан Фонд убежища, миграции и интеграции (*Asylum, Migration and Integration Fund, AMIF*) с ассигнованием в размере 3,31 млрд евро на 2014–2020 гг., которое в дальнейшем было увеличено до 6,6 млрд евро. Также на период 2014–2020 гг. был создан Фонд внутренней безопасности (*Internal Security Fund, ISF*) с бюджетом в 3,8 млрд евро¹³.

По данным исследования Транснационального Института (*TNI*), с 1990-х годов страны ЕС и страны Шенгенской зоны построили около 1 000 км сухопутных ограждений для предотвращения нелегального проникновения на их территорию. Так, например, были построены стены на границе Испании от иммигрантов из Африки, в Греции и Болгарии — от миграционного потока из Турции, в Венгрии на границе с Хорватией и Сербией, в Латвии, Литве, Норвегии и Эстонии на границах с Россией. Помимо физических барьеров, было возведено 4 750 км. “морских стен” — морские операции, патрулирующие морские границы ЕС [Akkerman 2019].

Имплементированы виртуальные барьеры в виде информационных технологий, таких как Визовая информационная система (*VIS*), Шенгенская информационная система (*SIS*) для обмена биометрическими данными и информацией о въезде и выезде между органами безопасности и пограничных служб по всей Европе, *EURODAC* — база данных отпечатков пальцев, специально предназначенная для лиц, ищущих убежища, и лиц, незаконно пересекших границы, и др. Тем не менее, несмотря на использование различных новых технологий, значительная часть незаконных иммигрантов в ЕС изначально въехали легально по краткосрочным визам, но остались по экономическим причинам после истечения срока визы.

В соответствии с Шенгенским кодексом о границах, страны ЕС также имеют право временно восстановить пограничный контроль на внутренних границах в случае установления серьезной угрозы государственной политике или внутренней безопасности. Например, после наплыва беженцев и экономических иммигрантов в 2015 г. и увеличения количества терактов в период 2015–2019 гг. число уведомлений государств — членов ЕС о временном введении пограничного контроля на внутренних границах удвоилось по сравнению с периодом 2006–2014 гг.¹⁴.

¹³ EU Funds for Migration, Asylum and Integration Policies. — *EU BUDG Committee*. 2018. URL: <https://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/05/EU-funds-for-migration.pdf> (accessed 17.03.2020).

¹⁴ Member States' Notifications of the Temporary Reintroduction of Border Control at Internal Borders. — *European Commission. Migration and Home Affairs*. 2020. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/reintroduction-border-control/docs/ms_notifications_-_reintroduction_of_border_control_en.pdf (accessed 04.02.2020).

Необходимо отметить, что европейский подход представляет собой не только укрепление границ, но и сотрудничество с третьими странами. На сайте Европарламента указано, что Европейский союз обязан предотвращать и сокращать незаконную иммиграцию, в частности, посредством эффективной политики возвращения нарушителей законодательства. Взаимодействие с третьими странами выстраивается путем заключения соглашения о реадмиссии, в соответствии с которым данная страна обязана принять обратно незаконных мигрантов. У ЕС заключены такие соглашения с некоторыми странами, например, с Албанией, Шри-Ланкой, Россией, Украиной, Македонией, Боснией и Герцеговиной, Черногорией, Турцией, и др.

Миграционный кризис 2015 г. побудил ЕС к созданию на Саммите по миграции в Валетте в ноябре 2015 г. “Чрезвычайного целевого фонда для стабильности и устранения коренных причин незаконной миграции и перемещения населения лиц в Африке” для предотвращения незаконных миграционных потоков из стран Африки. Позже, 18 марта 2016 г. Европейский союз и Турция подписали соглашение, направленное на удержание потока незаконной миграции через Турцию в Европу: все незаконные иммигранты и просители убежища, прибывающие из Турции на территорию Греции и кому отказано в предоставлении убежища, должны быть возвращены в Турцию. По условиям сделки, ЕС должен был направить 6 млрд евро на финансирование Фонда для беженцев в Турции, а также отменить визовые требования для граждан Турции не позднее конца июня 2016 г., если Турция предпримет все необходимые шаги для выполнения оставшихся требований. Однако из-за эскалации конфликта в Идлибе в феврале 2020 г. президент Турции заявил об открытии своих границ для беженцев, желающих попасть в Европу¹⁵.

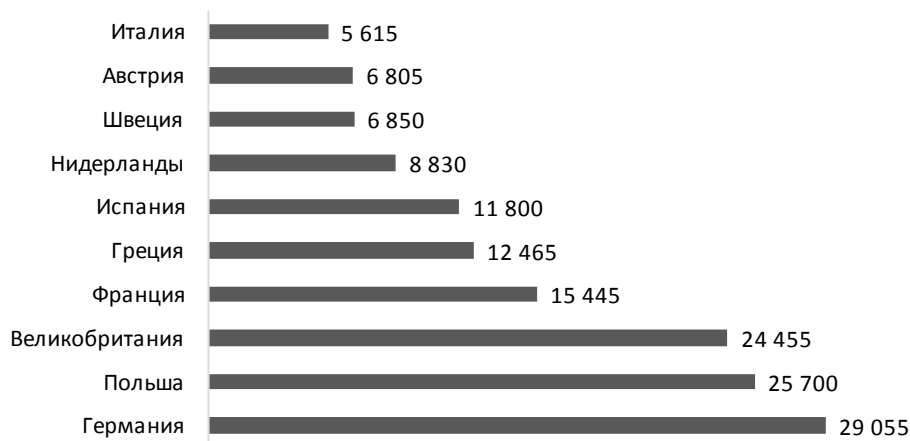
Борьба с нелегальной занятостью граждан третьих стран представляется властям ЕС также как инструмент противодействия незаконной иммиграции. 18 июня 2009 г. принята Директива 2009/52/ЕС Европейского парламента и Совета об установлении минимальных стандартов в отношении санкций и мер к работодателям незаконно пребывающих граждан третьих стран, согласно которой запрещено любое трудоустройство незаконных иммигрантов. В соответствии с этим, разработаны меры по предотвращению, выявлению и наказанию работодателей, в том числе подрядчиков и субподрядчиков, которые занимаются нелегальным наймом иммигрантов, а также некоторые меры по защите прав незаконно пребывающих иностранных граждан. Для вывода иммигрантов из неформального сектора экономики и нелегальной занятости в ЕС также реализуются программы и механизмы по регуляризации незаконных иммигрантов. Первые программы были запущены в 1980-х годах в странах, которые имплементировали сезонные программы по найму иностранных работников (Франция, Германия, Бельгия и др.). С 1980-х годов более 5 млн незаконных иммигрантов получили легальный статус в странах ЕС, однако более 80% иммигрантов были легализованы в южных странах ЕС: Италии, Испании и Греции, что породило напряжение между южными и северными странами ЕС — которые, в свою очередь, предпочитают альтернативный вариант решения проблем через выдворение незаконно пребывающих иммигрантов. По данным статистики, именно северные страны, например, Польша,

¹⁵ Демидова О. Турция обещает направить еще больше мигрантов в ЕС. — *Deutsche Welle*. 05.03.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/турция-обещает-направить-еще-больше-мигрантов-в-ес/a-52652160> (accessed 17.03.2020).

Германия, Великобритания, выдворяют больше иностранных граждан, чем южные (см. рис. 2), а суммарное количество выдворенных граждан третьих стран из 28 стран ЕС сократилось с 199 тыс. в 2010 г. до 161 тыс. в 2019 г.

Рисунок 2 (Figure 2)

Количество выдворенных граждан третьих стран после приказа покинуть страну ЕС в 2019 г.
The Number of Third Country Nationals Returned Following an Order to Leave in 2019

Примечание. Составлено по: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_eirt-n&lang=en (accessed 28.10.2020).

Российский подход

Российский подход противодействия незаконной миграции сформировался в особенных исторических и геополитических условиях. Существование на протяжении почти восьмидесяти лет СССР как закрытого для внешнего миграционного взаимодействия, но крупного и мощного государства сформировало устойчивые социально-экономические и социокультурные связи между его регионами. Поэтому даже распад СССР не привел к миграционной изоляции новых государств друг от друга. По инерции миграционный обмен продолжается в различных формах, таких как вынужденная, образовательная, возвратная миграция. Так, период до 2001 г. можно охарактеризовать становлением миграционного законодательства и разработкой административно-правовых мер для урегулирования миграционных процессов, в том числе и незаконных. В 2002 г. принимается Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, который впервые вводит миграционные квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности и квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание. В 2004 г. вводится уголовная ответственность за организацию незаконной миграции. Помимо ужесточения административных мер, формируются экономические инструменты противодействия незаконной миграции как в отношении самих иммигрантов, так и в отношении их работодателей в виде пошлин за оформление разрешительных документов и штрафов за нелегальную занятость. По информации Минфина РФ об исполнении федерального бюджета, расходы на национальную безопасность

и правоохранительную деятельность увеличились с 550 млрд руб. в 2006 г. до 2 трлн руб. в 2019 г. Согласно ФЗ “О федеральном бюджете на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 годов”, в 2019 г. МВД было выделено более 8 млрд руб. на расходы для создания, развития и функционирования государственной системы миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность; более 2,7 млрд руб. было выделено на миграционную политику.

Главными формами борьбы с незаконной миграцией в России стали полицейские рейды и проверки документов мигрантов не только по месту пребывания и работы, но и в общественных местах. Трудовой иммигрант обязан иметь при себе паспорт, миграционную карту, уведомление о постановке на миграционный учет (регистрация), а также разрешительные документы на трудовую деятельность. Большинство незаконных иммигрантов в России — это граждане из безвизовых стран, т.е. значительная часть иностранных граждан и лиц без гражданства въезжают на территорию России на законных основаниях, но в период пребывания по тем или иным причинам утрачивают основания для пребывания, в результате чего теряют свой легальный статус. Зачастую это происходит в связи с проблемами с постановкой на миграционный учет, поскольку в 2014 г. вступила в силу ст. 322.2 УК РФ, закрепляющая уголовную ответственность за фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ, из-за которой многие собственники жилых помещений не желают связываться с иностранными гражданами.

С 2018 г. запрещено регистрировать по адресу организации, где иностранный гражданин работает или обучается. Многие разнорабочие — трудовые иммигранты вынуждены снимать квартиры в складчину, проживая по несколько человек в комнате, а зарегистрированы они нередко по другому адресу. При выявлении сотрудниками полиции подобного нарушения возбуждается дело об административном правонарушении в соответствии со ст. 18.8 и 18.10 КоАП РФ, которые подразумевают наложение административного штрафа и/или административное выдворение за пределы территории страны с последующим наложением запрета на въезд в Российскую Федерацию до десяти лет. Доля решений о выдворении по этим двум статьям была более 95% от всех решений об административном выдворении в 2018 г. (см. рис. 3). По данным бывшего начальника ГУВМ МВД РФ О.Е. Кирилловой, на 2018 г. в списках лиц, въезд которым на территорию России не разрешен, состояло 1,2 млн человек¹⁶.

Необходимо отметить административные меры вывода иммигрантов из нелегальной занятости, что зачастую является одним из оснований их незаконного пребывания в стране. Введение патентов в 2010 г. позволило вывести из нелегального поля 6 млн трудовых иммигрантов [Михеева 2015]. Создание ЕАЭС в 2015 г. также можно рассматривать в качестве инструмента урегулирования трудовых миграционных потоков, в результате которого значительная часть трудовых мигрантов из стран-участниц была легализована. В индивидуальном порядке отправляющие страны проводят переговоры с российскими властями о предоставлении своим гражданам “иммиграционной амнистии”, которая позволит иммигрантам, чье пребывание в России незаконно по тем или иным

¹⁶ Интернет-интервью с О.Е. Кирилловой, начальником Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации: “Миграционное законодательство: российский опыт решения проблем в сфере миграции”. — *КонсультантПлюс*. 2018. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/kirilova/> (accessed 28.03.2020).

основаниям, в определенный период времени беспрепятственно выехать из России и вернуться обратно без каких-либо санкций. Периодически объявляются амнистии гражданам Молдовы, Кыргызстана, Узбекистана: так, в апреле 2019 г. было амнистировано около 100 тыс. мигрантов из Кыргызстана¹⁷.

Рисунок 3 (Figure 3)

Количество судебных решений об административном выдворении по ст. 18.8 и 18.10 КоАП РФ и количество направленных запретов на въезд в 2010-2019 гг. (в тысячах)
The Number of Court Decisions on Administrative Expulsion under Art. 18.8 and 18.10 of Administrative Code of the Russian Federation and the Number of Issued Entry Bans in 2010-2019 (in thousand)

Примечание. Составлено по: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/spreads.pdf> (accessed 28.03.2020); https://pda.guv.mvd.ru/upload/site1/document_file/ItoGovyy_doklad_na_19.02.16.pdf (accessed 28.03.2020); <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/> (accessed 28.10.2020); <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (accessed 28.10.2020).

Россия активно развивает международные отношения в целях противодействия незаконной миграции. В 2010 г. Россия совместно с Беларусью и Казахстаном подписала Соглашение о сотрудничестве по противодействию незаконной трудовой миграции из третьих государств, в рамках которого уполномоченные государственные органы осуществляют взаимный обмен данными о нелегальных миграционных потоках. Позже в 2015 г. подписано соглашение со Словакией о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией, в соответствии с которым стороны осуществляют обмен статистической, правовой и научно-методической информацией о каналах незаконной миграции, выявленных нарушениях, мерах по предупреждению незаконной миграции и пр. Согласно Концепции государственной миграционной политики РФ на

¹⁷ Каримов Д. Мигранты воспользовались амнистией. — *Российская газета*. 21.06.2019. URL: <https://rg.ru/2019/06/21/amnistiej-v-rossii-vospolzovalis-105-tysiach-grazhdan-kirgizii.html> (accessed 28.03.2020).

2019-2025 гг., в рамках международного сотрудничества предусматривается расширение договоренностей о реадмиссии. Принятие РФ Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции в 2018 г. свидетельствует о готовности активизировать совместные усилия по предотвращению и пресечению незаконного ввоза мигрантов путем укрепления потенциала и международного сотрудничества, повысить эффективность трансграничных мер противодействия незаконному ввозу мигрантов.

Ключевые различия в используемых методах обусловлены геополитическими и социально-экономическими странавыми особенностями (см. табл.).

Таблица (Table)

Методы	США	ЕС	Россия
Наличие визового режима с основными странами-донорами	+	+	-
Укрепление физических границ	+	+	-
Легализация/амнистия	+/-	+/-	+/-
Двусторонние соглашения с отправляющими и третьими странами	+	+	+
Увеличение финансирования организации иммиграционного контроля	+	+	+
Увеличение депортаций/выдворений	-	-	-
Административные меры	+	+	+

В отличие от России, США и ЕС довольно активно используют визовый режим для отсеивания нежелательного контингента. Ограничение возможности легального въезда способствует росту незаконных пересечений государственных границ [Massey 2011], вследствие чего США и ЕС выделяют огромные суммы на укрепление физических границ и ужесточение пограничного контроля. Поскольку Россия имеет безвизовый режим с основными отправляющими странами, она не сталкивается с такими массовыми попытками незаконного пересечения границы, как США и ЕС. Соответственно, не требуется похожих мер по укреплению физической границы. Для сокращения численности незаконных иммигрантов США, ЕС и Россия используют такой метод как депортация/выдворение, хотя за последние годы заметна нисходящая тенденция в количестве депортированных/выдворенных лиц; также изредка проводятся программы легализации/амнистии незаконных иммигрантов. Все три субъекта используют периодические полицейские рейды, однако в России наиболее распространены проверки документов мигрантов не только по месту пребывания и работы, но и в общественных местах. Во всех трех случаях заметно увеличение финансирования силовых структур, в частности ответственных за иммиграционный и пограничный контроль.

МАСШТАБЫ НЕЗАКОННОЙ ИММИГРАЦИИ В США, ЕС И РОССИИ

Необходимо сразу отметить, что мы можем говорить лишь о примерных масштабах незаконной миграции: точная оценка затруднительна вследствие динамичности миграционного статуса [McAuliffe, Khadria 2019]. Ученые приводят довольно осторожные оценки численности незаконных мигрантов в мире и конкретных странах ввиду невозможности достижения высокого уровня достоверности этих оценок, а также из-за высоких рисков провокации негативной реакции у общественности, СМИ и политических акторов.

США

Согласно *Pew Research Center*, с 1990 г. по 2007 г. в США был отмечен рост численности незаконных иммигрантов с 3,5 млн человек до 12,2 млн человек, но мировой экономический кризис снизил их численность до 11,3 млн человек в 2009 г. В последующие годы численность варьируется в диапазоне 11-12 млн человек. По данным Министерства внутренней безопасности США (*DHS*), в январе 2015 г. в стране проживало 11,96 млн нелегальных иммигрантов по сравнению с 11,5 млн в январе 2014 г. и 11,6 млн в январе 2010 г.¹⁸. К 2017 г. их численность снизилась до 10,5 млн [Passel, Cohn 2019].

За последнее десятилетие произошло резкое сокращение числа мексиканцев, въезжающих в Соединенные Штаты нелегально. В период с 2007 по 2016 г. поток нелегальной иммиграции из Мексики сократился на 1,5 млн человек, тем не менее, доля незаконных иммигрантов из Мексики остается значительной [Passel, Cohn 2018]. Несмотря на рост количества задержаний на границе США за последние два года, увеличиваются иммиграционные потоки из стран “северного треугольника” Центральной Америки — Сальвадора, Гватемалы и Гондураса — через Мексику. По данным *Pew Research Center*, число незаконных иммигрантов из Центральной Америки увеличилось на 375 тыс. в период с 2007 по 2016 г., лишь в 2016 г. в США прибыло 1,85 млн незаконных иммигрантов из этого региона [ibidem].

Растет доля иммигрантов из других стран с просроченными документами. За последние десятилетие количество просроченных виз в Соединенных Штатах превысило число незаконных пересечений границы примерно в два раза [Warren 2019]. Зачастую иммигранты, прибывшие по неиммиграционным визам, например по туристической, учебной или рабочей, которые вовремя не продлили визу или не поменяли миграционный статус, часто не рассматриваются в контексте незаконной миграции.

ЕС

По результатам исследования Д. Фогель, В. Ковачевой и Х. Прескотт, численность незаконных иммигрантов в ЕС-25 в 2005 г. составила примерно 2,4-5,4 млн, а в 2008 в ЕС-27 оценивалась в районе 1,9-3,8 млн [Vogel, Kovacheva, Prescott 2011]. По мнению авторов, снижение численности незаконных иммигрантов в период 2002-2008 гг. обусловлено расширением пространства ЕС и программами легализации. В конце 2000-х годов глобальный экономический кризис привел к дальнейшему сокращению числа незаконных иммигрантов.

Во второй половине 2010-х годов начинается новая волна нелегального миграционного потока, которая во многом связана с кризисными ситуациями в Сирии и других странах Ближнего Востока и Северной Африки. Согласно анализу *Pew Research Center*, в 2014 г. в ЕС проживало 3-3,7 млн незаконных иммигрантов, пик был достигнут в 2016 г. с 4,1-5,3 млн человек, нелегально пребывающих в ЕС, однако в следующем году уже заметен спад до 3,9-4,8 млн незаконных иммигрантов¹⁹.

¹⁸ Population Estimates. Illegal Alien Population Residing in the United States: January 2015. — *DHS*. 2018. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/18_1214_PLCY_pops-est-report.pdf (accessed 04.02.2020).

¹⁹ Connor P., Passel J.S. Europe's Unauthorized Immigrant Population Peaks in 2016, Then Levels Off. — *Pew Research Center*. 13.11.2019. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/11/13/europes-unauthorized-immigrant-population-peaks-in-2016-then-levels-off/#fn-45153-1> (accessed 06.02.2020).

Рост численности незаконных иммигрантов в ЕС в 2016 г. связан с всплеском нерегулярных потоков иммигрантов, прибывающих через “морские маршруты”. По данным МОМ, в 2015 г. было зафиксировано более 1 млн человек, прибывших незаконно в Европу, из них 97% прибыли по морю. В этот период маршрут Восточного Средиземноморья (главным образом из Турции в Грецию) стал главным для мигрантов и лиц, ищущих убежища, в отличие от маршрута Средиземного моря (из Северной Африки в Италию и Испанию). Впоследствии усиление контроля за морскими и сухопутными границами позволили сократить приток нелегальной иммиграции: в 2016 г. 390 456 человек прибыло в Европу, в 2017 г. — 188 372 человека, в 2018 г. — 147 683 человека, а в 2019 г. — 128 536 человек²⁰.

По предварительным данным *FRONTEX*, число незаконных пересечений границ, обнаруженных на внешних границах Европейского союза в 2019 г., упало до самого низкого уровня с 2013 г. из-за сокращения числа людей, достигающих европейских берегов по центральным и западным средиземноморским маршрутам. Поток нелегальной иммиграции по Центральному Средиземноморью сократился на 41% и Западному Средиземноморью на 58%, данными маршрутами пользуются преимущественно граждане Туниса, Судана, Марокко и Алжира²¹.

Россия

В начале 2000-х годов экспертные оценки варьировались от 1,8 до 8 млн человек, в то время как представители ФМС и МВД говорили о наличии в стране до 10 млн незаконных мигрантов [Рязанцев 2007]. Примерно такой же диапазон рассматривался в течение последующих двух десятилетий.

Необходимо отметить, что формирование нелегальных миграционных потоков в Россию после распада СССР во многом обусловлено историческими, политическими, экономическими, социокультурными, демографическими и географическими факторами, такими как безвизовый режим, создание политических и экономических союзов (СНГ, ЕАЭС, ШОС и др.), языковая и историческая общность, демографический дисбаланс, потребность российской экономики в рабочей силе и пр. Согласно расчету В. Ионцева, в период 2010–2013 гг. количество незаконных трудовых мигрантов было около 5,1 млн человек, в основном, это граждане постсоветских стран [Ионцев 2017]. В результате создания ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия) в 2015 г. были сформированы единое миграционное пространство и общий рынок труда, которые не требуют виз и разрешительных документов на работу. Между Россией и пятью странами бывшего СССР — Азербайджаном, Молдовой, Таджикистаном, Узбекистаном, Украиной — существуют безвизовые отношения и упрощенный порядок получения разрешительных документов на работу — патентов. В 2017 г. уполномоченный по правам человека в РФ Т. Москалькова заявила, что “в России находится от 8 до 10 млн нелегальных мигрантов”²². Однако по подсчетам ГУВМ МВД России в России нелегально проживают около 2 млн иммигрантов²³.

²⁰ Flow Monitoring Europe. — *IOM*. URL: <https://migration.iom.int/europe?type=arrivals> (accessed 06.02.2020).

²¹ FLASH REPORT — Irregular Migration into EU at Lowest Level since 2013. — *Frontex*. 01.08.2020. URL: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news-release/flash-report-irregular-migration-into-eu-at-lowest-level-since-2013-n5pHiA> (accessed 06.02.2020).

²² Вашенко В. Россия пересчитала мигрантов. — *Газета.ru*. 17.05.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/05/17/10677761.shtml> (accessed 15.03.2020).

²³ В МВД назвали число нелегальных мигрантов в России. — *Российская газета*. 21.12.2018. URL: <https://rg.ru/2018/12/21/v-mvd-nazvali-chislo-nelegalnyh-migrantov-v-rossii.html> (accessed 15.03.2020).

Во всех трех случаях, базируясь на экспертных оценках, мы видим, что значительного сокращения численности незаконных иммигрантов не происходит. Снизить несанкционированный поток в некоторой степени удалось Европейскому союзу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ свидетельствует о том, что несмотря на реализацию различных мер по предотвращению незаконного пересечения границы и пребывания в стране назначения, эти меры незначительно влияют на сокращение численности незаконных иммигрантов. Незаконная иммиграция — это, в большей степени, следствие спроса на дешевый труд бесправных иммигрантов и других экономических, политических и социальных процессов как в отправляющей, так и принимающей стране, нежели следствие плохой организации пограничного и иммиграционного контроля [Koslowski 2011]. В случае США иммиграционные потоки из стран “северного треугольника” Центральной Америки вызваны повсеместным насилием, преследованием и бедностью [Warren, Kerwin 2017].

Исследования показывают, что депортации представителей бандитских группировок усиливают их преступную деятельность в родных странах, тем самым вызывая новую волну мигрантов в поисках убежища в Соединенных Штатах [Kalsi 2018]. В свою очередь, укрепление границ и ужесточение контроля не решает изначальной проблемы, которая стимулирует эти миграционные потоки. При этом при закрытии границ в одном направлении они, как правило, переориентируются на другие направления, которые зачастую не менее опасны для жизней мигрантов. Соответственно, растет и спрос на услуги контрабандистов по пересечению государственных границ. Значительная часть незаконных иммигрантов в США, ЕС и России прибывают в страну на законных основаниях, но утрачивают свой правовой статус по тем или иным причинам [McAuliffe, Khadria 2019].

В России в условиях сложившейся миграционной системы с единым миграционным пространством и безвизовым режимом существование феномена незаконной миграции выглядит парадоксальным: 95% незаконных мигрантов в России — это граждане из стран бывшего СССР с безвизовым режимом, которые вынуждены выйти из правового поля в связи с проблемами с регистрацией по месту пребывания, оформлением патента на работу или отсутствием заключенного трудового договора, зачастую ввиду нежелания российского работодателя юридически оформлять подобные трудовые отношения. Инструменты иммиграционного контроля выступают административными препонами, которые не позволяют иммигрантам сохранить их правовой статус.

Запрет на въезд и аналогичные методы также не способствуют решению проблемы незаконной иммиграции и сохранению национальной безопасности. Например, ограничения на въезд, которые устанавливаются за различные правонарушения, порой очень незначительные [Рязанцев, Байков, Морозов 2019], могут способствовать увеличению числа фальшивых документов и росту безработицы и бедности в странах Центральной Азии, значительная часть ВВП которых зависит от денежных переводов соотечественников на родину; тем самым, это может вызвать дестабилизацию всего региона и распространение исламских радикальных организаций [Султанов 2016].

Необходимо отметить, что в современных условиях глобализации и рыночной экономики полная ликвидация незаконной иммиграции невозможна.

Однако возможно снижение ее масштабов, для чего необходимы меры урегулирования легальных каналов найма иностранной рабочей силы, которые позволят изначально не дать иммигрантам уйти в секторы теневой экономики.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04)

IS THE FIGHT AGAINST ILLEGAL IMMIGRATION EFFECTIVE (Experience of the USA, European Union and Russia)?

S.V. Ryazantsev^{1,2}, G.N. Ochirova¹

¹ Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

² Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

RYAZANTSEV, Sergey Vasil'evich, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Head of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University, email: riazan@mail.ru; **OCHIROVA, Galina Nikolaevna**, Junior Research Associate, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, email: galinaochirova93@gmail.com

Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. Is the Fight Against Illegal Immigration Effective (Experience of the USA, European Union and Russia)? — Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 46-63. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04>

Acknowledgements. This research was supported by the Russian President Grants Council for Supports of the Leading Scientific Schools (Project № NSh-2631.2020.6).

Received: 05.06.2020. Accepted: 07.12.2020

Abstract. Modern governments stubbornly insist on perceiving immigration as a threat to national security and immigrants as potential criminals; consequently they attempt to lobby for stricter measures around migration and border control. In this paper, based on analysis of policies and statistical data, three models of the fight against irregular migration (US, European, and Russian) are compared, considering geopolitical and socio-economic features. It is observed that the Russian model is characterized by economic barriers (the costs of patents and work permits) and the predominance of administrative measures due to the visa-free regime with the main donor-countries. However, in the case of the US, a key way to combat irregular migration in recent years has been strengthening its physical borders to restrain massive flows from Mexico and other Latin American countries. Because of the influx of asylum seekers from Middle Eastern and African countries, the European model has been modernized by the implementation of mixed measures: the militarization of border control (even between EU countries), the creation of barriers both physical (e.g. the Hungarian border barrier) and social (e.g. deportation), and agreements with third countries (e.g. with Turkey). The paper argues that these models are not able to give the desired results despite the significant administrative and financial expenses on the implemented measures. In a market economy, illegal immigration flows cannot be fully stopped, but their scale can be reduced. This requires state measures to regulate the legal channels for hiring foreign labor, which will prevent immigrant participation in the informal economy.

Keywords: illegal migration, irregular immigrants, national security, the USA, the EU, immigration policy, deportation, immigration amnesty.

References

- Akkerman M. 2019. The Business of Building Walls. — *Transnational Institute*. URL: https://www.tni.org/files/publication-downloads/business_of_building_walls_-_full_report.pdf (accessed 17.03.2020).
- Harris N. 1995. *The New Untouchables: Immigration and the New World Worker*. New York: IB Tauris & Company Limited.
- Hooghe M., Dassonneville R. 2018. Explaining the Trump Vote: The Effect of Racist Resentment and Anti-immigrant Sentiments. — *PS: Political Science & Politics*. Vol. 51. No. 3. P. 528-534. <https://doi.org/10.1017/S1049096518000367>
- Kalsi P. 2018. The Impact of Us Deportation of Criminals on Gang Development and Education in El Salvador. — *Journal of Development Economics*. Vol. 135. P. 433-448. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.08.010>
- Kerwin D.M. 2010. *More than IRCA: US Legalization Programs and The Current Policy Debate*. Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/us-legalization-programs-by-the-numbers> (accessed 16.03.2020).

Koslowski R. 2011. *The Evolution of Border Controls as a Mechanism to Prevent Illegal Immigration*. Washington, DC: Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/border-controls-koslowski.pdf> (accessed 29.03.2020).

Massey D.S. 2011. *The Truth about Undocumented Immigration*. Scholars Strategy Network. URL: <https://scholars.org/brief/truth-aboutundocumented-immigration> (accessed 29.10.2020)

McAuliffe M., Khadria B. 2019. *World Migration Report 2020*. Geneva: International Organization for Migration. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/wmr_2020.pdf (accessed 28.10.2020)

Nelson R.L., Davis-Wiley P. 2018. Illegal or Undocumented: An Analysis of Immigrant Terminology in Contemporary American Media. — *International Journal of Social Science Studies*. Vol. 6. No. 6. P. 8-15. <https://doi.org/10.11114/ijsss.v6i6.3254>

Paspalanova M. 2008. Undocumented vs. Illegal Migrant: Towards Terminological Coherence. — *Migraciones internacionales*. Vol. 4. No. 3. P. 79-90.

Passel J.S., Cohn D. 2018. US Unauthorized Immigrant Total Dips To Lowest Level in a Decade. — *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2018/11/27/u-s-unauthorized-immigrant-total-dips-to-lowest-level-in-a-decade/> (accessed 06.02.2020).

Passel J.S., Cohn D. 2019. Mexicans Decline to Less Than Half the US Unauthorized Immigrant Population for the First Time. — *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/us-unauthorized-immigrant-population-2017/> (accessed 27.10.2020).

Stana R., Quinland S., Espinola J. 2009. Secure Border Initiative Fence Construction Costs. — *United States Government Accountability Office*. P. 1-15.

Vogel D., Kovacheva V., Prescott H. 2011. The Size of the Irregular Migrant Population in the European Union—Counting the Uncountable? — *International Migration*. Vol. 49. No. 5. P. 78-96. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2011.00700.x>

Warren R. 2019. US Undocumented Population Continued to Fall from 2016 to 2017 and Visa Overstays Significantly Exceeded Illegal Crossings for the Seventh Consecutive Year. — *Journal on Migration and Human Security*. Vol. 7. No. 1. P. 19-22. <https://doi.org/10.1177/2331502419830339>

Warren R., Kerwin D. 2017. The 2,000 Mile Wall in Search of a Purpose: Since 2007 Visa Overstays Have Outnumbered Undocumented Border Crossers by a Half Million. — *Journal on Migration and Human Security*. Vol. 5. No. 1. P. 124-136. <https://doi.org/10.1177/233150241700500107>

Iontsev V.A. 2017. Rol' mezhdunarodnoy trudovoy migratsii v ekonomicheskom razvitii Rossii v usloviyakh demograficheskogo krizisa [The Role of International Labor Migration in Economic Development of Russia in Times of Demographic Crisis]. — *Ekonomicheskaya teoriya i khozyaystvennaya praktika: global'nyye vyzovy. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Evolyutsiya mezhdunarodnoy trgovoy sistemy: problemy i perspektivy* [Economic Theory and Business Practice: Global Challenges. Materials of the International Conference "the Evolution of the International Trading System: Problems and Prospects"]. Saint Petersburg: Skifiya-print. P. 242-253. (In Russ.)

Mikheeva M.V. 2015. The Impact of the Immigration Process on the Economic Security of a State. — *Vestnik of Economic Security*. No. 5. P. 97-100. (In Russ.)

Ryazantsev S.V. 2007. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovaniye* [Labor Migration in the Cis and Baltic Countries: Trends, Consequences, Regulation]. Moscow: Formula prava. (In Russ.)

Ryazantsev S.V., Baikov A.A., Morozov V.M. 2019. Social and Economic Situation and Legal Status of Kyrgyz Labor Migrants in Russia in the Context of Kyrgyzstan's Integration into the EAEU. — *Migration Law*. No. 1. P. 3-8. (In Russ.)

Sultanov B.K. 2016. Threats of Destabilization in Central Asia. — *Russia and the New States of Eurasia*. No. 1. P. 69-84. (In Russ.)

Литература на русском языке

Ионцев В.А. 2017. Роль международной трудовой миграции в экономическом развитии России в условиях демографического кризиса. — *Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы международной конференции "Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы*. СПб: Скифия-принт. С. 242-253.

Михеева М.В. 2015. Влияние иммиграционного процесса на экономическую безопасность государства. — *Вестник экономической безопасности*. № 5. С. 97-100.

Рязанцев С.В. 2007. *Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование*. М.: Формула права. 576 с.

Рязанцев С.В., Байков А.А., Морозов В.М. 2019. Социально-экономическое положение и правовой статус кыргызских трудовых мигрантов в России в контексте интеграции Кыргызстана в ЕАЭС. — *Миграционное право*. № 1. С. 3-8.

Султанов Б.К. 2016. Угрозы дестабилизации в Центральной Азии. — *Россия и новые государства Евразии*. № 1. С. 69-84.

ПОСТПОЛИТИКА В СЕТЯХ ПОСТПРАВДЫ

А.Г. Костырев

КОСТЫРЕВ Андрей Геннадиевич, кандидат политических наук, доцент кафедры права, философии и политологии, Национальный университет “Черниговский коллегиум” им. Т.Г. Шевченко, Чернигов (Украина), email: akostyrev18@gmail.com

Костырев А.Г. Постполитика в сетях постправды. — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 64–75. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.05>

Статья поступила в редакцию: 25.04.2020. Принята к печати: 17.11.2020

Аннотация. Специфика политических процессов в условиях новой коммуникационной реальности получила название “постправда”. Автор рассматривает постправду как среду множественности информационных влияний, которую можно считать продуктом развития интернета и, особенно, соцсетей. Анализ данных эмпирических исследований позволяет констатировать, что перцепция постправды — это естественный процесс, обусловленный тем, что в ситуации стресса, вызванного информационной перегрузкой, люди больше полагаются не на рациональные аргументы, а на переживания, связанные с внутренними убеждениями. В этих условиях личностные моральные ценности стали влиятельной силой при выборе источников, а также в интерактивных процессах реакции и продуцирования информации. Обретая большую степень свободы в информационном пространстве и становясь субъектом коммуникационного процесса, индивид принимает на себя и большую степень ответственности за принятие решений. Моральные ценности становятся основой политической коммуникации и структуризации в сетевом обществе. Автор делает вывод, что модальность постправды отражает глубинные аксиологические установки индивида. Эффективность политики постправды определяется ее антропоцентричностью. В сетевом обществе политика постправды базируется на закономерностях функционирования и развития онлайн-сетей. В мультимодальном коммуникационном поле постполитика осуществляется как сетевая игра. В процессе этой игры социальные акторы с наибольшей аттрактивностью и высшим уровнем соучастия получают возможность конвертировать свое коммуникационное влияние в политическую власть.

Ключевые слова: интернет, коммуникация, моральные ценности, политические убеждения, фейк, социальная структуризация, сетевая игра.

ПОСТПОЛИТИКА И ПОСТПРАВДА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ

Понятие “постполитика” вошло в академический и публицистический дискурсы как следствие предрекаемого Ф. Фукуямой “конца истории”, который должен был наступить в результате глобальной победы либеральной демократии. В такой трактовке постполитика означала конец борьбы за власть на международной арене, размывание роли национальных государств и установление делиберативной демократии. Так прогрессивный неолиберализм пытался реализовать в онлайн-коммуникации “фантазию социальной целостности и конца истории” [Jutel 2019: 435]. Интернет и социальные сети часто использовались как инструменты постполитики в ее изначальном понимании — как технологии транзита от диктатуры к демократии [Sharp 2012], а сетевой контент не противоречил информационному мейнстриму, подававшемуся *CNN* как истина в последней инстанции.

Однако на рубеже второго десятилетия XXI в. начинается период упадка постполитики неоллиберализма. Характерной чертой уже новой постполитики стало падение доверия к либерально-демократическим институтам власти и традиционным СМИ, подрывающее доверие к официальной информации в новостях и открывающее общественности альтернативные источники информации [Bennett, Livingston 2018: 122]. Это нестабильное сочетание институциональной коррозии и изобилия СМИ получило определение “постдемократия” [Crouch 2004]. И, поскольку “сама вера в либеральную демократию рухнула” [Cooper, Thomas 2019: 16], а доверие всегда тесно связано с правдой, этот информационный режим окрестили постправдой.

Становление режима постправды породило процессы, названные “контрполитикой” [Bennett, Livingston 2018: 128]. По закону политического бумеранга сценарии инспирированных из виртуальной среды протестов толпы, которые поддерживали на Западе как “арабскую весну”, “оранжевую революцию” или “революцию достоинства” на Украине, оборачиваются против Уолл-стрит. Моноправда *CNN* распадается, а в онлайн-сетях рождается множество групповых и индивидуальных правд. Терпя одно поражение за другим, либеральные демократы повесили на вышедшую из-под их контроля политическую мотивацию ярлык популизма, увязав его с понятием “политика постправды”. При таком подходе это понятие используется как модный бренд и просто синоним давно известного термина “информационная война” и подается как совокупность манипулятивных технологий в работе с массовым сознанием [Политика постправды... 2017: 161, 223, 256]. А отличительным маркером “четвертой эры политической коммуникации” [Blumler 2015] объявляется дезинформация [Freelon, Wells 2020].

Смысл термина “постполитика” за четверть века претерпел кардинальную метаморфозу. Из позитивного, обозначающего бесконфликтное состояние общества, которое наступает в результате победы либерально-демократической правды, он трансформировался в свою контрверсию, описывающую процесс расшатывания устоев демократии с помощью популизма и дезинформации, получивших распространение в онлайн-сетях. И, наконец, блокирование аккаунтов Д. Трампа в соцсетях стало своего рода кульминацией парадоксального роста влияния информационных корпораций. Эти метаморфозы связывают с феноменом постправды, хотя в толкованиях постправды как в научной литературе, так и в публицистической пока нет ясности, что затуманивает сущность постполитики.

В определении Оксфордского словаря, на которое ссылаются многие исследователи, постправда трактуется как “относящееся к обстоятельствам, при которых объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личной вере”¹. Но что же это за обстоятельства? Обращение вожака к эмоциям и личной вере тех, кого он желает повести за собой, не может считаться исключительной чертой постправды, поскольку старо, как мир. За подтверждением достаточно обратиться к библейским историям (особенно к Новому Завету). Что же касается фактов, то “ложь всегда считалась необходимым и оправданным инструментом в ремесле не только политика или демагога, но и государственного деятеля” [Арендт 2014: 334]. Очевидно, что сами по себе указанные в Оксфордском словаре

¹ Post-truth. — *Oxford Learners Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/post-truth> (accessed 03.02.2021).

критерии могут рассматриваться лишь как необходимые, но явно не достаточные для определения постправды. Поэтому важно понять именно те новые обстоятельства, которые предопределяют иррациональность постправды, и выяснить, как замена картезианского *cogito* на *credo* влияет на политику.

Цель статьи состоит в том, чтобы раскрыть отличительные черты политических процессов в условиях новой коммуникационной реальности, которая получила название “постправда”. При этом, определяя сущностные характеристики постправды, отличающие ее от пропаганды и дезинформации, мы будем опираться на утверждение о том, что она представляет собой некую среду и модальность [Чугров 2017: 46]. А при описании отличительных маркеров политики постправды будем исходить из того, что ключевым фактором появления общества постправды стало развитие информационных технологий и соцсетей, достигшее того уровня, когда с их помощью индивиды и малые группы смогли оказывать политическое влияние [там же: 45].

ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В основу нашего исследования положено определение постправды как среды, в которой одновременно действует множество информационных влияний. Это коммуникационное поле сетевого общества, которое по своим свойствам и тенденциям развития коренным образом отличается от информационного пространства времен традиционных медиаканалов. Демассификация и индивидуализация, дифференциация и вариативность информационных потоков, которые происходят вследствие развития интернета и особенно веб-сетей, превращают общество из монотонного брезентового полотна в многоцветное лоскутное одеяло. Ключевым отличием постправды является интерактивность в среде онлайн-сетей, которая устраняет субъект-объектные различия и приводит к тому, что “люди видят себя уполномоченными участниками построения информационного потока” [Guadagno, Guttieri 2019: 176]. Это предопределяет то, что различие между индивидуальными и коллективными формами политической активности становится все более размытым [Kaun, Kyriakidou, Uldam 2016: 6] и, соответственно, трансформирует вопрос персональной моральной ответственности за принятие политических решений.

В онлайн-сетях любая интерпретация реальности получает не только право, но и потенциал для презентации и восприятия. Множественность продуцирований, восприятий и интерпретаций, которая является маркером постмодернизма и нарушает присвоенную себе элитами, в том числе либерально-демократическими, монополию на истину, создает неизвестную ранее проблему — проблему информационной перегрузки. Одним из основных изменений, которые произошли за последние десять лет, стал переход от среды дефицита информации к перегрузке [Cooper, Thomas 2019: 28].

Однако возможности человеческого мозга не безграничны. Под напором информационных потоков человек впадает в состояние стресса. Утрачивая способность к рациональному анализу, мозг компенсирует ее характерным для любой стрессовой ситуации образом: переводит интеллектуальную рефлекссию на уровень эмоций и подсознательных рефлексов. Результаты исследований доказывают, что люди с большей вероятностью обрабатывают информацию, полученную в интернете, не централизованно, а периферийно. Это означает, что они сосредотачиваются не на качестве аргументов, а используют подсо-

знательные подсказки для принятия решений или когнитивную эвристику для оценки достоинств убедительной апелляции и подвержены влиянию этих факторов [Guadagno, Guttieri 2019: 178]. Можно констатировать, что эффект иррациональности имеет место, но является естественным результатом действия заложенных тысячелетиями биологической эволюции реакций мозга на стрессовую ситуацию. Новизна ситуации заключается в том, что стресс вызван не недостатком, а критическим переизбытком и разнообразием информации.

Вопреки распространенному мнению, исследования показывают, что, окунаясь в модальность постправды, человек отнюдь не растворяется в бесконечной энтропии мнений, а, наоборот, укрепляется в своих убеждениях, которые и формируют стержень его личности. И наличие альтернативных источников информации позволяет ему вырваться из плена манипуляции со стороны СМИ, которые контролируются правительствами или корпорациями. К.Р. Санстейн заключает: разнообразие информации, доступной в интернете, позволяет людям более избирательно открывать себя тем перспективам, которые им близки и редко оспаривают их взгляды [Sunstein 2009: 234]. Переизбыток информации требует не искать источники информации, а выбирать нужные из множества предложений и отсекаать лишние. Легкость доступа “позволяет людям персонализировать свои источники таким образом, чтобы это соответствовало их предубеждениям” [Bartlett 2018: 45]. И это не только подрывает контроль государственной и финансовой элит над массовой коммуникацией, каковую Я. Мунк называет одним из условий стабильности либеральных демократий [Mounk 2018], но и вообще изменяет понимание политической коммуникации как “массовой”, т.е. стандартизированной под мнение большинства.

Предопределяемый модальностью постправды уход от рационализма подрывает заложенные еще Н. Макиавелли основы понимания политики как сферы деятельности отдельной от морали и детерминированной преимущественно эгоистическими экономическими интересами. Как показывают последние исследования, моральные устои людей существенно влияют на их политические позиции [Lakoff, Wehling 2016]. Голосуя за свои моральные ценности, некоторые даже голосуют против своих экономических интересов [Haidt 2013]. Голосовать за те или иные позиции политических партий по определенным вопросам побуждают нас именно наши установки, сформированные в процессе социализации, поскольку “семейные идеалы напрямую влияют на политические суждения” [Feinberg, Wehling 2018: 1]. Как это следует из доказательств, которые приводят Т. Купер и Дж. Томас, наши моральные убеждения неосознанны и непосредственны (этот факт также был проверен эмпирически): мы, как правило, не можем сознательно определить, почему мы приходим к одному моральному суждению или другому [Cooper, Thomas 2019: 42–43]. Можно заключить, что, пребывая в модальности постправды, человек при принятии политических решений больше руководствуется личными убеждениями, которые часто базируются на воспринимаемых на уровне подсознания идеалах и моральных ценностях.

Во время господства традиционных СМИ человек перекладывал свою долю ответственности за принятие решений на тех экспертов, суждения которых фигурировали на первых полосах газет или находились в тренде телевизионного вещания. В эпоху постправды человек, уходя от мифов, навязываемых ему контролируруемыми элитами источниками информации, в богатую интерпретациями виртуальную среду, теряет доверие к власти, которая была посредником

между ним и реальностью. Это нарушает политическую структуру общества, построенного на рационалистических принципах модерна. Но из-за падения институционального доверия в эпоху популизма это же парадоксальным образом возвращает в политическую сферу гуманистический антропоцентризм, ибо “индивид снова становится центральным в концепции” [ibid.: 86].

Эпоха постправды возвращает человеку свободу выбора. А поскольку выбор источника информации и моральный выбор тесно коррелируют между собой, можно утверждать, что таким образом постправда возвращает нас к извечным философским вопросам свободы и ответственности. Это заставляет вновь обратиться к категорическому императиву И. Канта. Можно сказать, что в модальности постправды Кант побеждает Макиавелли.

Очевидно, что в ней поднимается роль и значение не *homo sapiens* как биологического вида, требующего усовершенствования в процессе трансгуманизма, а *homo spiritus* как духовной субстанции, который в конце концов принимает на себя всю полноту моральной ответственности. Поэтому, когда о среде постправды говорят как о модальности, в которой теряются смыслы, очевидно, следует уточнить, что в ней утрачиваются прежде всего смыслы общества массового потребления, которые навязывались через медийный мейнстрим.

Выбирая в виртуальном пространстве источники и производя собственную информацию, человек проявляет себя как личность. Это и определяет содержание и формы новой постполитики, а сетевое действие является выражением “персонализированной политики”, которая снижает барьеры идентификации с причиной и подтверждает личные эмоции [Bennett 2012: 22-23]. Для понимания направления политики в эпоху постправды важно не только обратить внимание на те выводы когнитивных исследований, которые демонстрируют, что эмоции стали элементом процессов принятия политических решений [Lodge, Taber 2013], но и интегрировать их с теми, которые доказывают, что мораль становится основным фактором [Haidt 2013].

Фальшивые новости существовали в течение длительного времени, но фейки ассоциируются именно со средой постправды, технологической платформой которой служат онлайн-сети. Насколько это оправданно? И как влияют фейки на принятие политических решений?

Действительно, различные веб-платформы способствуют распространению большого объема информации среди огромного числа людей. В угрожающе быстром темпе в этой среде разрастаются и фейковые новости, что обусловлено как технологическими, так и психологическими причинами. Во-первых, цифровые технологии позволяют легко подделать не только текстовый документ, но также аудио- и видеоряд, после чего растиражировать подделку во Всемирной сети через ботофермы. Во-вторых, поддельные новости распространяются быстрее и дальше, чем фактические новости [Vosoughi, Roy, Aral 2018]. Это объясняется особенностями эмоционального восприятия новостей. Можно считать доказанным, что эмоции, как позитивные так и в большей степени негативные, способствуют распространению фейковых новостей через онлайн-платформы [Berger, Milkman 2012; Sawaoka, Monin 2018]. Но еще не до конца понятно, как влияют фейки на убеждения и поведение людей.

Что касается убеждений, то именно они оказывают определяющее влияние на восприятие достоверности информации, а не наоборот [Guadagno, Guttieri 2019: 176, 178]. Некоторые ученые даже утверждают, что обнаружили

эффект обратной реакции (*backfire effect*), который показывал, что попытки исправления убеждений людей на самом деле сделали их более устойчивыми [Nyhan, Reifler 2010], хотя его величина и оспаривается учеными [Wood, Porter 2019]. Также доказано, что дезинформация оказывает ограниченное влияние на политические суждения [Allcott, Gentzkow 2017].

Ряд эмпирических работ показывает, что в перенасыщенной информационной среде пользователи, в отличие от болезней, могут быть избирательными в том, что они разделяют, а что нет... Онлайн-аудитории все чаще выбирают свои “красные линии”, отказываясь от лишних друзей или блокируя неприемлемые взгляды [Cooper, Thomas 2019: 110, 154]. Можно сделать вывод, что степень поражения вирусом фейковых новостей зависит от того информационного иммунитета, который сформирован личным кредо.

Что же касается особого проявления эмоций в модальности постправды, то этот факт часто объясняют тем, что виртуальная реальность снимает многие ограничения в поведении, которые вырабатываются в процессе социализации и диктуются разумом. Действительно, как подтверждают исследования, по сравнению с более традиционными формами общения социальные нормы и стандарты могут быть менее заметными в среде общающихся в интернете [Guadagno et al. 2013: 52].

Однако не следует давать этому явлению однозначно негативную оценку, трактуя господствующую в интернете вседозволенность как питательную среду исключительно для девиантных проявлений. В научных публикациях указываются две основные категории поведения — токсическое и доброкачественное растормаживание. *Токсичная расторможенность*, на которой акцентируют внимание многие критики виртуальной составляющей модальности постправды, определяет поведение в сети, которое включает в себя антагонистический язык и угрозы, а также посещение сайтов, содержащих порнографию, преступность и насилие. *Доброкачественная расторможенность* формирует поведение, при котором люди могут больше раскрыть себя в интернете, чем в реальной жизни, изо всех сил стараясь помочь кому-то или проявить доброту [Suler 2004: 321].

Для понимания противоречивой природы иррациональной модальности постправды очень важно обратить внимание на вывод психологов о том, что людям, которые находятся в одной моральной матрице, очень трудно понять, что важно для тех, кто находится в другой [Haidt 2013: 186]. Поэтому люди с доброкачественной расторможенностью в онлайн-сетях объединяются в одни группы, а с токсической — в другие. В социальных сетях культурные различия стандартизованы внутри определенной группы, что усиливает кластеризацию в общенациональном сетевом поле. А интернет только ускоряет этот процесс и расширяет его локацию. Социальная самоидентификация имеет высокий эффект в интернете, потому что, отождествляя себя со стандартами своей группы, люди обращаются к другим для подтверждения своих действий [Guadagno et al. 2013: 54]. Однако распространенное предубеждение, касающееся того, что приоритетность эмоций как ориентиров социального поведения ведет к формированию исключительно изолированных групп малообразованных маргиналов, которые и определяют повестку дня в коммуникационном поле онлайн-сетей, не выдержало экспериментальной проверки. Исследования, наоборот, показали, что те, кто имеет более высокий

уровень научных знаний и опыта, склонны создавать изолированные группы, которые соответствуют их политическим и культурным убеждениям [Golman et al. 2016]. В целом это приводит к поляризации, которую можно считать особенностью коммуникационного поля постправды. Она отличает его от гомогенного поля унифицированной правды традиционных СМИ, которое структурирует общество вокруг единого информационного мейнстрима. Такое отличие обуславливает и специфику политики, которая приобретает мозаичный таргетированный характер.

В то же время, опираясь на аргументы Р. Бёрта [Burt 2017], мы можем констатировать, что для организации широкого политического взаимодействия открытые социальные сети более эффективны. Во взаимоприемлемых ценностных рамках они предоставляют определенный выбор взаимодополняющих различий, и это может снизить уровень конфликтности в обществе. Коммуникационные мосты между группами в онлайн-сетях выступают социальными конструктами, в которых *fides facit fidem*². Кроме того, чем более открыта или пориста сеть, тем сильнее самоцензура и тем меньше вероятность того, что в ней будут высказываться экстремистские взгляды [Cooper, Thomas 2019: 148]. Поэтому, определяя особенности политики в сетевом обществе, наряду с персонализацией следует учитывать социализацию интернета, сопровождаемую диффузией аксиологических систем в виртуальном и реальном пространствах [Тихонова 2016].

Антропоцентризм модальности постправды детерминирует необходимость нового подхода к учету в политике присущих человеческой природе дуальностей. Первая из них сочетает рациональность и духовность, а вторая — индивидуализм и коллективизм, а обе эти дуальности особым образом проявляют себя в процессе онлайн-взаимодействия.

КОММУНИКАЦИОННАЯ ВЛАСТЬ В СЕТЕВОЙ ИГРЕ

В эпоху постправды аксиологические параметры предопределяют характер социального взаимодействия в гораздо большей степени, чем рационалистические. Именно ценности и связанные с ними убеждения и переживания доминируют в построении сетей политической коммуникации. При этом закономерность функционирования и развития онлайн-взаимодействия как фактора политики постправды заключается в наличии двух тенденций: с одной стороны, это стремление сети к децентрализации и открытости, с другой — к централизации и закрытости. Эта новая реальность ставит перед политическими акторами задачу поиска эффективных методов коммуникации.

В реальной жизни онлайн-сети как основанные на общих ценностях и доверии конструкт социального взаимодействия представляют собой сложные композиции в виде разветвленных мультисетей. В них все принадлежит к нескольким социальным сетям одновременно, а взаимодействие устанавливается не только между участниками сети, но и между сетями. Сетевые игры, которые описывал М. Джексон [Jackson 2010], ведутся уже не только на индивидуальном уровне отдельными игроками, а командами (группами в онлайн-сетях). Кроме того, эти сети образуются как транспарентные коммуникационные платформы, в которых переплетаются информационные потоки, поступающие по различным онлайн-каналам — через электронную почту,

² Доверие порождает доверие (лат.)

мессенджеры, чаты, блоги, социальные медиа, разнообразные интернет-ресурсы и комментарии к ним, а также по каналам традиционных СМИ. Мультимодальность коммуникации в онлайн-сетях увеличивает их социально-конструктивистский потенциал, потому что она позволяет совместить преимущества закрытых и открытых сетей. Эффективность реальной социальной сети (а это обязательно будет мультисеть) определяется наличием сплоченного ядра (родственники и друзья, которые регулярно общаются лично и через мессенджеры), развитой полупериферии (знакомые, а также “друзья”, подписчики, группы в социальных медиа *Facebook*, *Instagram*, “ВКонтакте” и приложениях *Telergam* и др.) и широкой периферии “слабых” связей (“друзья друзей”, комментаторы и т.п.). При этом конфигурация коммуникационного пространства и функциональные характеристики сетей зависят от уровня доверия и силы коммуникационных связей между участниками.

Интернет позволяет коммуникационному ядру популяризировать свои ценности, привлекая новых единомышленников/поклонников через полупериферию, что ускоряет в геометрической прогрессии расширение периферии социальной сети. Для политического лидера эффективность сети зависит не только от количества участников, но и от качественных характеристик ее коммуникационного поля. Чем больше общих ценностей разделяют социальные акторы, тем сильнее коммуникационные связи между ними. Производная от количества и силы коммуникационных связей определяет уровень ценностного притяжения узла социальной сети.

Такие узлы представляют собой хабы социальной сети, связанные со сравнительно большим количеством других узлов и образуют более сильные коммуникационные связи. В результате их социальный капитал умножается, потому что их коммуникационное поле не только расширяется, но и приобретает большую мощность. Процесс коммуникации в данном случае подразумевает не только общность ценностных установок и близость взглядов, но и эмоциональный контакт, психологическую совместимость и сопереживание, т.е. понимается как комплексное духовное образование. Неслучайно субъекты, которые представляются нам узлами социальной сети, на бытовом уровне называются “душой компании”. А поскольку сетевое коммуникационное пространство неоднородно, именно они пользуются в нем наибольшим влиянием. Так в сетевом обществе рождается свой тип власти — коммуникационная власть.

Коммуникационная власть определяется такими показателями, как аттрактивность и соучастие. Аттрактивность указывает, насколько социальный актор выглядит способным артикулировать актуальные общественные ценности, привлекая к себе внимание и вызывая симпатию максимального числа граждан. От этого зависит эффективность первого этапа игры — формирование сети. А на втором этапе — “игре на сети” — важным фактором выступает соучастие. Сила влияния узла может быть вычислена через соотношение его аттрактивности, показателем которой можно считать количество контактов (подписчиков, фоловеров), и уровня соучастия, определяемого количеством выражений взаимной позитивной активности (лайки, положительные комментарии, репосты). Однако важно также принимать во внимание не только непосредственные контакты в зоне коммуникационного ядра, но и расходящиеся от них волны в зоне полупериферии и неоднократно опосредованные сигналы в зоне дальней периферии, которые практически невозможно просчитать.

В политике постправды, которая реализуется через социальные медиа, доверие к образу более весомо, чем доверие к компетентности, потому что в образе каждый последователь воплощает те черты, которые соответствуют его собственным установкам и ценностям. В свою очередь соучастие не означает, что политическое движение обязательно должно задекларировать конкретную цель, так как массовость обеспечивается тем, что каждый участник представляет ее в соответствии со своим идеалом. Актор, способный агрегировать и артикулировать ментально присущие данному этосу доминантные ценности так, чтобы они воспринимались публикой не столько в виде интеллектуальных доводов, сколько душой, и становится аттрактивным узлом социальной мультисети. А затем эта мультисеть превращается в инструмент вовлечения граждан в различные эмоционально окрашенные формы онлайн- и офлайн-активности. Такое соучастие во многом предопределяет и их поведение, в том числе голосование на выборах. В результате разрозненные индивидуальные аксиологические установки через онлайн-сети объединяются в некое коллективное политическое действие.

Этот процесс хорошо иллюстрирует украинский кейс. Политический проект “Слуга народа” следует рассматривать как уникальный пример сетевой игры. Избрание не только “несистемного”, а вообще неполитического кандидата — Владимира Зеленского — было кардинально инновационным, эмоциональным по форме и ценностным по существу выбором народа, выбором “по душе”, а не по расчету. Это более яркий пример использования инструментов новой политики в эпоху постправды, чем избрание Трампа и Брекзита. Неслучайно его окрестили электоральной революцией, явно противопоставляя протестным “революциям майдана”.

Удачное сочетание базовых положений сетевой теории и механизмов управления доверием обусловили фантастическую победу на выборах 2019 г. сначала Зеленского, а затем и его партии “Слуга народа”. Анализ содержательной стороны этой политической новации особенно наглядно подтверждает, что, хотя политика постправды не имеет идеологии и социального проекта, однако в условиях утраты доверия к истеблишменту она наносит поражение идеологиям (в украинском кейсе — национализму). При этом изначально было заявлено, что в новой политической системе взаимодействие будет организовано не по иерархическому, а по сетевому принципу. Такую систему власти логично было бы назвать коммунократией.

В каждой политической системе, как это подчеркивал еще Платон, то, что провозглашается как высшее благо, несет в себе и угрозу гибели. Это подтверждает и пример Украины. Отсутствие идеологии и социального проекта привело к отсутствию практической программы действий. Отсутствие партийной структуры привело к отсутствию надежной исполнительной бюрократии. Декларативность стратегии — к отсутствию реальной международной поддержки. Отсутствие сформулированной идентичности — к размыванию поля политической коммуникации. А демассификация политики только обострила угрозу дезинтеграции. Свои риски несет и ее персонализация. Не исключено, что в условиях комплексного кризиса гуманистическая “дорога из желтого кирпича” [Харари 2019: 277] приведет В. Зеленского (или другого украинского руководителя) в объятия авторитаризма и в будущем мы станем свидетелями трансформации коммунократии в новую диктатуру, где цифровые технологии будут играть роль инструментов тотальной слежки и таргети-

рованного влияния. И это станет примером того, как постполитика совершает свой кругооборот в сетевом онлайн-пространстве постправды.

Можно заключить, что, постправда — это коммуникационное поле сетевого общества, где одновременно действует множество информационных влияний. Перцепция постправды — это естественный процесс пострационализма, обусловленный тем, что в эпоху интернета объем информации и ее скорость превышают возможности человеческого мозга. Пребывая в модальности постправды, человек при принятии политических решений все больше руководствуется личными внутренними убеждениями, которые часто базируются на воспринимаемых на уровне подсознания идеалах и моральных ценностях. Это нарушает политическую структуру общества, построенного на рационалистических принципах модерна. Но это же парадоксальным образом возвращает в политическую сферу настоящий гуманистический антропоцентризм. Обретая большую степень свободы в информационном пространстве и становясь субъектом коммуникационного процесса, индивид берет на себя и большую степень ответственности за принятие политических решений. Отличительной особенностью постправды является характер политической коммуникации, который предопределяется в большей степени соотношением сетевых взаимодействий и моральных установок, чем иерархией политических институтов и формируемыми ими с помощью традиционных СМИ нарративами. Политика постправды базируется на закономерностях функционирования и развития онлайн-сетей. Участники сетей с наибольшим количеством и силой коммуникационных связей, которые определяются соответственно аттрактивностью и соучастием, получают ресурс, определяемый как коммуникационная власть. В результате двухэтапной сетевой игры эти социальные акторы получают возможность конвертировать коммуникационную власть в политическую. Однако характерные для постполитики демассификация и персонализация несут в себе и соответствующие угрозы: с одной стороны, дезинтеграции, с другой стороны — нового проявления авторитаризма — цифровой диктатуры.

73

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.05)

POST-POLITICS IN THE NETS OF POST-TRUTH

A.G. Kostyrev¹

¹ T.G. Shevchenko 'Chernihiv Collegium' National University. Chernihiv, Ukraine

KOSTYREV, Andrey Gennadievich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor at the Law, Philosophy, and Political Science Department, T.G. Shevchenko 'Chernihiv Collegium' National University, email: akostyrev18@gmail.com

Kostyrev A.G. Post-politics in the Nets of Post-truth. — Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 64–75. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.05>

Received: 25.04.2020. Accepted: 17.11.2020

Abstract. In the context of a new communication reality, the features that distinguish political processes can be called 'post-truth'. The author considers post-truth as an environment of multiple information influences, which is a product of the Internet and, especially, social networking. Post-political communication differs from propaganda in such properties as demassification and individualization, differentiation, and the variability of information flows; it cannot be guided by mainstream mass media arguments that are manipulated by governments and corporations. An analysis of empirical research data suggests that post-truth perception is a natural process of post-rationalism, due to the fact that in the era of the Internet, the

volume of information and its speed exceeds the capabilities of the human brain. In a situation of stress caused by information overabundance, people rely on their emotions related to their core beliefs. Under these conditions, personal moral values have become an influential force in the selection of sources, as well as in the interactive processes of reacting to and producing information. Having gained a greater degree of freedom in the information space and becoming the subject of the communication process, an individual assumes the greater degree of responsibility for political decision making. Moral values, which are interpreted and experienced by subjects in different ways, become the basis of communication and subsequent social structuring in a network society. The author concludes that the modality of post-truth reflects multiple deep individual value attitudes. Post-politics is distinguished by its anthropocentricity and orientation toward a personal axiological code. In a multimodal communication space, it is implemented as a network game. In a network society, post-truth policy is based on the patterns of online networks' functioning and development. In the multimodal communication field, post-politics is carried out as a network game. Through this game, the social actors with the most attractiveness and the highest level of co-participation get the opportunity to convert their communication influence into political power.

Keywords: Internet, communication, moral values, political beliefs, fake news, social structuring, network game.

References

- Allcott H., Gentzkow M. 2017. Social Media and Fake News in the 2016 Election. — *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 2. P. 211-236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
- Bartlett J. 2018. *The People Vs Tech: How the Internet Is Killing Democracy (and How We Save It)*. London: Ebury Publ.
- Bennett W.L. 2012. The Personalization of Politics Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. — *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 644. No. 1. P. 20-39. <https://doi.org/10.1177/0002716212451428>
- Bennett W.L., Livingston S. 2018. The Disinformation Order: Disruptive Communication and the Decline of Democratic Institutions. — *European Journal of Communication*. Vol. 33. No. 2. P. 122-139. <https://doi.org/10.1177/0267323118760317>
- Berger J., Milkman K.L. 2012. What Makes Online Content Viral? — *Journal of Marketing Research*. Vol. 49. No. 2. P. 192-205. <https://doi.org/10.1509/jmr.10.0353>
- Blumler J.G. 2015. Core Theories of Political Communication: Foundational and Freshly Minted. — *Communication Theory*. Vol. 25. No. 4. P. 426-438. <https://doi.org/10.1111/comt.12077>
- Burt R.S. 2017. Structural Holes versus Network Closure as Social Capital. — *Social Capital Theory and Reserch*. Ed. by R. Dubos. New York: Routledge. P. 30-56. <https://doi.org/10.4324/9781315129457>
- Cooper T., Thomas J. 2019. *Nature or Nurture: A Crisis of Trust and Reason in the Digital Age*. London: Albany Associates.
- Crouch C. 2004. *Post-Democracy*. Cambridge, UK: Polity.
- Feinberg M., Wehling E. 2018. A Moral House Divided: How Idealized Family Models Impact Political Cognition. — *PLOS ONE*. Vol. 13. No. 4. e0193347. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0193347>
- Freelon D., Wells Ch. 2020. Disinformation as Political Communication. — *Political Communication*. Vol. 37. No. 2: Beyond Fake News: The Politics of Disinformation. P. 145-156. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1723755>
- Golman R., Loewenstein G., Moene K.O., Zarri L. 2016. The Preference for Belief Consonance. — *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 30. No. 3. P. 165-188. <https://www.doi.org/10.1257/jep.30.3.165>
- Guadagno E.R., Guttieri K. 2019. Fake News and Information Warfare: An Examination of the Political and Psychological Processes From the Digital Sphere to the Real World. — *Handbook of Research on Deception, Fake News, and Misinformation*. Online IGI Global, P. 167-191.
- Guadagno E.R., Muscanell L.N., Rice M.L., Roberts N. 2013. Social Influence Online: The Impact of Social Validation and Likability on Compliance. — *Psychology of Popular Media Culture*. Vol. 2. No. 1. P. 51-60. <https://doi.org/10.1037/a0030592>
- Haidt J. 2013. *The Righteous Mind: Why Good People are Divided by Politics and Religion*. London: Vintage.
- Jackson M. 2010. *Social and Economic Networks*. Princeton University Press. 520 p.
- Jutel O. 2019. Post-Politics. — *Routledge Handbook of Psychoanalytic Political Theory*. Ed. by Y. Stavrakakis. New York: Routledge. P. 430-444. <https://doi.org/10.4324/9781315524771>
- Kaun A., Kyriakidou M., Uldam J. 2016. Political Agency at the Digital Crossroads? — *Media and Communication*. Vol. 4. No. 4. P. 1-7. <http://dx.doi.org/10.17645/mac.v4i4.690>

- Lakoff G., Wehling E. 2016. *Your Brain's Politics: How the Science of Mind Explains the Political Divide*. London: Societas Publ.
- Lodge M., Taber C.S. 2013. *The Rationalizing Voter*. Cambridge University Press.
- Mounk Y. 2018. *The People vs. Democracy: Why Our Freedom Is in Danger and How to Save It*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Nyhan B., Reifler J. 2010. When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions. — *Political Behaviour*. No. 32. P. 303–330. <https://doi.org/10.1007/s11109-010-9112-2>
- Sawaoka T., Monin B. 2018. The Paradox of Viral Outrage. — *Psychological Science*. Vol. 29, No. 10. P. 1665–1678. <https://doi.org/10.1177/0956797618780658>
- Sharp G. 2012. *From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation*. Melbourne: Custom Book Centre.
- Suler J. 2004. The Online Disinhibition Effect. — *Cyberpsychology & Behavior*. Vol. 7, No. 3. P. 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Sunstein C.R. 2009. *Republic.com 2.0*. Princeton: Princeton University Press.
- Vosoughi S., Roy D., Aral S. 2018. The Spread of True and False News Online. — *Science*. Vol. 359, No. 6380. P. 1146–1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
- Wood T., Porter E. 2019. The Elusive Backfire Effect: Mass Attitudes' Steadfast Factual Adherence. — *Political Behaviour*. Vol. 41. P. 135–163. <https://doi.org/10.1007/s11109-018-9443-y>
- Arendt H. 2014. *Between Past and Future. The Eight Exercises in Political Thought*. (Russ. ed.: Arendt H. *Mezhdú proshlyim i buduschim. Vosem uprazhneniy v politicheskoy mysli*. Moscow: Institut Gaydara).
- Chugrov S.V. 2017. Post-truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy? — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 42–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>
- Harari Y.N. 2019. *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*. (Russ. ed.: Harari Y. N. *Homo Deus. Kratkaya istoriya buduschego*. Moscow: Sindbad Publishers).
- Politika postpravdy v sovremennom mire* [Post-Truth Politics in the Modern World]. 2017. Ed. by O.V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print.
- Tikhonova S.V. 2016. Social Networks: Problems of Internet Socialization. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 138–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11>

Литература на русском языке

- Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Политика постправды в современном мире*. 2017. Под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт.
- Тихонова С.В. 2016. Социальные сети: проблемы социализации интернета. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 138–152. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11>
- Харари Ю.Н. 2019. *Ното Deus. Краткая история будущего*. М.: Синдбад.
- Чугров С.В. 2017. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.06)

“КРИЗИС ПРИЗВАНИЯ” В ГОСУДАРСТВЕННОМ ДЕПАРТАМЕНТЕ: ПРОБЛЕМЫ КОНВЕРТАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА США ВО ВЛИЯНИЕ

А.А. Сушенцов, В.В. Павлов

СУШЕНЦОВ Андрей Андреевич, кандидат политических наук, директор ИМИ, МГИМО МИД России, Москва, email: a.sushentsov@inno.mgimo.ru; **ПАВЛОВ Владимир Владимирович**, кандидат политических наук, эксперт отдела академического развития, научный редактор ИМИ, МГИМО МИД России, Москва, email: pavlov_v@mgimo.ru

Сушенцов А.А., Павлов В.В. “Кризис призвания” в Государственном департаменте: проблемы конвертации внешнеполитического потенциала США во влияние. — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 76–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.06>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31066.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2020. Принята к публикации: 12.01.2021

76

Аннотация. Несмотря на высокий совокупный уровень американской мощи, большой потенциал мягкой силы и значительные объемы финансирования, выделяемые на дипломатию и ее кадровую укомплектованность, целый ряд событий последних лет свидетельствует о проблеме конвертации внешнеполитического потенциала Соединенных Штатов в реальное влияние. Анализ эволюции приоритетов и рабочих процессов Государственного департамента США с окончания холодной войны свидетельствует о том, что президентские администрации неоднократно подходили к решению этой проблемы с различными проектами реформы. Однако ни один из них не позволил разрешить основополагающую проблему внешнеполитического ведомства. Госсекретари заступали на работу в министерство с новой, зачастую глубоко идеалистической нормативной программой, стремясь “перезагрузить” свое ведомство на новый лад. Рассматривая практику функционирования Государственного департамента в администрациях Дж. Буша — ст., Б. Клинтона, Дж. Буша — мл., Б. Обамы и Д. Трампа, авторы приходят к выводу о том, что американский внешнеполитический процесс страдает от набора хронических проблем, которые не удастся разрешить, а в отдельных случаях даже правильно определить действующим лицам внешней политики США. В их числе (1) использование внешней политики в качестве инструмента реализации внутриполитических целей, (2) избыточный нормативный акцент во внешнеполитическом целеполагании и (3) утрата американским внешнеполитическим сообществом культуры воспитания квалификационных навыков для дипломатов. Авторы констатируют, что указанные проблемы конвертации внешнеполитического потенциала США во влияние трудно устранимы, однако США устраивает такое положение дел, пока сохраняется значительный дисбаланс в финансировании внешней политики между ними и основными международными соперниками.

Ключевые слова: внешняя политика США, Государственный департамент, государственный секретарь, Белый дом, внешнеполитический процесс.

Украинский кризис дал импульс очередному витку дискуссии в американском экспертном сообществе о низкой эффективности внешней политики США, на фоне которой российская политика частью экспертов воспринималась как об-

разцово эффективная¹. Учитывая потенциал США в вопросах военной мощи, территориального присутствия внешнеполитического ведомства, экономики и мягкой силы, эти выводы вызывают недоумение. Помимо присущих американскому дискурсу всплесков паники, реалистическим основанием для таких оценок стали ситуации, в которых США оказывались неспособны конвертировать свой большой внешнеполитический потенциал в реальное влияние, как это было в ходе событий “арабской весны” в Египте, кризисов 2010-х годов вокруг Ливии, Сирии, Украины, КНДР, Ирана, Венесуэлы, Нагорного Карабаха или в отношениях с Турцией. В названных случаях Государственный департамент и Агентство по международному развитию — одни из самых многочисленных и богатых внешнеполитических ведомств на планете — оказывались ограниченно эффективными или вовсе “умывали руки”.

Настоящее исследование обращается к вопросу о фундаментальных проблемах конвертации внешнеполитического потенциала во влияние. Мы полагаем, что в случае с США проблемы сосредоточены вокруг трех ключевых особенностей американского внешнеполитического процесса.

Во-первых, после холодной войны внешняя политика США в гипертрофированной степени стала инструментом реализации внутриполитических целей. Географическая защищенность территории США и тяготение мировой экономики к американскому центру экономической мощи длительное время позволяли американским элитам не делать поправку на состояние внешней среды в своих внутренних делах. В интересах внутренней политики требовался быстрый внешнеполитический результат, который можно предъявить к очередным выборам. Такой подход исключал ведение сложных и кропотливых переговоров с неуступчивым партнером, делая санкции и игнорирование легким выходом. Политическая борьба в администрации привела к дезорганизации внешнеполитического процесса, на фоне которого значительный военный потенциал США повлек милитаризацию внешней политики.

Во-вторых, в американской внешней политике после холодной войны оказался нарушен баланс между реализмом и идеализмом в пользу последнего — избыточный нормативный акцент отмечался даже в повседневном внешнеполитическом планировании. Эпистемическое сообщество американских реалистов оказалось в меньшинстве в Государственном департаменте; его голос с трудом слышен даже в открытой внешнеполитической дискуссии. Такая ситуация приводила к эксцессам выдвижения США мнимых внешнеполитических целей, на достижение которых уходило непропорционально большое количество ресурсов.

В-третьих, в последние десятилетия внешнеполитическое сообщество США стало утрачивать культуру воспитания квалификационных навыков, необходимых для дипломатов. В результате смены приоритетов финансирования оказались недостаточно развиты регионоведческие и языковые компетенции сотрудников, тогда как акцент был сделан на развитие навыков проектной деятельности и нетипичных для дипломатии вопросах связей с общественностью. Процесс перманентной реформы ведомства сопровождался массовым выдвиганием “политических назначенцев” на должности послов в ущерб

¹ Dempsey J. Syria, Ukraine, and the Failure of Western Diplomacy. — *Carnegie Europe*. 08.12.2016. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/66386> (accessed 20.11.2020); Lynch C. U.S. Diplomatic Efforts Failing to Resolve Crisis in Ukraine. — *Foreign Policy*. 01.03.2014. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/03/01/u-s-diplomatic-efforts-failing-to-resolve-crisis-in-ukraine/> (accessed 20.11.2020); Mearsheimer J.J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. — *Foreign Affairs*. 18.08.2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed 20.11.2020).

карьерным дипломатам. Среди сотрудников Госдепартамента стало модным публично проявлять политическую позицию, например, в виде демаршей несогласия с внешнеполитической линией или даже ее намеренным саботажем. Как следствие, стало прослеживаться снижение способности внешнеполитического ведомства США добиваться результата путем переговоров и, в целом, согласованно функционировать, достигая значимых национальных целей.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Задача оценки эффективности внешней политики сложна в силу закрытости процесса выработки внешнеполитического курса, отсутствия ясности в формировании мотивов и интересов конкретных действующих лиц, а также неоднозначности самих критериев успешности. Большинство исследований по этой теме фокусируется на процессе формирования внешнеполитического курса, а не на оценке достигнутых результатов.

В плоскости оценки эффективности внешней политики основной массив работ составляют статьи по материалам отдельных международных ситуаций или конкретных инструментов реализации внешней политики (например, военная сила эффективна для достижения внешнеполитических целей [Art 1996], а санкции — нет [Preeg 1999]; в большинстве таких ситуаций речь идет об отказе от дипломатии в пользу силового инструментария для достижения конкретных краткосрочных целей, нередко — в нарушение международного права). Распространены и технические подходы к анализу успешности внешней политики, которые ориентированы на факт достижения или провала изначально поставленных целей. При этом степень и цена их достижения не всегда принимаются в расчет при проведении анализа [Pape 1997].

Нормативный подход составляет отдельное направление оценки эффективности внешней политики. Эффективной такая политика будет считаться в случае достижения нормативных целей — поддержания добродетели, наказания нарушителя, реализации идеала и т.п. Причем будут оцениваться не только эпизоды действия, но и ситуации бездействия, а также методы достижения поставленных целей. По словам американского исследователя Кеннета Томпсона, при оценке последствий политических действий исследователь неизбежно делает оценочные суждения “морального толка”, независимо от того, осознает он это или нет; это в особенности верно для разрешения ситуаций войны и мира [Thompson 1967: 278].

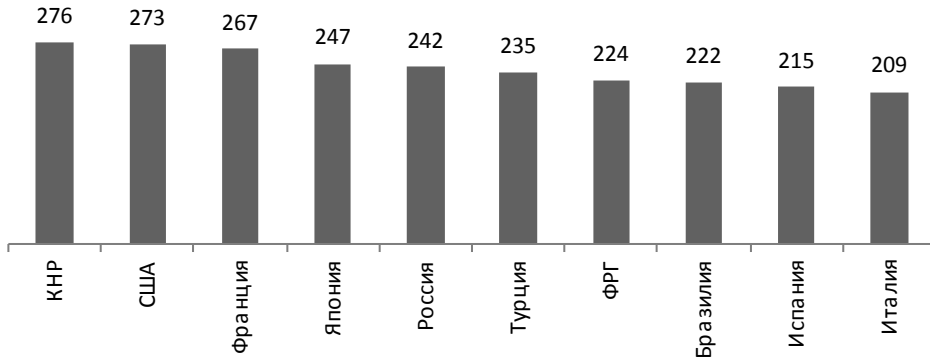
Комплексно вопрос эффективности внешней политики может рассматриваться через призму реализации внешнеполитической стратегии. В такой постановке вопроса акцент делается на практическую логику, которая позволяет оценить соответствие выдвинутой цели национальным интересам и ее достижимость с точки зрения использования доступных ресурсов [Хрусталева 2008; Deibel 2007]. Такой подход к рассмотрению вопроса можно отнести к прагматичному пулу теорий. В русле этого подхода и будет развиваться наш дальнейший анализ.

ИСТОКИ КРИЗИСА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В США

Десять стран мира имеют крупнейшую сеть зарубежных представительств, каждая из которых представлена более чем 200 посольствами, консульствами, постоянными миссиями и другими учреждениями. При этом США занимают вторую строчку по числу дипломатических учреждений с отставанием лишь на три позиции от лидера — КНР (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Количество дипломатических представительств ведущих стран за рубежом в 2019 году²
Number of Diplomatic Missions of Leading States Abroad, 2019

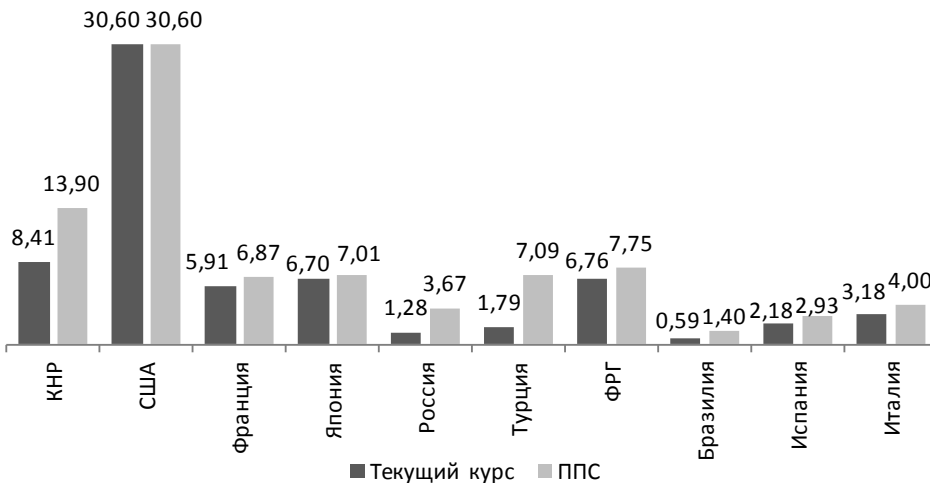

Источник: Lowy Institute. Global Diplomacy Index. 2019 Country Ranking. URL: https://globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org/country_rank.html (accessed 20.11.2020).

Однако если обратиться к показателям государственного бюджета, выделяемого на внешнеполитические ведомства, между странами наблюдается значительный разрыв (см. рис. 2).

Рисунок 2 (Figure 2)

Бюджет внешнеполитических ведомств стран с наибольшим числом дипломатических представительств (млрд долл.)³
Ministries of Foreign Affairs Budgets for States with Largest Diplomatic Networks (USD bn)

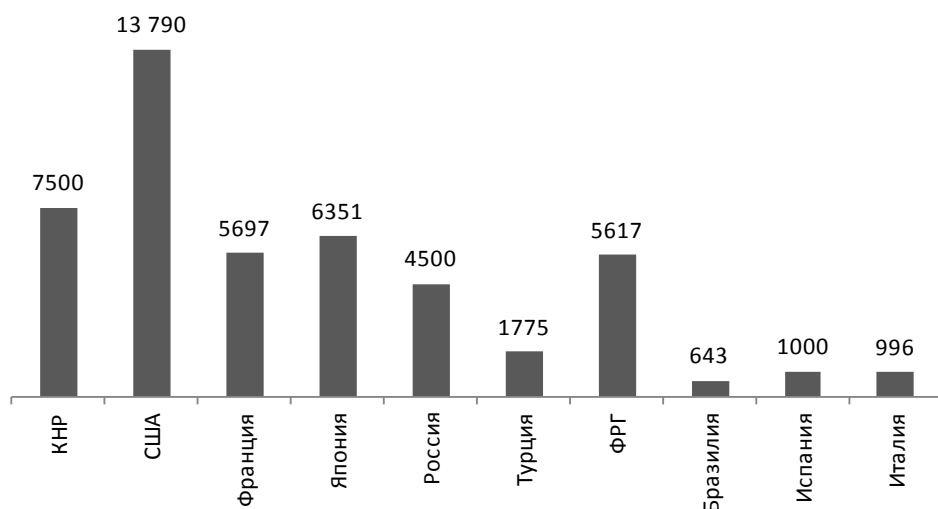
² В данной статье представлена статистика для десяти стран, имеющих наибольшее число дипломатических миссий за рубежом.

³ Диаграмма подготовлена авторами на основе официальных источников; данные бюджета по ППС приведены на базе последних доступных расчетов Группы Всемирного банка.

Бюджет Госдепартамента как в абсолютном выражении, так и по паритету покупательной способности валют в несколько раз превышает соответствующие показатели КНР и Франции, которые поддерживают сопоставимую по масштабам дипломатическую сеть. При сходных параметрах дипломатической сети Россия и Бразилия оперируюткратно меньшими бюджетами. Эта диспропорция становится еще более очевидной при взгляде на количество дипломатических служащих (см. рис. 3). Здесь США удерживают уверенные лидерские позиции с показателем примерно в 13,8 тыс. человек (без учета сотрудников — граждан страны пребывания).

Рисунок 3 (Figure 3)

Число дипломатических служащих в странах
с наибольшим количеством дипломатических представительств⁴
Number of Diplomatic Officials for States with Largest Diplomatic Networks

При очевидном отрыве первенства Госдепартамента от конкурентов с точки зрения финансирования и обеспеченности кадрами, у Соединенных Штатов отчетливее проявляется проблема конвертации внешнеполитического потенциала в фактическое влияние.

Основной причиной этого стал *гипертрофированно инструментальный характер внешней политики по отношению ко внутренней*. Географическая защищенность территории США вызвала к жизни ощущение имманентной безопасности, на которую не могут покуситься оппоненты: за исключением атаки на Перл-Харбор, территория США на протяжении всего XX в. до терактов 11 сентября 2001 г. не становилась объектом нападения внешних игроков. Это стимулировало нежелание сковывать свободу своих действий компромиссами и обязывающими договоренностями. В результате уверенного, но позднего вступления в круг великих держав Соединенные Штаты не получили классического европейского опыта конфликтов и сотрудничества, плодом которого является рассудительность в международных делах. В свою очередь, длительное доминирование в западном сообществе и опыт

⁴ Диаграмма подготовлена авторами на базе официальных источников и экспертных оценок.

односторонних решений после окончания холодной войны привил США стойкую неприязнь к равенству и неверие в международные институты. США традиционно делают основную ставку на стратегию союзничества, избегая излишних обязательств в рамках постоянных альянсов в духе заветов первого президента США Дж. Вашингтона⁵. Таким образом, несмотря на ряд значимых достижений, полученных путем качественной дипломатической работы, политические элиты Соединенных Штатов не смогли преодолеть свое скептическое отношение к международной дипломатии (см., например, [Hook 2019; Fettweis 2018 и др.]). В американском обществе дипломатия традиционно воспринимается с недоверием в силу своего закрытого характера и даже как сфера, не требующая каких-либо особых профессиональных компетенций⁶.

Американский историк Уолтер Рассел Мид выделяет четыре основные философии, которые, по его мнению, исторически неотделимы от формирования внешней политики США: рыночное реалистское гамильтонианство, моралистское вильсонианство, пацифистское джефферсонианство и популистское джексоанианство⁷. По мнению Мида, именно последнее направление будет особенно значимо для американской внешней политики в XXI в. Джексоанианство, сформировавшееся как философия глубинки и фронта ("folk community"), основано на моральном кодексе, главное место в котором занимают честь, опора на собственные силы, равенство, индивидуализм, мужество (понимаемое как неприкосновенность Второй поправки к Конституции, гарантирующей право на ношение оружия), военная обязанность как священный долг и право на защиту и месть за "непозволительные преступления" (убийство, сексуальное насилие, растление малолетних и т.п.). Согласно этой философии, политические и моральные инстинкты американского общества разумны и им можно доверять; затраты на оборону являются одной из главных благодетелей правительства; и, хотя проблемы являются по своей природе сложными, их решения должны быть простыми ("...гордые узлы существуют для того, чтобы их разрубать"). Честь, забота о репутации и вера в военные институты играют здесь главенствующую роль, а поскольку международные отношения будут оставаться жестокой средой, то США "должны быть бдительны и хорошо вооружены" для защиты своих жизненных интересов. Именно подобные настроения в определенной части общества и истеблишмента позволяют США сохранять масштабы профессиональных вооруженных сил и заморского военного присутствия, превосходя всех своих конкурентов.

Изначальная ставка США на военное доминирование в западном полушарии способствовала абсолютизации собственной безопасности и нетерпимости к оппонентам в других регионах мира, которые в качестве рычага давления могли бы выдвинуть возможность поставить под угрозу безопасность США⁸. Активная позиция силовых ведомств во внешнеполитическом механизме, как и вера в возможность быстрого достижения конкретных политических целей

⁵ The Avalon Project. *Washington's Farewell Address, 1796*. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/washing.asp (accessed 21.11.2020).

⁶ Freeman Ch. America's Diplomatic Crisis. — *The American Conservative*. 16.06.2015. URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/americas-diplomatic-crisis/> (accessed 21.11.2020).

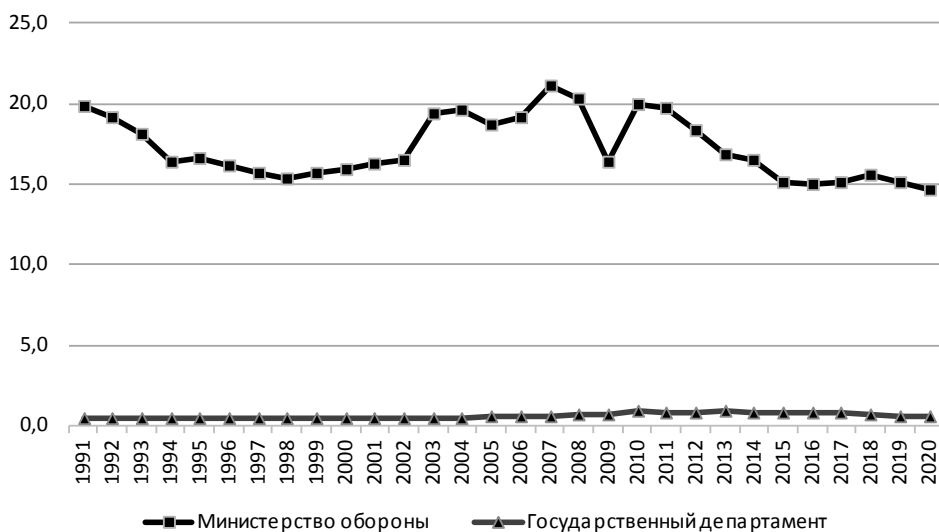
⁷ Mead W.R. The Jacksonian Tradition. — *The National Interest*. 01.12.1999. URL: <https://web.archive.org/web/20110930185706/http://nationalinterest.org/article/the-jacksonian-tradition-939> (accessed 21.11.2020).

⁸ Walt S.M. The State Department Needs Rehab. — *Foreign Policy*. 05.03.2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/03/05/the-state-department-needs-rehab/> (accessed 21.11.2020).

военными средствами, формированию которой не в последнюю очередь способствовало наличие разрыва в 15-20 раз между бюджетами Государственного департамента и Министерства обороны (см. рис. 4), подтолкнули американские элиты к решению внешнеполитических задач в Югославии, Афганистане, Ираке и Ливии в 1990-2000-х годах путем применения военного инструментария и пренебрежения к политическому процессу после окончания конфликта⁹.

Рисунок 4 (Figure 4)

**Бюджет Государственного департамента и Министерства обороны США
(в процентах от общего бюджета)**
Department of State and Department of Defense Budget (percent of overall budget)

Источник: The White House. Office of Management and Budget Historical Tables. URL: <https://www.whitehouse.gov/omb/historical-tables/> (accessed 22.11.2020).

В конечном счете милитаризация американской дипломатии сопровождалась ослаблением дипломатического инструментария. Уильям Бернс, американский дипломат, заместитель государственного секретаря США в администрациях Дж. Буша — мл. и Б. Обамы, в своих мемуарах с грустью отмечает, что, на фоне доминирования США в период после окончания холодной войны и шока от событий 11 сентября, Соединенные Штаты “потеряли свою дипломатию”, “обесценили дипломатический инструментарий” и “допустили атрофию ключевых [дипломатических] навыков”, все чаще полагаясь на жесткую силу для достижения политических целей, “инвертируя роль силы и дипломатии” [Burns 2019: 389, 393].

В силу существующей в США конституционной системы сдержек и противовесов в стране сложился децентрализованный характер внешнеполитического процесса. И хотя функции выработки стратегии концентрируются в Белом доме, вокруг президента сформировался круг конкурирующих между собой советников, нередко использующих внешнеполитическую повестку дня для достижения внутривнутриполитических целей. Приоритеты руководителей Госдепартамента,

⁹ Suri J. The Long Rise and Sudden Fall of American Diplomacy. — *Foreign Policy*. 17.08.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/04/17/the-long-rise-and-sudden-fall-of-american-diplomacy/> (accessed 21.11.2020).

Совета национальной безопасности и президентского Исполнительного офиса нередко входят в прямое противоречие друг с другом — ситуация напоминает конкуренцию идеологических платформ с акцентом на публичное позиционирование в среде отдельных групп электората, а не процесс выработки стратегии для достижения оптимального внешнеполитического результата. Кроме того, исполнительная власть находится в перманентном “спарринге” с законодателями в Конгрессе, позиция которых подвержена резким колебаниям в зависимости от всплесков общественного давления или организованных усилий профессиональных лоббистов. Многоголосие выражаемых участниками внешнеполитического процесса США интересов часто приводит к его дезорганизации. Особенно явно это проявляется в периоды обострения межпартийной борьбы, когда Белый дом и Конгресс саботируют внешнеполитические инициативы друг друга.

На этом фоне повышается автономия американских посольств и специальных представителей президента США, которые нередко заняты оторванным от национальных интересов дипломатическим творчеством¹⁰. Случается, что дипломатической деятельностью “на местах” занимается и Министерство обороны, которое не имеет для этого необходимых компетенций. Дезорганизация внешнеполитического процесса ведет к “кризису призвания” ведомств, отвечающих за внешнюю политику — прежде всего Госдепартамента, — которому отводится функциональное назначение по обслуживанию зарубежных визитов и международных связей по линии многосторонних организаций.

Второй ключевой причиной сложности конвертации внешнеполитического потенциала во влияние является *избыточный нормативно-ценностный акцент в процессе выработки и реализации американской внешней политики*. Предрасположенность к этому задают все еще значимые для внешнеполитической “особости” США (см., например, [Herring 2011; Jentleson 2013]) пуританские и протестантские корни американской политической традиции, в которой каждое противостояние окрашивается “манихейскими” тонами борьбы добра со злом. При этом доля реализма во внешнеполитической стратегии находится в прямой зависимости от масштабности вызова, крупнейшим из которых в американской истории была борьба с СССР в годы холодной войны. В борьбе с более слабым соперником американцы могут позволить себе эксцессы нерационального расходования ресурсов и даже постановки недальновидной цели. Политические элиты США фокусируются на надеждах и идеалах, поскольку уровень мощи и степень безопасности США все еще позволяют им преследовать нереалистичные цели, нередко — методами жесткой силы¹¹. В этой связи патриарх американской дипломатии Дж. Кеннан отмечал “стойкую тенденцию формировать нашу политику по отношению к другим с тем, чтобы создать приятный образ самих себя, а не достичь реальных и крайне необходимых результатов в наших отношениях с другими” [Kennan 1984: VIII].

Траектория снижения реалистичности оценок международной среды и практичности постановок собственных внешнеполитических целей хорошо прослеживается в последние десятилетия по формулировкам главного стратегического документа США в сфере внешней политики — Стратегии национальной безопасности. Зрелое стратегическое видение Р. Рейгана постулировало,

¹⁰ Miller A.D. The End of Diplomacy? — *Foreign Policy*. 03.02.2010. <https://foreignpolicy.com/2010/02/03/the-end-of-diplomacy/> (accessed 22.11.2020).

¹¹ Walt S.M. What Would a Realist World Have Looked Like? — *Foreign Policy*. 08.01.2016. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/01/08/what-would-a-realist-world-have-looked-like-iraq-syria-iran-obama-bush-clinton/> (accessed 22.11.2020).

что стратегия “должна быть прочно укоренена в широких национальных интересах и целях, поддерживаться адекватным выделением ресурсов и интегрировать все аспекты национальной мощи для достижения национальных целей”¹². Администрация Дж. Буша — ст. 1990 г. трезво оценивала, что поскольку масштабы интересов США и угрозы им зависят от конкретного региона, то “конкурирующие требования, бюджетные ограничения и улучшающийся климат по линии Восток — Запад, побуждают нас пересмотреть приоритеты”¹³.

Однако уже в “Стратегии вовлечения и расширения” (1994) Б. Клинтона на волне эйфории от наступления “конца истории” безапелляционно говорится об укоренении по всему миру “главной американской ценности свободы” — “американское лидерство в мире еще никогда не было столь важным. Если мы будем проецировать наше лидерство за рубежом, мы сможем сделать Америку более безопасной и процветающей”¹⁴.

Нормативно-ценностные оценки еще больше вытесняют прагматизм в доктринальных документах следующих администраций. В “Большой стратегии” Дж. Буша — мл. (2002), представленной Белым домом в “условиях военного времени”, прямо постулируется, что “Соединенные Штаты обладают беспрецедентной и непревзойденной силой и влиянием в мире. Поддерживаемая верой в принципы свободы и ценности свободного общества, эта роль сопряжена с беспрецедентной ответственностью, обязательствами и возможностями. Великую силу этой нации необходимо использовать для достижения баланса сил, который способствует свободе”¹⁵.

Хотя администрация Б. Обамы стремилась преодолеть негативные последствия “войны с террором”, Стратегия 2010 г. по-прежнему содержала избыточно абстрактные формулировки, которые скорее походили на пожелания, чем на внешнеполитическую программу. В документе говорилось, что стратегия США “направлена на обновление американского лидерства [путем] опоры на внутренние источники силы, создавая при этом международный порядок, который сможет ответить на вызовы нашего времени”¹⁶.

Ощущая потребность преодолеть нормативный перекося во внешней политике, администрация Д. Трампа предложила “стратегию принципиального реализма”, “ориентирующегося на результаты, а не идеологию”. Однако и эта версия стратегии содержала магистральную линию о том, что американские принципы являются “непреодолимой силой добра в мире”¹⁷.

Тенденция к нормативному уклону в оценке внешнеполитических интересов отмечается и в выступлениях первых лиц внешнеполитического ведомства США. С целью определения соотношения нормативных и субстантивных тезисов в посланиях госсекретарей США начиная с 1989 г., методами семан-

¹² Homeland Security Digital Library. *National Security Strategy of the United States [1987]*. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=461552> (accessed 23.11.2020).

¹³ National Security Strategy Archive. *National Security Strategy of the United States. March 1990*. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1990.pdf> (accessed 23.11.2020).

¹⁴ National Security Strategy Archive. *A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. July 1994*. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1994.pdf> (accessed 23.11.2020).

¹⁵ National Security Strategy Archive. *The National Security Strategy of the United States of America. September 2002*. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2002.pdf> (accessed 23.11.2020).

¹⁶ National Security Strategy Archive. *National Security Strategy. May 2010*. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2010.pdf> (accessed 23.11.2020).

¹⁷ National Security Strategy Archive. *National Security Strategy of the United States of America. December 2017*. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (accessed 23.11.2020).

тического анализа авторами был исследован массив внешнеполитических документов, включающих обращения кандидатов на должность госсекретаря к члену Конгресса¹⁸, их программные статьи, опубликованные в ведущих аналитических изданиях¹⁹, а также выступления по актуальным вопросам внешней политики США²⁰. Авторы маркировали нормативные и субстантивные высказывания в каждом тексте (маркерами выступали такие опорные формулировки, как, например, “национальный интерес”, “нераспространение”,

¹⁸ Nomination of James A. Baker III. — *Google Books*. URL: <https://clck.ru/SKqjT> (accessed 24.11.2020); Nomination of Warren M. Christopher to be Secretary of State. — *Google Books*. URL: <https://clck.ru/SKqp8> (accessed 24.11.2020); Secretary of State-Designate Madeleine K. Albright. Prepared statement before the Senate Foreign Relations Committee. — *U.S. Department of State (archive)*. URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/970108a.html> (accessed 24.11.2020); Confirmation Hearing by Secretary-Designate Colin L. Powell. — *U.S. Department of State (Archive)*. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/443.htm> (accessed 24.11.2020); Opening Statement by Dr. Condoleezza Rice. — *U.S. Senate*. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/RiceTestimony0501181.pdf> (accessed 24.11.2020); Nomination To Be Secretary of State. Hillary Rodham Clinton. — *U.S. Department of State (Archive)*. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ei/rm/113814.htm> (accessed 24.11.2020); Senator John Kerry's opening statement at nomination hearing to be U.S. Secretary of State. — *U.S. Senate*. URL: <https://www.foreign.senate.gov/press/chair/release/senator-john-kerry-opening-statement-at-nomination-hearing-to-be-us-secretary-of-state-> (accessed 24.11.2020); Nomination of Rex Tillerson to be Secretary of State. — *U.S. Congress*. URL: <https://www.congress.gov/115/chrg/CHRG-115shrg24573/CHRG-115shrg24573.htm> (accessed 24.11.2020); Statement for the Record before the U.S. Senate Committee on Foreign Relations. The Honorable Mike Pompeo. April 12, 2018. — *U.S. Senate*. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/041218_Pompeo_Statement.pdf (accessed 24.11.2020).

¹⁹ Albright M.K. The Testing of American Foreign Policy. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1998-11-01/testing-american-foreign-policy> (accessed 24.11.2020); Baker J.A. America in Asia: Emerging Architecture for a Pacific Community. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1991-12-01/america-asia-emerging-architecture-pacific-community> (accessed 24.11.2020); Clinton H.R. Leading Through Civilian Power: Redefining American Diplomacy and Development. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2010-11-01/leading-through-civilian-power> (accessed 24.11.2020); Pompeo M.R. Confronting Iran. The Trump Administration's Strategy. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-10-15/michael-pompeo-secretary-of-state-on-confronting-iran> (accessed 24.11.2020); Powell C.L. A Strategy of Partnerships. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2004-01-01/strategy-partnerships> (accessed 24.11.2020); Rice C. Rethinking the National Interest: American Realism for a New World. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2008-06-01/rethinking-national-interest> (accessed 24.11.2020); Tepperman J. The Envoy. A Conversation with John Kerry. — *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/interviews/2016-10-17/envoy> (accessed 24.11.2020).

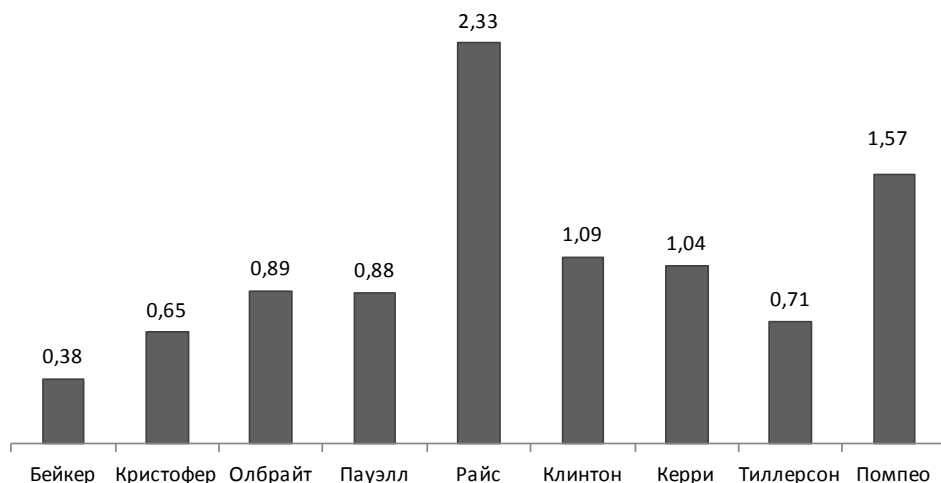
²⁰ 95/12/01: Testimony by Secretary of State Warren Christopher Before the Senate Committee on Foreign Relations. — *U.S. Department of State (Archive)*. URL: <https://1997-2001.state.gov/regions/eur/bosnia/bossec4.html> (accessed 24.11.2020); Baker J. A New Europe, A New Atlanticism: Architecture for a New Era. — *Carnegie Mellon University*. 12.12.1989. URL: <http://digitalcollections.library.cmu.edu/awweb/awarchive?type=file&item=690688> (accessed 24.11.2020); Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson. — *Center for Strategic and International Studies*. 18.10.2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson> (accessed 24.11.2020); Clinton H.R. Foreign Policy Address at the Council on Foreign Relations. July 15, 2009. — *U.S. Department of State (Archive)*. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126071.htm> (accessed 24.11.2020); Kerry J. Address at the University of Virginia. February 20, 2013. — *U.S. Department of State (Archive)*. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2013/02/205021.htm> (accessed 24.11.2020); Pompeo M. A Force for Good: America Reinvigorated in the Middle East. — *U.S. Department of State*. 10.01.2019. URL: <https://www.state.gov/a-force-for-good-america-reinvigorated-in-the-middle-east/> (accessed 24.11.2020); Rice C. Transformational Diplomacy. — *U.S. Department of State (Archive)*. 18.01.2006. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/59306.htm> (accessed 24.11.2020); Secretary of State Madeleine K. Albright. Remarks and Q&A Session at Center for National Policy. Washington, D.C., January 13, 1998. — *U.S. Department of State (Archive)*. URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/980113.html> (accessed 24.11.2020); The President-Elect's News Conference Announcing the Nomination of Colin L. Powell as Secretary of State. December 16, 2000. — *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-president-elects-news-conference-announcing-the-nomination-colin-l-powell-secretary> (accessed 24.11.2020); Tillerson R. The U.S. and Europe: Strengthening Western Alliances. — *U.S. Mission to the OSCE*. 28.11.2017. URL: <https://osce.usmission.gov/u-s-europe-strengthening-western-alliances/> (accessed 24.11.2020); Warren Ch. General Assembly Official Records. Fifth Session. 4th plenary meeting. Monday, 25 September 1995. — *United Nations*. URL: <http://undocs.org/en/A/50/PV.4> (accessed 24.11.2020).

“демократизация”, “права человека” и т.п.), подсчитывали их соотношение для конкретного документа и выводили агрегированный показатель для всех выступлений конкретного руководителя Госдепартамента (см. рис. 5). Анализ показывает, что с течением времени госсекретари США все более уверенно стали говорить на языке идей и ценностей, а их суждения по субстантивным вопросам все больше приобретали нормативную тональность. В то время как “образцом” реалистического подхода остается республиканец Джеймс Бейкер, особенно ярко выраженную склонность к нормативно-ценностной лексике во внешнеполитическом дискурсе демонстрировали госсекретари республиканских администраций Кондолиза Райс и Майкл Помпео. Примечательно, что все кандидаты на должность первого дипломатического лица государства в своих обращениях говорили о важности военной компоненты американской мощи в достижении внешнеполитических целей и сетовали на хроническое недофинансирование и недостаточную укомплектованность штата Госдепартамента.

Рисунок 5 (Figure 5)

Соотношение нормативных и субстантивных тезисов в обращениях госсекретарей США (1989-2020)

The Ratio of Substantial and Normative Arguments, U.S. Secretaries of State (1989-2020)

В результате среди политических элит в Вашингтоне сформировался и закрепился неформальный свод правил лидерского поведения, который укоренен в нормативной плоскости и требует от президента решительных действий в ситуации кризисов. Этот вязкий внешнеполитический консенсус часто сковывает свободу действий руководителей государства. В 2013 г. президент Б. Обама стал заложником собственных слов о недопустимости перехода за “красную линию” США в гражданской войне в Сирии в виде применения ОМУ, нарушение которой приведет к американскому вмешательству. Вследствие провокации ОМУ было применено в Сирии, и атрибуция пала на правительственные силы. Члены администрации США оказывали давление на Б. Обаму и активно выступали за военный ответ, утверждая, что отход от собственных заявлений ударит по имиджу США. Одним из главных лоббистов такого варианта политики был госсекретарь Джон Керри²¹.

²¹ Goldberg J. The Obama Doctrine. — *The Atlantic*. 01.04.2016. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/#1> (accessed 30.07.2020).

Третьей ключевой причиной сложности конвертации значительного внешнеполитического потенциала США во влияние является постепенная *утрата внешнеполитическим сообществом культуры воспитания квалификационных навыков, необходимых для дипломатической работы*. Указанное явление стало следствием снижения профессиональной квалификации американских послов, упадка языковой и страноведческой подготовки младших специалистов и высокой текучести кадров.

Важная особенность института госсекретаря, его заместителей и послов в США — необходимость утверждения каждой кандидатуры Сенатом, что превращает их в действующее лицо внутренней политики, апеллирующее к различным группам электората. В соответствии с §2688 Раздела 22 Кодекса США, кандидат, представленный на должность посла, должен обладать “четко продемонстрированными компетенциями для исполнения посольских обязанностей” и не может быть назначен на должность “в первую очередь в связи с финансовыми взносами в политические кампании”²². Однако к 2010-м годам более трети послов США за рубежом не были карьерными дипломатами и получили свои назначения по политически мотивированным причинам — чаще всего в связи с пожертвованиями в пользу президентской избирательной кампании (так делали 73% таких послов, среди карьерных дипломатов — всего 5%). При этом подобные назначения не сопровождались профессиональной переподготовкой. Начиная с 1980 г. лишь 48% политических назначенцев на должности послов имели профессиональный опыт в структурах, связанных с внешней политикой. При этом что 61% послов имеют компетенции, относящиеся к региону своей страны, лишь 17% имеют знания о стране назначения, ранее проживали или работали в ней [Scoville 2019]. Еще хуже дело обстоит на уровне высших руководителей Госдепартамента — от помощника госсекретаря и выше — начиная с 1975 г. процент карьерных дипломатов, занимавших эти должности, сократился вдвое (с 60% до 30%)²³.

87

В 2000-х годах в США начал ощущаться кризис подготовки специалистов по гуманитарным и социальным дисциплинам, включая международные отношения. Этот процесс характеризовался как негативными изменениями в академической среде — 30% исследователей-международников не владели каким-либо иностранным языком, а более 50% не использовали в своих исследованиях работы, опубликованные не на английском языке, — так и сокращением финансирования государственных программ, особенно в сфере региональных исследований. В 2013 г. Госдепартаментом была свернута программа углубленной языковой и культурной подготовки по российскому и постсоветскому направлению, затраты на которую были сопоставимы с закупкой всего двух крылатых ракет “Томагавк” [King 2015].

Недостатки фундаментальной подготовки не могли быть ликвидированы после приема новых кадров в Госдепартамент. Новым сотрудникам дипломатического корпуса предоставляется лишь пятидневная ориентационная серия курсов. Американская дипломатическая служба, в отличие от военной карьеры, не подразумевает выделение достаточного времени на получение дополнительного образования. Если Пентагон отводит на образование и переподготовку своих специалистов в среднем до трети времени от периода работы в Министерстве, то Госдепартамент ориентирован, в первую очередь,

²² Legal Information Institute. 22 U.S. Code § 2688. Ambassadors; Criteria Regarding Selection and Confirmation. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2688> (accessed 25.11.2020).

²³ The Academy of American Diplomacy. *American Diplomacy at Risk*. URL: <https://www.academyofdiplomacy.org/publication/american-diplomacy-at-risk/> (accessed 25.11.2020).

на получение опыта через практику и менторство. Последнее затруднено тем, что половина дипломатического корпуса к концу 2010-х годов имела в активе менее десяти лет опыта²⁴. О высокой текучести кадров говорит тот факт, что начиная с 2017 г. примерно четверть сотрудников дипломатической службы подали в отставку, включая 60% карьерных послов²⁵.

На деградацию дипломатической практики также повлияла слишком частая смена ключевых приоритетов Госдепартамента. В последние 20 лет “война с террором”, “продвижение демократии”, “трансформационная дипломатия”, “умная сила”, “дипломатия 3.0”, “гибкая дипломатия”, “редизайн Госдепартамента” и другие эксперименты руководителей ведомства сместили фокус внимания в подготовке кадров с регионоведческих, переговорных и языковых компетенций на коммуникационные навыки, публичную дипломатию²⁶ и проектную деятельность²⁷.

Избыточный нормативно-ценностный акцент во внешней политике и кризис подготовки реалистически мыслящих профессионалов приводит к эксцессам. Нередки ситуации, в которых внутри Госдепартамента образуется активная оппозиция собственному руководству, которая выступает с публичными заявлениями²⁸. Такие действия выходят за рамки существующего в Госдепартамента с 1971 г. официального канала для выражения несогласия с политикой ведомства, поскольку находят свое выражение в утечках в прессу внутренних документов, открытых письмах, публикациях в ведущих СМИ и увольнениях по “морально-этическим причинам”²⁹. Нередко в ходе эскапад оппозиционно настроенные дипломаты выступали с призывами к применению военной силы, фактически расписываясь в своей неспособности достичь результатов путем переговоров. В июне 2016 г. группа анонимных служащих Госдепартамента подготовила и допустила утечку меморандума, призывавшего Белый дом к “благоразумному использованию силы” в Сирии³⁰. В ходе правления администрации Трампа в среде профессиональной бюрократии

²⁴ Bruen B. America's Diplomatic Corps is Being Depleted under Trump, and that Could Cause Serious Problems for US Foreign Policy. — *Business Insider*. 18.02.2020. URL: <https://www.businessinsider.com/declining-number-us-foreign-service-diplomats-trump-worrying-america-security-2020-2> (accessed 25.11.2020); Hutchings F., Suri J. The Making of an Effective Diplomat: A Global View. — *The Foreign Service Journal*. 01.12.2017. URL: <http://www.afsa.org/making-effective-diplomat-global-view> (accessed 25.11.2020); Schake K. The State Department's Dysfunction Predates Pompeo. — *Bloomberg*. 31.07.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-01-31/the-state-department-was-dysfunctional-before-pompeo-took-over> (accessed 25.11.2020).

²⁵ Burns W.J., Thomas-Greenfield L. The Transformation of Diplomacy: How to Save the State Department. — *Foreign Affairs*. 23.09.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-09-23/diplomacy-transformation> (accessed 25.11.2020).

²⁶ Legal Information Institute. 22 U.S. Code § 2732. *Public Diplomacy Responsibilities of the Department of State*. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2732> (accessed 25.11.2020).

²⁷ См., например, Leading through Civilian Power: The First Quadrennial Diplomacy and Development Review. — *U.S. Department of State (Archive)*. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf> (accessed 25.11.2020).

²⁸ Oberdorfer D. U.S. aide Resigns over Balkan Policy. — *The Washington Post*. 26.08.1992. URL: <https://clck.ru/SKsXo> (accessed 25.11.2020).

²⁹ U.S. Diplomat's Letter of Resignation. — *The New York Times*. 27.02.2003. URL: <https://www.nytimes.com/2003/02/27/international/us-diplomats-letter-of-resignation.html> (accessed 25.11.2020); Wright A., Brown J., Kiesling B. Why We Said No: Three Diplomats' Duty. — *Huffpost*. 20.03.2008. URL: https://www.huffpost.com/entry/why-we-said-no-three-dipl_b_92488 (accessed 25.11.2020).

³⁰ Landler M. 51 U.S. Diplomats Urge Strikes Against Assad in Syria. — *The New York Times*. 16.06.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/06/17/world/middleeast/syria-assad-obama-airstrikes-diplomats-memo.html> (accessed 25.11.2020).

даже считалось допустимым намеренно дезинформировать президента, например, о количестве дислоцированных в Сирии американских солдат³¹.

В результате чрезмерного акцентирования нормативно-ценностных установок и падения уровня подготовки фокус внимания Госдепартамента сместился с прагматичной защиты национальных интересов на публичную дипломатию и проектную работу. Общие расходы на публичную дипломатию в США демонстрируют стабильный ежегодный рост и согласно последней официальной статистике составляют около 2,2 млрд долл.³² Эти новые акценты американской дипломатической практики закономерно вызвали трения с Россией на постсоветском пространстве, поскольку одновременно с увеличением участия во внутриполитической жизни государств, американская дипломатия утрачивает реализм и способность к переговорам по трудным вопросам.

Находятся ли эти проблемы в числе приоритетов руководства Государственного департамента, и способна ли реорганизация качественным образом повлиять на эффективность внешнеполитического процесса США?

ПОПЫТКИ РЕФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА США ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Идея реформы внешнеполитического ведомства США циркулировала в Вашингтоне достаточно долгое время. По мнению американских исследователей, отправной точкой оценки, своего рода “золотым стандартом” внешнеполитического процесса являлись практики, сложившиеся в правление администрации Дж. Буша — ст. Эта система характеризовалась слаженной работой вертикальной системы консультаций и эффективным взаимодействием с элементами конкуренции трех основных фигур внешнеполитического процесса — советника по вопросам национальной безопасности Б. Скоукрофта, госсекретаря Дж. Бейкера и министра обороны Р. Чейни [Daalder, Destler 2009; Gans 2019].

С окончанием холодной войны Госдепартамент начинает расширять зону своей ответственности — географической и функциональной. Новые ориентиры внешнеполитического ведомства явственно начинают проявляться в период президентства Б. Клинтона. Хотя государственные секретари Уоррен Кристофер (1993-1997) и Мадлен Олбрайт (1997-2001) не предложили революционной реорганизации своего министерства, их шаги были нацелены на решение умозрительной проблемы “чрезмерной концентрации на классической системе двустороннего взаимодействия” с другими государствами. Чтобы исправить этот “перекос”, были созданы новые бюро по функциональному признаку, которые должны были отвечать на трансформацию системы международных отношений. Однако на фоне перетока ряда функций в пользу других ведомств, реорганизация структуры Госдепартамента начала приводить к кризису управляемости — дублированию ответственности и конкуренции подразделений, каждое из которых опиралось на собственную экспертизу. По

³¹ Williams K.Bo. Outgoing Syria Envoy Admits Hiding US Troop Numbers; Praises Trump's Mideast Record. — *Defense One*. 12.11.2020. URL: <https://www.defenseone.com/threats/2020/11/outgoing-syria-envoy-admits-hiding-us-troop-numbers-praises-trumps-mideast-record/170012/> (accessed 25.11.2020).

³² United States Advisory Commission on Public Diplomacy. *Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting: Focus on FY 2018 Budget Data*. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/01/2019-ACPD-Annual-Report.pdf> (accessed 25.11.2020).

мнению И. Даалдера и Дж. Линдсея, это привело к формированию культуры перекладывания ответственности³³.

Шок от терактов 11 сентября 2001 г. принес новый фокус в работу Госдепартамента — от содействия глобализации к “борьбе с террором”. Поскольку внешняя политика Дж. Буша — мл. была ориентирована на предотвращение новых терактов на территории США, “Инициатива по дипломатической готовности” госсекретаря К. Пауэлла ключевое внимание уделяла вопросам безопасности иностранных представительств и их модернизации для предотвращения возможных террористических атак, а также пересмотру визовой политики³⁴. На фоне военных операций в Афганистане и Ираке усилились позиции Министерства обороны, ЦРУ, Министерства внутренней безопасности и АНБ.

После прихода в Госдепартамент К. Райс выдвинула проект реформы под названием “Трансформационная дипломатия”, ставший кульминацией прогрессистского подхода по реорганизации других стран. Государственный департамент должен был переориентироваться на решение задач государственного строительства и развития стабильных демократических институтов в оккупированных США странах. Это требовало дальнейшей технологической модернизации ведомства и привития сотрудникам новых навыков. Была поставлена задача подготовки такого типа дипломатов, которые были бы способны строить отношения с новыми элитами “трансформированных” стран. В 2009 г. на фоне роста бюджета министерства, были дополнительно запрошены средства на открытие 1 400 новых позиций в Госдепартаменте и Агентстве по международному развитию³⁵. Эти меры сопровождались наступательным подходом администрации к решению международных вопросов. И хотя Госдепартамент провел большую работу по мобилизации международной антитеррористической коалиции, односторонние действия американской администрации нанесли такой удар по репутации США, что сменившему Дж. Буша — мл. президенту Б. Обаме была вручена Нобелевская премия мира за одно только обещание отойти от этой практики.

Администрация Б. Обамы принялась в очередной раз определять миссию Госдепартамента. Выдвижение приоритета “поворота на Восток” подразумевало перемещение военного потенциала, экономической и дипломатической активности США в зону АТР. Госсекретарь Х. Клинтон инициировала проект “Дипломатия 3.0”, который ставил целью подготовить дипломатов, владеющих языковыми и организационными компетенциями для работы в пограничных с Китаем странах Азии. Также планировалось увеличить штат дипломатического корпуса на 25%. Притом что на языковую подготовку потребуются годы, на момент ухода Х. Клинтон со своего поста планы по увеличению количества штата были выполнены только наполовину³⁶. Чувствительными ударами по

³³ Daalder I.H., Lindsay J.M. How to Revitalize a Dysfunctional State Department. — *Brookings Institution*. 01.03.2001. URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-to-revitalize-a-dysfunctional-state-department/> (accessed 26.11.2020); U.S. Department of State (Archive). *History of the Department of State During the Clinton Presidency* (1993–2001). URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/8517.htm> (accessed 26.11.2020).

³⁴ U.S. Department of State (Archive). *Transforming the Department of State*. URL: <https://2001-2009.state.gov/m/rls/22262.htm> (accessed 26.11.2020).

³⁵ U.S. Department of State (Archive). *Remarks on Transformational Diplomacy*. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2008/02/100703.htm> (accessed 26.11.2020).

³⁶ U.S. Department of State (Archive). *Arrival at the Department of State*. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/01/115262.htm> (accessed 26.11.2020); U.S. Department of State (Archive). *FY 2009 Department of State Agency Financial Report*. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/d/rm/rls/perf rpt/2009/html/135567.htm> (accessed 26.11.2020); U.S. Department of State (Archive). *Nomination Hearing to Be Secretary of State*. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/01/115196.htm> (accessed 26.11.2020).

репутации Госдепартамента в эти годы стало обострение ситуации в Египте, где США метались между поддержкой народных масс и сохранением региональной стабильности, и Ливии — где в результате инициированного Вашингтоном свержения М. Каддафи воцарился хаос, приведший к гибели посла США.

Новый госсекретарь Дж. Керри заявил о необходимости развития Госдепартамента в сторону “большей динамичности и гибкости” для урегулирования множатся кризисов и продвижения экономических интересов США. Были инициированы меры по цифровизации консульской службы и обработке поступающих данных с мест³⁷. Крупное внешнеполитическое достижение этого периода — “ядерная сделка” с Ираном, которая стала одним из последних достижений классической дипломатии. Однако уже обсуждая ситуацию вокруг Сирии в 2013 г., Б. Обама чуть не сделал ту же ошибку, что и в Ливии, в последний момент отказавшись от военного решения, к которому его подталкивал Дж. Керри, в ходе прогулки у Белого дома. Политико-дипломатический провал на Украине и безрассудная линия в отношении интересов России привели к глубокому кризису в Восточной Европе и ухудшили для США стратегическую перспективу отношений в треугольнике Вашингтон — Пекин — Москва.

Несмотря на порывистый характер правления Д. Трампа, в основе мироощущения новой администрации лежала мысль о том, что американский внешнеполитический активизм необходимо сокращать, поскольку он не обоснован национальными интересами. Д. Трамп, помимо желания осуществить “крестовый поход” против вашингтонской бюрократии, также ориентировался на американское общественное мнение. В США с момента окончания холодной войны процент людей, считавших, что страна “слишком много” тратит на иностранную помощь, составлял 60%³⁸, в то время как среди целевого электората Д. Трампа было распространено мнение, что США делает слишком много для решения мировых проблем (54%), свободная торговля наносит ущерб США (67%), а иммиграция ложится тяжелым бременем на страну (69%)³⁹. Избиратели, представляющие правый спектр, были склонны полагать, что США необходимо сконцентрироваться на собственных проблемах (62%)⁴⁰.

Главными идеологемами нового госсекретаря Р. Тиллерсона были логичность и обоснованность принимаемых решений, а также эффективность, понимаемая им, как бизнесменом, в системе координат “издержки и результаты”⁴¹. Тиллерсон планировал финансировать лишь те программы, ор-

³⁷ U.S. Department of State (Archive). *The Quadrennial Diplomacy and Development Review. Executive Summary*. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/241430.pdf> (accessed 26.11.2020).

³⁸ Gallup. *U.S. Position in the World*. URL: <https://news.gallup.com/poll/116350/position-world.aspx> (accessed 27.11.2020); Norris, John. Special Feature: A history of American Public Opinion on Foreign Aid. — *Devex*. 15.08.2017. URL: <https://www.devex.com/news/special-feature-a-history-of-american-public-opinion-on-foreign-aid-90732> (27.11.2020).

³⁹ Pew Research Center. *Trump Supporters Differ from Other GOP Voters on Foreign Policy, Immigration Issues*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/05/11/trump-supporters-differ-from-other-gop-voters-on-foreign-policy-immigration-issues/> (accessed 27.11.2020).

⁴⁰ Pew Research Center. *Those on Political Right More Likely to Favor Focusing on Domestic Issues*. URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/06/14/where-americans-and-europeans-agree-disagree-on-foreign-policy/pg_16-06-10_useuroisolationism-dot-plot/ (accessed 27.11.2020).

⁴¹ U.S. Congress. *Nomination of Rex Tillerson to be Secretary of State*. URL: <https://www.congress.gov/115/chrg/shrg24573/CHRG-115shrg24573.htm> (accessed 27.11.2020).

ганизации и проекты, которые отвечают стратегическим целям США⁴². Составляющей реорганизации стал временный запрет на прием новых кадров и членов семей дипломатов в диппредставительствах за рубежом⁴³, что было крайне болезненно воспринято сотрудниками Госдепартамента. Р. Тиллерсон также сократил количество специальных посланников и спецпредставителей почти в два раза⁴⁴. Причины этих решений коренились в осознании нарастающей слабости Госдепартамента и в понимании невозможности работы “по-старому” в условиях предстоящего сокращения бюджета⁴⁵.

Первым шагом нового госсекретаря стал набор собственной команды советников: значительно увеличивался штат непосредственных помощников госсекретаря. В нем отсутствовали карьерные дипломаты, что могло свидетельствовать о недоверии Р. Тиллерсона по отношению к бюрократии⁴⁶. Американские СМИ публиковали утечки, которые содержали детали плана реструктуризации подразделений Госдепартамента и системы отчетности с целью повышения эффективности работы⁴⁷.

Для проведения аудита своего ведомства Р. Тиллерсон привлек частную консалтинговую компанию “*Insigniam*”. Согласно проведенному компанией опросу, большинство сотрудников беспокоила неопределенность миссии и неочевидность позиции, которую министерство занимало среди прочих ведомств внешнеполитического процесса; присутствовало недоверие по отношению к новой администрации и руководству министерства; выражалось опасение, что организационные изменения и урезание бюджета негативно повлияют на работу ведомства; отмечался общий управленческий кризис, а также наличие культуры труда, которая заключалась в выполнении поставленных задач “общепринятым образом” и избегании ошибок и рисков любой ценой⁴⁸. Прессой информация подавалась так, что в знак протеста из 75 тысяч сотрудников Госдепартамента и Агентства по международному развитию примерно половина не отреагировала на опрос⁴⁹.

На фоне постоянных утечек, саботажа со стороны бюрократии и, что немало важно, деградации взаимоотношений госсекретаря с Д. Трампом были пересмотрены первоначальные амбициозные планы по реорганизации: акцент

⁴² The White House. *America First: A Budget Blueprint to Make America Great Again*. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/11/2018_blueprint.pdf (accessed 27.11.2020).

⁴³ The White House. *Memorandum of January 23, 2017*. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-regarding-hiring-freeze/> (accessed 27.11.2020).

⁴⁴ Lynch C., Gramer R. State Department Reorganization Eliminates Climate, Muslim and Syria Envoys. — *Foreign Policy*. 29.08.2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/08/29/state-department-reorganization-eliminates-climate-muslim-and-syria-envoys/> (accessed 27.11.2020).

⁴⁵ U.S. Department of State. *Press Availability with Japanese Foreign Minister Fumio Kishida*. URL: <https://preview.state.gov/press-availability-with-japanese-foreign-minister-fumio-kishida/> (accessed 27.11.2020).

⁴⁶ Gramer R., de Luca D., Lynch C. How the Trump Administration Broke the State Department. — *Foreign Policy*. 31.07.2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/07/31/how-the-trump-administration-broke-the-state-department/> (accessed 27.11.2020).

⁴⁷ Toosi N. Rex Tillerson’s \$12 Million Army of Consultants. — *Politico*. 05.04.2018. URL: <https://www.politico.com/story/2018/04/05/tillerson-state-department-consultants-503557> (accessed 27.11.2020).

⁴⁸ Brookings Institutions. U.S. Department of State LISTENING REPORT *For the U.S. Department of State & U.S. Agency for International Development*. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/09/gs_20170927_dos_usaid_listening_report_2017.pdf (accessed 27.11.2020).

⁴⁹ Gramer R., de Luca D., Lynch C. How the Trump Administration Broke the State Department. — *Foreign Policy*. 31.07.2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/07/31/how-the-trump-administration-broke-the-state-department/> (accessed 27.11.2020).

был смещен в сторону технологических новаций, модернизации “глобального присутствия” и “операционной эффективности”; экономия бюджета предусматривалась в более скромном, чем планировалось изначально, размере 5–10 млрд долл. в течение ближайших пяти лет⁵⁰.

Впрочем, и этим планам не суждено было сбыться. В марте 2018 г. Д. Трамп объявил о том, что директор ЦРУ М. Помпео заменит Р. Тиллерсона на посту госсекретаря. Реформа Госдепартамента, которая запомнилась, в первую очередь, сокращением штата сотрудников на 2%, была прекращена вместе с уходом Тиллерсона⁵¹. Однако карьерные дипломаты жаловались, что внешнеполитическому ведомству был нанесен ощутимый урон⁵².

М. Помпео объявил о намерении прекратить мораторий на прием на работу новых сотрудников, а также улучшить моральное состояние штата и эффективность Госдепартамента⁵³. Единственным шагом по реорганизации стало слияние близких по функционалу Бюро по связям с общественностью и Бюро международных информационных программ⁵⁴.

После увольнения Советника по нацбезопасности Дж. Болтона, М. Помпео стал наиболее влиятельным и лояльным президенту членом Совета национальной безопасности. Преимущественно демократический по взглядам кадровый состав Госдепартамента с трудом терпел своего руководителя и тот отвечал взаимностью. В СМИ начали поступать типичные сообщения — жалобы на профессиональный климат, уход карьерных специалистов, неэтичное отношение к подчиненным и конфликты с журналистами⁵⁵. Сложившуюся в министерстве ситуацию даже окрестили “новым маккартизмом”⁵⁶. Группа дипломатов, включая экс-посла США на Украине М. Йованович, приняла участие в слушаниях Конгресса по делам, направленным против президента Д. Трампа⁵⁷ (при этом дипломаты жаловались на отсутствие поддержки со стороны руководства, в том числе — в ходе последовавших “гонений” со стороны Белого дома). Этот период, вероятно, войдет в историю США как кульминация дезорганизации внешнеполитического процесса.

⁵⁰ Redesign Overview. Capitol Hill Brief. — *Politico*. URL: <https://www.politico.com/f/?id=0000015e-9ba1-d079-a3fe-dba553640001> (accessed 27.11.2020).

⁵¹ The American Foreign Service Association. *Foreign Service Statistics*. URL: <http://www.afsa.org/foreign-service-statistics> (accessed 28.11.2020).

⁵² См., например, U.S. Department of State. *Review of the Effects of the Department of State Hiring Freeze*. URL: <https://www.stateoig.gov/system/files/isp-i-19-23.pdf> (accessed 28.11.2020); U.S. Government Accountability Office. *Department of State: Integrated Action Plan Could Enhance Efforts to Reduce Persistent Overseas Foreign Service Vacancies*. URL: <https://www.gao.gov/assets/700/697281.pdf> (accessed 28.11.2020).

⁵³ Gramer R. Pompeo Lifts Hiring Freeze at State Department. — *Foreign Policy*. 15.05.2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/05/15/pompeo-lifts-hiring-freeze-on-state-department-diplomacy-tillerson-restore-diplomats-swagger-tackle-low-morale/> (accessed 28.11.2020).

⁵⁴ Morello C. State Department to Take a Step into the Digital Age in Effort to Counter Disinformation. — *The Washington Post*. 12.04.2019. URL: <https://clck.ru/SKw2g> (accessed 28.11.2020).

⁵⁵ U.S. Department of State. *Review of Allegations of Politicized and Other Improper Personnel Practices Involving the Office of the Secretary*. URL: <https://www.stateoig.gov/system/files/esp-20-01-public.pdf> (accessed 28.11.2020); Pompeo Berates an NPR Reporter. Then Trump Menaces NPR. — *The Washington Post*. 28.01.2020. URL: <https://clck.ru/SKw4v> (accessed 28.11.2020).

⁵⁶ Burns W.J. The Demolition of U.S. Diplomacy. — *Foreign Affairs*. 14.10.2019. <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-10-14/demolition-us-diplomacy> (accessed 28.11.2020).

⁵⁷ Grammer R., Lynch C., Tamkin E. Fear and Loathing at Pompeo’s State Department. — *Foreign Policy*. 01.11.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/01/impeachment-ukraine-fear-and-loathing-pompeo-state-department/> (accessed 28.11.2020).

Обзор нескольких попыток реформы Госдепартамента в последние три десятилетия (см. табл.) позволяет сделать ряд выводов. Ключевая проблема дезорганизации внешнеполитического процесса была оставлена без внимания всеми президентскими администрациями. Каждый новый госсекретарь излагал собственную миссию, которая требовала организационных изменений и времени на реализацию. Поэтому ни одна из начатых реформ не была исполнена в полной мере и создала собственные побочные проблемы. Все госсекретари говорили о приоритете подготовки кадров, однако значительный упор делался на развитие управленческих и лидерских качеств. Значение регионоведческой и языковой экспертизы при этом снижалось.

Кроме Р. Тиллерсона, в программах всех госсекретарей присутствовал сильный нормативный акцент в вопросе определения миссии Госдепартамента и места США в мире. Излишне идеологизированный угол зрения мог повлиять на реалистичность поставленных задач и определение верного круга внешнеполитических проблем. В США усилился акцент на силовую дипломатию, а доля послов, назначенных по политическим мотивам, в годы президентства Д. Трампа достигла 40%.

Проблема внешней политики США, таким образом, состоит не в реорганизации внешнеполитического ведомства, а в избыточной идеологизации, вмешательстве внутриполитической борьбы в стратегическое целеполагание, неверной ставке на силовой инструментарий и кадровых трудностях, усугубляющихся на фоне дезорганизации внешнеполитического процесса. Иными словами, в случае с США условием проведения эффективной внешней политики является решение проблем централизации процесса выработки и принятия решений, избегание их политизации и поддержка реализации решений квалифицированными переговорщиками, владеющими региональной специализацией.

Таблица (Table)

Приоритеты работы Государственного департамента США при разных госсекретарях⁵⁸

Priorities of U.S. State Department under various Secretaries of State

Президент	Госсекретарь	Нарративы, приоритеты, ресурсы
Джордж Буш – ст.	Джеймс Бейкер	<p>Ключевой нарратив: Понимание мира с целью его изменения, где это необходимо</p> <p>Приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. “Реалистичное” американское лидерство в новых условиях 2. Поддержка свободных рынков и новых демократий 3. Происходящие трансформации в “коммунистическом мире” 4. Технологический прогресс и новые тенденции в сфере безопасности <p>Ресурсы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Реалистичная оценка международных ситуаций 2. Здоровые взаимоотношения исполнительной и законодательной власти 3. Квалификация сотрудников

⁵⁸ Таблица составлена на основе полных текстов стенограмм слушаний по утверждению кандидатур госсекретарей в Конгрессе США, приветственных обращений госсекретарей к персоналу Госдепартамента при первом посещении министерства в официальном статусе, а также программ развития Госдепартамента, речь о которых шла выше.

Продолжение таблицы

Президент	Госсекретарь	Нарративы, приоритеты, ресурсы
Билл Клинтон	Уоррен Кристофер	<p>Ключевой нарратив: Открытые рынки и открытые общества</p> <p>Приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Экономическая безопасность 2. Военная мощь как составляющая успеха дипломатии 3. Выработка нового внутригосударственного консенсуса по вопросу внешней политики США 4. Адаптация бюрократической структуры Госдепартамента под новые реалии времени <p>Ресурсы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Совершенствование подходов к решению задач 2. Повышение эффективности политического процесса 3. Реформирование структуры Госдепартамента 4. Улучшение качества управления программами
	Мадлен Олбрайт	<p>Ключевой нарратив: Дипломатия как первая линия обороны</p> <p>Приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие союзнических отношений США 2. Укрепление “нового демократического мирового порядка” 3. Поддержка развивающихся стран 4. Государства, бросающие вызовы новому порядку <p>Ресурсы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение достаточного уровня финансирования 2. Программы развития кадров 3. Эффективное управление министерством и взаимодействие его офисов
Джордж Буш – мл.	Колин Пауэлл	<p>Ключевой нарратив: Инициатива по дипломатической готовности</p> <p>Приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Укрепление и расширение лагеря демократических стран 2. Поддержка и развитие альянсов 3. Поддержка оборонных инициатив дипломатическими усилиями 4. Дипломатическая поддержка антитеррористической коалиции и “Коалиции желающих” (после 11 сентября 2001 года) <p>Ресурсы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Наем новых сотрудников и повышение квалификации действующих 2. Улучшение отношений с Конгрессом 3. Технологическая модернизация
	Кондолиза Райс	<p>Ключевой нарратив: Трансформационная дипломатия</p> <p>Приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Поддержка политики государственного строительства и демократического развития стран 2. Восстановление прежнего уровня авторитета США 3. Технологическая модернизация Госдепартамента 4. Плотная кооперация по реализации совместных программ с Министерством обороны <p>Ресурсы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Госдепартамент как учреждение по национальной безопасности 2. Подготовка качественно новых специалистов, работающих за гранью традиционного понимания дипломатии 3. Иностранная помощь для целевой поддержки программ развития стран

Президент	Госсекретарь	Нарративы, приоритеты, ресурсы
Барак Обама	Хиллари Клинтон	Ключевой нарратив: Дипломатия 3.0 Приоритеты: 1. Обеспечение безопасности граждан 2. Международная экономическая безопасность 3. Упрочнение позиций США в качестве международного лидера 4. Расширение территории демократий Ресурсы: 1. Увеличение количества дипломатических служащих 2. Улучшение языковых и профессиональных компетенций персонала 3. Международные программы развития
	Джон Керри	Ключевой нарратив: Динамичность и аджайл Приоритеты: 1. Инклюзивный экономический рост 2. Открытые демократические общества 3. Борьба с насильственным экстремизмом 4. Решение проблемы изменения климата Ресурсы: 1. Информационная и технологическая модернизация 2. Инновационные подходы к решению задач и управлению 3. Стратегическое планирование и управление эффективностью
Дональд Трамп	Рекс Тиллерсон	Ключевой нарратив: Редизайн Госдепартамента Приоритеты: 1. Утверждение американского лидерства 2. Качественное реагирование на быстро меняющиеся условия во всех частях мира 3. Безопасность сотрудников министерства Ресурсы: 1. Кадры 2. Эффективное использование талантов и средств 3. Эффективность через реформу бюрократии и традиций
	Майкл Помпео	Ключевой нарратив: “Вернем задор” Приоритеты: 1. Защита американской исключительности 2. Диалог с партнерами и противниками (когда необходимо) 3. Продвижение американских идеалов, ценностей и приоритетов 4. Внешние коммуникации Ресурсы: 1. Культура труда и коммуникаций 2. Интенсивная командная работа и привлечение талантов 3. Влияние через продвижение вариантов политики

Как могла бы выглядеть внешняя политика США, если бы Госдепартамент сохранил экспертизу по двусторонним отношениям с трудными партнерами и стратегическое видение времен Дж. Кеннана, Г. Киссинджера и Д. Шульца? Отлаженный внешнеполитический процесс и разумный прагматизм позволили бы США остаться наиболее сильным стратегическим игроком в долгосрочной перспективе, который смог бы воспрепятствовать эрозии коллективного Запада, наладить конструктивные отношения с Россией, управлять возростанием могущества Китая, стать центральной фигурой в ближневосточных делах и не ввязываться в сомнительные военные авантюры за рубежом. Тем не менее, искушение гегемонией в международных отношениях в 1990-х го-

дах было слишком сильно. США отошли от внешнеполитической стратегии, которая успешно служила им в XX веке, а Государственный департамент испытал “кризис призвания”.

Указанные проблемы конвертации внешнеполитического потенциала США во влияние трудно устранимы. Однако США могут себе позволить такое положение дел, пока сохраняется значительный дисбаланс в финансировании внешней политики между ними и ключевыми международными соперниками.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.06)

“VOCATION CRISIS” IN THE STATE DEPARTMENT: PROBLEMS OF CONVERTING US FOREIGN POLICY POTENTIAL INTO INFLUENCE

A.A. Sushentsov¹, V.V. Pavlov¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

SUSHENTSOV, Andrey Andreyevich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Director, Institute for International Studies, MGIMO University, email: a.sushentsov@inno.mgimo.ru; PAVLOV, Vladimir Vladimirovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Expert, Department for Academic Development, Research Editor, Institute for International Studies, MGIMO University, email: pavlov_v@mgimo.ru

Sushentsov A.A., Pavlov V.V. “Vocation Crisis” in the State Department: Problems of Converting US Foreign Policy Potential into Influence. — *Polis. Political Studies*. 2021. No. 2. P. 76-98. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.06>

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31066.

Received: 09.12.2020. Accepted: 12.01.2021

Abstract. Despite the high aggregate level of the US’ power, including its “soft power”, and significant amounts of funding allocated for diplomacy and the staffing thereof, a number of events in recent years indicate the problem of converting the foreign policy potential of the United States into real influence. An analysis of the evolution of US State Department priorities and work processes since the end of the Cold War suggests that presidential administrations have repeatedly approached this problem with various reform projects. However, none of them worked to solve the fundamental problem of the State Department. Secretaries of State entered the ministry with a new, often deeply idealistic, normative program, seeking to “reset” their department in a new way. Considering the practice of the State Department functioning in the administrations of George H.W. Bush, Bill Clinton, George W. Bush, Barack Obama, and Donald Trump, the authors come to the conclusion that the American foreign policy process suffers from a set of chronic problems which cannot be resolved and in some cases have even been incorrectly identified by the actors of US foreign policy. These include (1) the use of foreign policy as a tool for the implementation of domestic political goals, (2) an excessive normative emphasis on foreign policy goal-setting, and (3) the American foreign policy community losing the culture of developing qualification skills necessary for diplomacy. The authors state that the problem of converting the US foreign policy potential into influence is difficult to overcome, but the US is satisfied with the current state of affairs as long as there is a significant imbalance in foreign policy financing between them and key international rivals.

Keywords: US foreign policy, Department of State, Secretary of State, the White House, foreign policy decision-making.

References

- Art R.J. 1996. American Foreign Policy and the Fungibility of Force. — *Security Studies*. Vol. 5. No. 4. P. 7-42. <https://doi.org/10.1080/09636419608429287>
- Burns W.J. 2019. *The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal*. New York: Random House. 512 p.
- Daalder I., Destler I. 2009. *In the Shadow of the Oval Office: Profiles of the National Security Advisers and the Presidents They Served — from JFK to George W. Bush*. New York: Simon & Schuster. 400 p.

- Deibel T.L. 2007. *Foreign Affairs Strategy: Logic for American Statecraft*. Cambridge: Cambridge University Press. 450 p.
- Fettweis Ch. 2018. *Psychology of a Superpower: Security and Dominance in U.S. Foreign Policy*. New York: Columbia University Press. 280 p.
- Gans J. 2019. *White House Warriors: How the National Security Council Transformed the American Way of War*. New York: Liveright Publishing. 272 p.
- Herring G. 2011. *From Colony to Superpower: U.S. Foreign Relations since 1776*. Oxford: Oxford University Press. 1056 p.
- Hook S.W. 2019. *U.S. Foreign Policy: The Paradox of World Power*. 6th Edition. Washington, D.C.: CQ Press. 376 p.
- Jentleson B. 2013. *American Foreign Policy: The Dynamics of Choice in the 21st Century*. 5th Edition. New York: W.W. Norton & Company. 768 p.
- Kennan G.F. 1984. *American Diplomacy*. Chicago: The University of Chicago Press. xii, 171 p.
- King Ch. 2015. The Decline of International Studies. Why Flying Blind Is Dangerous. — *Foreign Affairs*. Vol. 94. No. 4. P. 88-98.
- Pape R.A. 1997. Why Economic Sanctions Do Not Work. — *International Security*. Vol. 22. No. 2. P. 90-136. <https://doi.org/10.1162/isec.22.2.90>
- Preeg E.H. 1999. *Feeling Good or Doing Good with Sanctions: Unilateral Economic Sanctions and the U.S. National Interest*. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies. 263 p.
- Scoville R.M. 2019. Unqualified Ambassadors. — *Duke Law Journal*. No. 71. P. 71-196.
- Thompson K.W. 1967. Normative Theory in International Relations. *Journal of International Affairs*. Vol. 21. No. 2. P. 278-92.
- Khrustalev M.A. 2008. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii* [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology]. Moscow: MGIMO-AEFIR. 232 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Хрусталеv М.А. 2008. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии*. М.: МГИМО-НОФМО. 232 с.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07)

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕХАНИЗМЫ КОНВЕРТАЦИИ В КОНСТРУКТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ

И.В. Самаркина, И.С. Башмаков

САМАРКИНА Ирина Владимировна, доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и психологии, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, email: smrkn@mail.ru;
БАШМАКОВ Игорь Станиславович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, email: igorbash87@mail.ru

Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи. — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 99–112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 “Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)”.

Статья поступила в редакцию: 24.09.2020. Принята к публикации: 21.12.2020

Аннотация. В статье представлены результаты исследования локальной идентичности городской молодежи и механизмов ее конвертации в общественно-политические практики (на материалах Краснодарского края). Поиск триггеров и моделей, актуализирующих локальную идентичность молодежи, а также механизмов конвертации этой идентичности в конструктивные практики молодежи составляет основную содержательную задачу исследования. Посредством теоретического анализа сформулирована концептуальная модель городской идентичности молодежи как части субъективного пространства политики и инварианта локальной идентичности. Она включает (а) молодежь в качестве субъекта-носителя идентичности, а также (б) содержательную составляющую (феномен локальной идентичности), (в) параметры объекта идентификации (города как значимого места — на данном жизненном этапе личности), (г) практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность, (д) систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности, (е) механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики. На основе проведенного эмпирического исследования выявлено место локальной идентичности в системе социальных и территориальных идентичностей городской молодежи; показана зависимость размера города и когорты молодежи с локальной идентичностью; описано семантическое пространство города и особенности его конфигурации в разных возрастных когортах молодежи; выявлены прямая и обратная модели конвертации смыслов локальной идентичности в социально-политические практики молодежи и показан их диалектический характер; определены и описаны три триггерные зоны конвертации локальной идентичности в социально-политические практики городской молодежи, обладающие различными ресурсами актуализации локальной идентичности (зона прямой конвертации, зона потенциальной конвертации локальной идентичности в конструктивные практики и зона потенциальной конвертации локальной идентичности в деструктивные практики); выявлены и описаны административно-управленческий, политический,

публичный и сетевой механизмы конвертации локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи.

Ключевые слова: субъективное пространство политики, локальная идентичность, городская идентичность, социально-политические практики, сетевые практики, молодежь, конвертация ресурсов идентичности, модели конвертации, механизмы конвертации.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Противоречивые социальные изменения, происходящие в современном обществе, тесно связаны как с институциональными, так и с неинституциональными аспектами функционирования политической системы. Для понимания факторов, определяющих содержание социально-политических практик, неинституциональные аспекты происходящих изменений являются столь же важным слагаемым, как и изменения институтов. Подчеркнем, что изменения, происходящие в направлении цифровизации и сетевизации общества, затронули как институциональные, так и неинституциональные стороны функционирования политики: мы наблюдаем процессы цифровизации, в том числе и политической жизни; а также изменения в ценностях, представлениях и установках, как минимум, отдельных возрастных групп, позволяющие говорить о формировании нового “цифрового” поколения. В фокус исследовательских интересов закономерно попадает самая активная, динамичная и организованная социально-демографическая группа общества — молодежь. Именно эта группа демонстрирует синергетический эффект влияния цифровизации.

Исследования спектра социальных идентичностей как части субъективного пространства политики стали в последнее время отдельным предметным полем междисциплинарных исследований. Вместе с тем большая часть исследований территориальной идентичности в зарубежной и отечественной науке посвящена национальной, наднациональной или субнациональной идентичности. Во всем многообразии территориальных идентичностей наиболее разработанным является понятие региональной идентичности [Morgan 1939; Seamon, Sowers 2008; Paasi 2011: 12]. В российской науке сформировалась собственная традиция исследования региональной идентичности [Мелешкина 1999; Туровский 2003; Смирнягин 2007; Назукина 2011].

Понятие локальной (городской, поселенческой, соседской) идентичности находится в стадии концептуализации и наполнения его эмпирическим содержанием. Эту идентичность связывают с идентичностью места [Lynch 1960], рассматривают как пространство значений и смыслов для его обитателей [Tuan 1977], как городскую (урбанизированную) идентичность [Oktay 2002], имеющую ряд составляющих [Bonaiuto et al. 1999]. Исследованы важные аспекты локальной идентичности: местная традиция [Bessière 1998], физический, социальный, чувственный, исторический аспекты [Shao 2014]. Обозначено направление исследования локальной идентичности жителей отдельных городов [Keogan 2002], практик местного гражданского активизма [Bauder 2016], практик именования улиц и сохранения памятников [Bass, Houghton 2018], возрождения локальных ритуалов [DiGregorio 2007], локальной идентичности как фактора развития экономического потенциала сообщества [Rausch 2005]. Важным аспектом исследования локальной идентичности является изучение локального активизма и его взаимосвязи с восприятием локального сообщества [Houston 2015; Kreek 2016; O’Brien 2005; Tartaglia, Rossi 2015].

Концептуализация понятия локальной идентичности в отечественной науке отражена в работах И.Ю. Окунева [Окунев 2018], Р.В. Евстифеева [Евстифеев 2017а], Е.В. Морозовой и Е.В. Улько [Морозова, Улько 2008]. Осмысление отдельных факторов, формирующих локальную идентичность, представлено в работах Н.Г. Федотовой [Федотова 2017], Е.Г. Довбыща [Довбыш 2012]. Проблемы теоретического осмысления и исследования отдельных аспектов городской идентичности представлены в работах Г.В. Горновой [Горнова 2018], Н.С. Дягилевой [Дягилева 2013], Е.О. Евсеенковой [Евсеенкова 2014] и др.

Большинство работ, посвященных изучению территориальных идентичностей молодежи, сопряжено с проблематикой гражданской [Теняева 2018; Арутюнова 2017], политической [Руткаускайте 2011], региональной [Миронцева, Бориско, Башмаков 2019] идентичностей, а также с изучением цифровой социализации как фактора, влияющего на пространство идентификации молодежи [Солдатов 2018].

Отдельно необходимо выделить исследования, выявляющие механизмы и практики взаимосвязи локальной идентичности, гражданского активизма и политического участия. Х. Бодер рассматривает локальный гражданский активизм как один из эффективных способов формирования городской идентичности коренных жителей и приезжих. На материалах исследования протестных акций в США и Канаде автор показывает, что главным фактором формирования городской идентичности становится общая политическая субъектность, основанная на солидарности местных жителей и приезжих в таких вопросах, как легализация и предоставление убежища мигрантам, трудовая дискриминация, борьба с расизмом, защита окружающей среды [Bauder 2016]. Р.В. Евстифеев отмечает, что именно активные и инициативные граждане, объединенные в неформальные группы, а также экспертные сообщества, становятся центром процессов солидаризации и оказывают влияние на формирование локальной идентичности. Они переосмысливают и переструктурируют прошлое и настоящее города, создают насыщенные смыслом и понятные для местного сообщества символы. Главными проблемами для развития такого сообщества становятся эффективное взаимодействие с органами власти в городе и трансфер символов и элементов идентичности в социально-политические практики [Евстифеев 2017б]. Роль политической субъектности в формировании локальной идентичности описывают Е.В. Морозова и Е.В. Улько, определяя пять типов такой субъектности жителей Краснодарского края в зависимости от степени актуализации локальной идентичности и с учетом связи когнитивного и оценочного компонентов идентичности с поведенческим [Морозова, Улько 2008].

Таким образом, в современной политической науке созданы теоретические предпосылки для концептуализации понятия локальной идентичности молодежи как многосоставного феномена в системе субъективного пространства политики, понимаемого как совокупность символических, идеологических и культурных образований, обуславливающих содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, функционирующих в политической сфере и влияющих на формы политических институтов и властных отношений [Самаркина 2017: 380].

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Концептуальная модель исследования строится на основе интеграции нескольких исследовательских парадигм. Использование феноменологического подхода к изучению жизненного мира позволяет рассмотреть ло-

кальную идентичность молодежи в системе субъективного пространства политики как результат восприятия ею жизненного мира, детерминированного особенностями локации и содержания деятельности этой особой социально-демографической группы общества. Социокультурный подход к исследованию политической реальности позволяет сопрягать анализ макropolитических процессов и их проекции на уровень индивида и сообществ, с которыми этот индивид себя соотносит. Концепция политических изменений И.С. Семененко и В.В. Лапкина [Лапкин, Семененко 2014] дает инструментарий анализа “человека постмодерна”, представителя “общества знаний” и носителя “гибридной идентичности”, который может реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате политики.

Локальная идентичность является низовым уровнем территориально-пространственной идентификации и связана с чувством сопричастности человека месту его проживания и/или происхождения [Назукина 2017: 512]. Концептуальная модель анализа локальной идентичности молодежи включает: параметры субъекта (молодежи), определяющие специфику этой социально-демографической группы; содержание феномена локальной идентичности; параметры объекта идентификации — поселения или иного места, значимого на данном жизненном этапе личности; практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность; систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности; механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики.

Эмпирическую базу исследования составили стенограммы 16 фокус-групп, проведенных в марте и апреле 2020 г. с молодежью городов Краснодарского края (Краснодар, Новороссийск, Сочи и Армавир). Верификация концептуальной модели проводилась на основе комплексной методики, в которую были интегрированы классические методы сбора эмпирической информации и специальные социально-психологические методики, адаптированные под задачи исследования.

Для исследования места локальной идентичности в системе социальных идентичностей молодежи был использован модифицированный вариант методики Куна-Макпартленда. В иерархии социальных идентичностей молодежи локальная (городская) идентичность ожидаемо не является доминирующей: локальная идентичность упоминается в ответах примерно пятой части участников фокус-групп в классической шкале идентичностей. Чаше упоминается общенациональная идентичность в ее прямом обозначении (гражданин России). Однако при актуализации задачи (назвать место, которое важно для человека) городская идентичность, наряду с региональной, выходит на лидирующие позиции в иерархии территориальных идентичностей. Нами выявлено, что значимость локальной принадлежности связана с размером города и социальной группой молодежи: чем меньше город, тем он оказывается более значимым для проживающей в нем молодежи; наиболее тесная эмоциональная связь с городом выявлена в самой младшей когорте молодежи (у школьников).

Содержание городской идентичности молодежи исследовалось с помощью адаптированной методики семантического дифференциала [Осгуд, Суси, Танненбаум 1972], позволившей описать семантическое пространство города как модель целостности мира [Bohm 1985], соединяющей две реальности: мир физический и мир смыслов [Налимов 1989], взаимосвязь между которыми обеспечивается потоками информации [Бергсон 2009; Уайтхед 1990]. Участники исследования выражали свое отношение к городу, в котором они живут, по параметрам шкалы классического семантического дифференци-

ала: хороший/плохой, приятный/неприятный, сильный/слабый, большой/маленький, быстрый/медленный, активный/пассивный, свой/чужой.

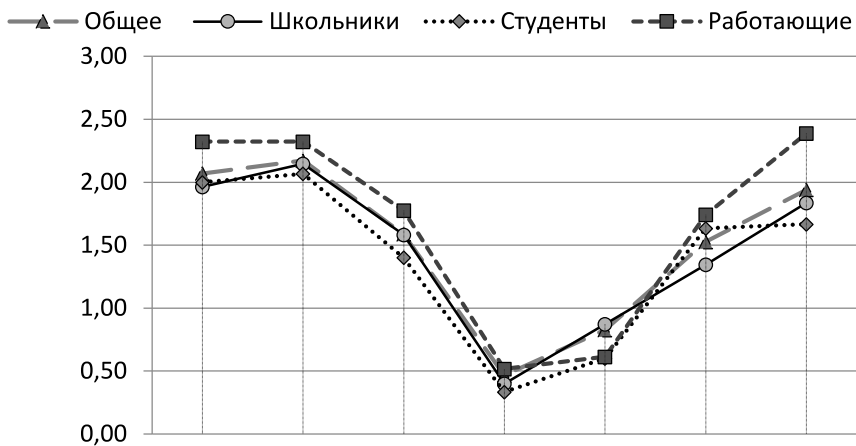
Результаты интерпретировались в контексте данных фокус-групп, что дало возможность также выявить знак идентичности (негативная, нейтральная, позитивная), т.е. преобладающий эмоционально-оценочный фон идентификационных характеристик. Полученные результаты позволяют нам описать семантическое пространство города в восприятии молодежи и выявить компоненты этого пространства, актуализирующие локальную идентичность в исследуемой социальной группе (параметры семантического дифференциала, получившие высокие баллы по шкале от 2 до 3), и те компоненты, потенциал которых не в полной мере реализован (баллы в позитивном спектре шкалы от 0 до 2); а также компоненты, блокирующие позитивную и формирующие негативную локальную идентичность (ниже нуля по шкале).

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК ЧАСТЬ ЖИЗНЕННОГО МИРА МОЛОДЕЖИ

В целом город как пространство жизненного мира воспринимается молодежью позитивно. Среди семи основных параметров описания города выше всего (максимально позитивно) по шкале располагаются параметры *оценки* (хороший, приятный) и *принадлежности* (свой), составляющие основу самоидентификации молодежи с ним (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Город в групповом семантическом пространстве молодежи
(базовая часть методики семантического дифференциала)
The City in the Group Semantic Space of Youth
(The Basic Part of the Semantic Differential Methodology)

	Хороший / плохой	Приятный / неприятный	Сильный / слабый	Большой / маленький	Быстрый / медленный	Активный / пассивный	Свой / чужой
Общее	2,07	2,17	1,59	0,47	0,83	1,53	1,94
Школьники	1,96	2,15	1,58	0,40	0,87	1,35	1,84
Студенты	2,00	2,07	1,40	0,33	0,60	1,63	1,67
Работающие	2,32	2,32	1,77	0,52	0,61	1,74	2,39

Минимальные значения имеют параметры семантического пространства, отражающие *активность* объекта восприятия — города (большой/маленький и быстрый/медленный). Эти параметры имеют значение выше нуля (т.е. оцениваются также позитивно), но ниже относительно других (в диапазоне 0,33-0,52 по шкале от -3 до +3), и отражают выявленную в фокус-группах тенденцию противоречивого отношения к объекту идентификации (городу), обуславливающего траекторию социальной мобильности (“возможно, уеду”; “хочу найти место, где смогу реализоваться в полной мере”).

Дифференциация параметров семантического пространства города по шкале от минимальных значений к максимальным описывается последовательностью (от максимальных значений к минимальным): город, в котором живет молодежь однозначно хороший (2,07) и приятный (2,17); в целом свой (1,94); в целом сильный (1,59); активный (1,53); скорее быстрый, чем медленный (0,83); скорее большой, чем маленький (0,47). Анализ семантического пространства города, исходящий из того, что в представлениях молодежи гармонично и позитивно воспринимаемое пространство жизненного мира является основой для формирования позитивного типа идентичности, позволил выявить привлекательные и проблемные зоны этого пространства. Соответственно, технологические усилия властей должны быть направлены на расширение сферы конструктивной активности молодежи для того, чтобы в ее восприятии расширить пространство города и обеспечить рост параметров скорости и активности.

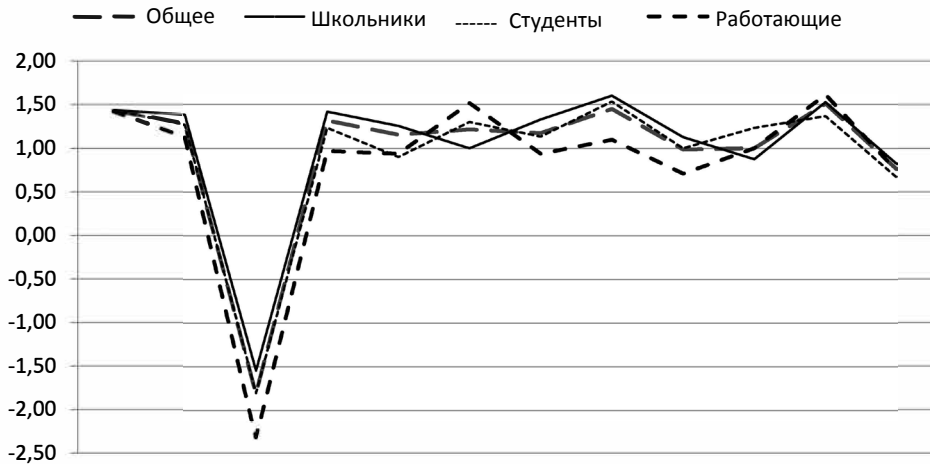
Для спецификации семантического пространства города участников фокус-групп просили выразить свое отношение и к параметрам, характеризующим социальное самочувствие людей, окружающий мир (природу), власть, общество, политику, единство городского пространства, социальный контекст (см. рис. 2). Общая конфигурация семантического пространства города в восприятии различных групп городской молодежи в базовом или специальном форматах (см. рис. 1, 2) не имеет принципиальных отличий. Вместе с тем дифференциация семантического пространства города на основе его специфических параметров показала, что их коннотативное значение для городской молодежи значительно ниже описанных выше базовых характеристик. Для сравнения отметим, что максимум по базовой шкале составил 2,17 (приятный город), по специфическим параметрам максимальное значение только 1,51 (отношение к *другим* — терпимое). Нижней точкой семантического пространства города стало восприятие этнической ситуации: на шкале между “люди одной национальности” и “много национальностей” ответы участников исследования сконцентрировались у позиции “много национальностей” (-1,81), что отражает в целом ситуацию во всех исследуемых городах Краснодарского края.

Контуры семантического пространства города по специфическим параметрам выглядят следующим образом (от максимума к минимуму): скорее терпимое отношение к другим (1,51); скорее свободное общество (1,45); скорее добрые люди (1,43); в социальном самочувствии доминирует социальный оптимизм (1,32); скорее здоровые люди (1,28); скорее чистая природа (1,22); скорее демократическая власть (1,17); скорее стабильное социально-экономическое положение (1,16); скорее единое пространство города (1,00). Они отражают имеющийся в представлениях молодежи, но пока не в полной мере реализованный потенциал локальной идентичности и могут выступать основанием для поиска направлений работы с молодежью.

Амбивалентное, противоречивое восприятие города в молодежной среде фиксируется в отношении к политике (0,98 — почти медианное значение между “политика для людей” и “политика для политиков”). Это опасный симптом, потенциально формирующий “негативную” идентичность, проявляющуюся в абсентеизме в самом широком смысле этого слова и в склонности к протестным настроениям в политике.

Рисунок 2 (Figure 2)

Город в групповом семантическом пространстве молодежи
(специальная часть методики семантического дифференциала)
The City in the Group Semantic Space of Youth
(*The Special Part of the Semantic Differential Methodology*)

	Люди добрые / злые	Люди здоровые / больные	Люди одной национальности / много национальностей	Социальное самочувствие: оптимизм / пессимизм	Социально-экономическое положение: стабильное / нестабильное	Природа чистая / загрязненная	Власть демократическая / авторитарная	Общество свободное / несвободное	Политика для людей / для политиков	Пространство единое / дифференцированное	Отношение к другим: Терпимое / нетерпимое	Религиозный / светский
Общее	1,43	1,28	-1,81	1,32	1,16	1,22	1,17	1,45	0,98	1,00	1,51	0,76
Школьники	1,44	1,38	-1,55	1,42	1,25	1,00	1,33	1,60	1,13	0,87	1,53	0,82
Студенты	1,43	1,27	-1,80	1,23	0,90	1,30	1,13	1,53	1,00	1,23	1,37	0,67
Работающие	1,42	1,13	-2,32	0,97	0,94	1,52	0,94	1,10	0,71	1,00	1,61	0,74

Максимальное расхождение имеют два параметра общей части дифференциала (хороший/плохой и свой/чужой). В первом случае (хороший/плохой)

максимальное расхождение в восприятии выявлено между группами работающей молодежи (2,34 — абсолютно хороший) и школьниками (1,96 — в целом хороший). Во втором случае (свой/чужой) — между группами работающей молодежи (2,39 — абсолютно свой) и студентами (1,67 — в целом свой). Это расхождение объясняется направленностью траектории социальной мобильности молодежи и подтверждается данными, полученными в рамках фокус-групп. Школьники, как правило, достаточно критично относятся к городу проживания и ориентированы в большинстве случаев на реализацию идеальной модели социальной мобильности — поступить в престижный вуз и покинуть родной город. В группе студентов локальную идентичность можно определить скорее как “формирующуюся”, поскольку именно эта группа молодежи включает в себя максимальное количество приезжих (относительно других исследуемых групп молодежи), еще только формирующих представления о новой социальной локации и социальных практиках, связанных с ней.

Еще меньше отличий между группами молодежи выявлено в конфигурации семантического пространства города, построенного по параметрам специальной части семантического дифференциала (см. рис. 2). Оно практически совпадает в восприятии людьми своего здоровья, терпимого отношения к другим и восприятии конфессионального пространства города. Вместе с тем имеются очень небольшие акценты в восприятии разнообразия этнического состава города. Максимальное расхождение по этому параметру, очевидно, определяемое жизненным опытом и масштабом социальных контактов, мы обнаружили между школьниками и работающей молодежью. Следует отметить, что семантические пространства города именно этих групп молодежи по большинству параметров также имеют некоторые расхождения: восприятие социального самочувствия, социально-экономического положения, экологической ситуации, власти, общества, политики. И только в восприятии единства городского пространства максимальное расхождение мы обнаружили между работающей молодежью и студентами, что объяснимо, если брать во внимание “становящуюся” локальную идентичность студентов.

МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ КОНВЕРТАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ

Результаты исследования позволяют определить модели и триггерные зоны конвертации локальной идентичности в социально-политические практики. Взаимосвязь содержания локальной идентичности и практик ее реализации имеет диалектический характер и описывается двумя моделями конвертации — прямой и обратной.

В первом случае (прямая конвертация) актуализированные смыслы, связанные с локальным через механизмы конвертации, трансформируются в социально-политические практики: *“мы любим город и чувствуем себя в нем своими людьми. Мы знаем все, что в городе происходит: где, что и как! Мы знаем многих людей и многие (благодаря нашей работе для города) знают нас! Поэтому мы ощущаем себя своими! Это — наш город!”* (Армавир, школьники).

Во втором случае (обратная модель конвертации) через общественно-политические практики актуализируются смыслы, связанные локальным: *“Во многих наших проектах не было цели формировать локальную идентичность. Но я вижу, что чувство сплоченности, причастности городскому сообществу возникает как ‘побочный эффект’ таких проектов; люди узнают друг друга, получают положительные эмоции, начинают ощущать свое единство и причастность”* (Краснодар, студенты).

В рамках исследования выявлены три триггерные зоны конвертации локальной идентичности в социальные и социально-политические практики городской молодежи, обладающие различными ресурсами актуализации локальной идентичности: зона прямой конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные практики молодежи; зона потенциальной конвертации и зона потенциальной конвертации ресурсов локальной идентичности в деструктивные (в том числе протестные) социально-политические практики молодежи.

Ближе всего к зоне прямой конвертации находится восприятие города как пространства многонациональных отношений.

В зоне потенциальной конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социальные и социально-политические практики молодежи находятся следующие направления (практики) работы с молодежью:

— ориентированные на помощь горожанам: *“Ты вдруг начинаешь понимать, что радостные лица, эмоции и хорошее настроение многих десятков людей вокруг тебя — детей, молодежи, взрослых — это благодаря тому, что сделали мы!”* (Армавир, школьники);

— формирующие здоровый образ жизни: *“Я согласна, что не только материально можно помогать городу. Можно просто позвать друзей выйти на площадь и вместе позаниматься спортом (описывает проект ‘Городская зарядка’). В этом нет ничего трудного, но это будет сближать граждан”* (Краснодар, школьники);

— ориентированные на решение актуальных социальных проблем, влияющие на социальное самочувствие молодежи и улучшающие ее социально-экономическое положение: *“Общественная жизнь сближает людей и сближает тебя с городом. Поступив в техникум и начав активную общественную деятельность, я ближе познакомилась с городом и действительно его полюбила. Я здесь учусь, собираюсь здесь работать и жить дальше!”* (Сочи, студенты);

— вписанные в пространство (экологию) города: *“Я делаю город лучше прямо сейчас: я не выкидываю мусор на улицах, сортирую его. Мне кажется, это хоть и не масштабное мероприятие, но помогает сделать мой город лучше”* (Краснодар, студенты);

— ориентированные на взаимодействие с местной властью: *“Молодежь знает главу города, с ним можно встретиться и поговорить. Не только с ним, с депутатами, они нас тоже слышат и работают с нами. Важно, что с ними у нас не только официальные, но и неформальные отношения. Мы (ученический совет) периодически играем в футбол с депутатами Городской думы (Армавира) и депутатами Законодательного собрания (Краснодарского края)”* (Армавир, школьники);

— отражающие опыт открытого свободного взаимодействия субъектов публичной сферы: *“Я не сразу почувствовала себя нужной, своей в этом городе (Сочи), пока не начала делать что-то полезное. Я стала волонтером. Когда принадлежишь какой-то группе и делаешь что-то полезное, ты чувствуешь, что ты нужен этим людям и этому городу”* (Сочи, студенты);

— продвигающие толерантное отношение к другим: *“Конечно, такие проекты формируют чувство городского единства! Вы знаете, как хорошо после таких мероприятий! Я чувствую себя нужной людям. Вижу, как мои действия меняют взаимоотношения между людьми!”* (Сочи, школьники).

В зоне потенциальной конвертации ресурсов локальной идентичности в деструктивные (в том числе протестные) социальные и социально-политические практики молодежи находятся две точки семантического пространства города:

— единство и комфорт городского пространства для молодежи: *“Конечно, общественные организации могут привлечь внимание к проблеме (обсуждается*

городская свалка), но решить проблему мы не можем, поскольку у нас для этого нет никаких средств и сил” (Краснодар, студенты);

— городское публичное пространство, политический сегмент которого, по мнению существенной части молодежи, является для нее закрытым: “У нас есть желание решить проблемы, которые накопились. Но от того, что мы будем ходить с плакатами и что-то говорить, ничего не изменится, только усугубится” (Краснодар, студенты).

Совмещение описанных семантических пространств позволяет нам сформулировать основные технологии конвертации потенциала локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи: вовлечение молодежи в практики, формирующие субъектную позицию, публично позитивно оцениваемые лидерами мнений и представителями основных групп городского сообщества, направленные на формирование единого, динамичного, комфортного городского пространства и расширение его субъективного восприятия молодежью, включающего актуальные для молодежи сферы ее жизненного мира. Среди выявленных механизмов конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи отметим следующие.

1. Административно-управленческий механизм, предполагающий целенаправленное регулирование и активизацию социальной активности молодежи через планируемые проекты и мероприятия, включающие ресурсы нескольких участников муниципальной молодежной политики: “У нас периодически проходят встречи с главой города, там мы предлагаем наши проекты. Он наши проекты рассматривает и помогает в реализации” (Армавир, школьники).

2. Политический механизм, актуализирующий значимые смыслы за счет конвертации значимых ценностей (патриотических) в локальную и социальную проекцию: “К нам каждый год приходят ветераны войны, рассказывают о войне, о тех ужасах, с которыми столкнулись люди, и подвигах на фронте и в тылу. Мороз по коже — когда понимаешь, что все это происходило именно здесь” (Армавир, школьники).

3. Публичный механизм конвертации, включающий в себя общественные организации в качестве инициаторов практик: “Наш Молодежный парламент реализует проект ‘Время истории’. Это викторины для школьников, мы провели их до пандемии в восемнадцати школах Краснодара. Я считаю, что это очень важный проект, несмотря на то что он неосязаем” (Краснодар, студенты).

4. Отдельного внимания заслуживает сетевой механизм конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи в цифровом пространстве через практики использования социальных медиа, интернет-сайтов, форумов для получения необходимой информации, индивидуальные коммуникации, которые использует основная часть молодежи, практики цифрового участия, связанного с различными форматами создания информационной повестки, внедрения общественных инициатив, вовлечения других пользователей в конкретные практики, которые в дальнейшем могут быть интегрированы в реальное публичное пространство.

Проведенное исследование позволило конкретизировать представления о содержании и механизмах взаимосвязи неинституциональных компонентов политики, конвертации феноменов субъективного пространства политики в реальные общественно-политические практики.

Установлено, что локальная идентичность является низовым уровнем территориально-пространственной идентификации и связана с чувством причастности человека месту его проживания и/или происхождения. Определены основные компоненты концептуальной модели анализа локальной идентичности молодежи: параметры субъекта (молодежи), определяющие специфику этой социально-демографической группы; содержание феномена локальной идентичности; параметры объекта идентификации — поселения как значимого на данном жизненном этапе личности места; практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность; систему факторов, влияющих на процесс ее актуализации, формирования и динамики; механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики.

В рамках исследования выявлены три триггерные зоны, обладающие различными ресурсами актуализации локальной идентичности и выявлены основные механизмы конвертации ресурсов локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи: административно-управленческий, политический, публичный и сетевой.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07)

LOCAL IDENTITY AND MECHANISMS OF ITS CONVERSION INTO CONSTRUCTIVE SOCIO-POLITICAL PRACTICES OF YOUTH

I.V. Samarkina¹, I.S. Bashmakov¹

¹ *Kuban State University. Krasnodar, Russia*

SAMARKINA, Irina Vladimirovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of Management and Psychology Faculty, Professor of Public Policy and Public Management Department, Kuban State University, email: smrkn@mail.ru; **BASHMAKOV, Igor Stanislavovich**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor of Public Policy and Public Management Department, Kuban State University, email: igorbash87@mail.ru

Samarkina I.V., Bashmakov I.S. Local Identity and Mechanisms of its Conversion into Constructive Socio-Political Practices of Youth. — *Polis. Political Studies*. 2021. No. 2. P. 99-112. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and administration of Krasnodar Territory, project number 19-411-235002 “Local identity as a resource for the involvement of youth of a big and large city in constructive socio-political practices (based on materials from the Krasnodar Territory)”.

Received: 24.09.2020. Accepted: 21.12.2020

Abstract. The results of the authors' research concerning local (urban) youth identity, alongside the manner in which it develops into constructive socio-political practices, are presented in this article (based on materials from the Krasnodar Territory). The authors describe urban youth identity as a part of the subjective space influencing the organizational forms and content of local youth socio-political practices and their participation in power relations. The theoretical model includes parameters of youth as a specific socio-demographic group such as a special stage of socialization, attitudes towards social mobility, type of organization, number, etc. The content of local identity and the parameters of the city as an identification object were taken into consideration. The conceptual model also includes practices of social activity in which local identity is realized, a system of factors influencing the process by which local identity actualizes, forms, and changes, and mechanisms for converting local identity into social practices. Empirical research showed that local (urban) identity informs the social and territorial identities of urban youth, and its character depends on the size of the city and the category of young people. The authors describe the semantic space of the city (the attitude towards the city) and the features of its configuration in different age groups. The direct and inverse models of converting the meanings of local (urban) identity into the socio-political practices of young people and their dialectical nature were revealed. Three trigger zones actualizing local identity and converting it into socio-political practices were characterized (a zone of direct conversion, a zone of potential conversion of local identity into constructive practices, and a zone of potential conversion of local identity into destructive practices). The administrative, political, public, and network mechanisms for converting local (urban) identity into constructive socio-political practices of youth were identified and described.

Keywords: subjective space of politics, local identity, urban identity, socio-political practices, network practices, youth, conversion of identity resources, conversion models, conversion mechanisms.

References

- Bass O., Houghton J. 2018. Street Names and Statues: The Identity Politics of Naming and Public Art in Contemporary Durban. — *Urban Forum*. Vol. 29. No. 4. P. 413-427.
- Bauder H. 2016. Possibilities of Urban Belonging. — *Antipode*. Vol. 48. No. 2. P. 252-271. <http://doi.org/10.1111/anti.12174>
- Bessièrre J. 1998. Local Development and Heritage: Traditional Food and Cuisine as Tourist Attractions in Rural Areas. — *Sociologia Ruralis*. Vol. 38. No. 1. P. 21-34. <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00061>
- Bohm D. 1985. *Unfolding Meaning. A Weekend of Dialogue with David Bohm*. London: Emissary Foundation International. 192 p.
- Bonaiuto M., Aiello A., Perugini M., Bonnes M., Ercolani A.P. 1999. Multidimensional Perception of Residential Environment Quality and Neighbourhood Attachment in the Urban Environment. — *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 19. No. 4. P. 331-352. <https://doi.org/10.1006/jevp.1999.0138>
- DiGregorio M. 2007. Things Held in Common: Memory, Space and the Reconstitution of Community Life. — *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 38. No. 3. P. 441-465. <http://doi.org/10.1017/s0022463407000215>
- Houston C. 2015. Politicizing Place Perception: a Phenomenology of Urban Activism in Istanbul. — *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 21. P. 720-738. <http://doi.org/10.1111/1467-9655.12284>
- Keogan K.A. 2002. Sense of Place: The Politics of Immigration and the Symbolic Construction of Identity in Southern California and the New York Metropolitan Area. — *Sociological Forum*. Vol. 17. No. 2. P. 223-253.
- Kreek M. de. 2016. *Collective Empowerment through Local Memory Websites: Balancing Between Group Interest and Common Good*. Rotterdam: Erasmus University Rotterdam. 122 p.
- Lynch K. 1960. *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press. 208 p.
- Morgan F.W. 1939. Three Aspects of Regional Consciousness. — *Sociological Review*. Vol. 31. No. 1. P. 68-88. <http://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1939.tb02019.x>
- O'Brien E.A. 2005. Publics and Woodlands in England: Well-Being, Local Identity, Social Learning, Conflict and Management. — *Forestry: An International Journal of Forest Research*. Vol. 78. No. 4. P. 321-336. <https://doi.org/10.1093/forestry/cpi042>
- Oktay D. 2002. The Quest for Urban Identity in the Changing Context of the City. — *Cities*. Vol. 19. No. 4. P. 261-271. [http://doi.org/10.1016/S0264-2751\(02\)00023-9](http://doi.org/10.1016/S0264-2751(02)00023-9)
- Paasi A. 2011. The Region, Identity, and Power. — *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 14. P. 9-16. <http://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.011>
- Rausch A.S. 2005. Local Identity, Cultural Commodities, and Development in Rural Japan: The Potential as Viewed by Cultural Producers and Local Residents. — *International Journal of Japanese Sociology*. Vol. 14. P. 122-137. <http://doi.org/10.1111/j.1475-6781.2005.00073.x>
- Seamon D., Sowers J. 2008. Ch. 6. Place and Placelessness (1976): Edward Relph. — *Key Texts in Human Geography*. Ed. by P. Hubbard, R. Kitchen, G. Vallentine. London: Sage. P. 43-51. <http://doi.org/10.4135/9781446213742.n6>
- Shao Y. 2014. *Local Identity Identification & Assessment the Theory, Methodology and Practice of Discovering Local Identity in Yantai, China*. PhD Thesis, University of Sheffield.
- Tartaglia S., Rossi M. 2015. The Local Identity Functions in the Age of Globalization: A Study on a Local Culture. — *Community Psychology in Global Perspective*. Vol. 1. No. 1. P. 105-121. <http://doi.org/10.1285/i24212113v1i1p105>
- Tuan Yi-fu. 1977. *Space and Place: The Perspective of Experience*. London: Edward Arnold. 235 p.
- Arutyunova E.M. 2017. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i ehtnicheskaya identichnosti molodezhi: obshcherossiiskii kontekst i regional'naya spetsifika [State-Civil and Ethnic Identities of the Youth: the all-Russian Context and Regional Specificity]. — *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in Reforming]. Ed. by M.K. Gorshkov. Iss. 15. Moscow: New Chronograph. P. 259-272.
- Bergson H. 2009. L'Évolution créatrice. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya ehvolyutsiya*. Moscow: Direkt-Media. 608 p.)
- Dyagileva N.S. 2013. Teoreticheskie aspekty gorodskoi identichnosti [Theoretical Aspects of Urban Identity]. — *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Branding of Small and Medium-sized Cities in Russia: Experience, Problems, Prospects: Materials of the International Scientific and Practical Conference] (Yekaterinburg, March 28-29, 2013). Yekaterinburg: UrFU. P. 54-59. (In Russ.)
- Dovysh E.G. 2012. Network Technologies of Shaping Urban Identity. — *Human. Community. Management*. No. 4. P. 111-118. (In Russ.)
- Evseenkova E.O. 2014. The Modality of Urban Identity. — *Perm Federal Research Centre Journal*. No. 5. P. 80-86. (In Russ.)
- Evstifeev R.V. 2017a. Research of Local Identities: Theoretical Approaches and Perspective Directions. — *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 3. No. 2. P. 3-9. (In Russ.) <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9>
- Evstifeev R.V. 2017b. Tsennosti lokal'noi identichnosti i potentsial mestnykh soobshchestv v protsesse vzaimodeystviya s organami vlasti [Local Identity Values and the Potential of Local Communities in the Process of Interaction with Authorities]. — *Rossiiskaya gosudarstvennost' v XXI veke: modeli i perspektivy sotsial'no-*

politicheskogo razvitiya. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii [Russian Statehood in the XXI Century: Models and Prospects of Socio-Political Development. Materials of the Scientific and Practical Conference]. (Vladimir, October 13, 2017). Vladimir: VFGBOU VO "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation". P. 88-91. (In Russ.)

Fedotova N. 2017. The Formation of Urban Identity: Factorial and Institutional Aspects. — *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 20. No. 3. P. 32-49. (In Russ.)

Gornova G.V. 2018. Harmony between the City and the Man: Problems of Forming City Identity. — *PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics*. No. 3. P. 43-56. (In Russ.) <http://doi.org/10.23951/2312-7899-2018-3-43-56>

Lapkin V.V., Semenenko I.S. 2014. Lichnost' i politika v sotsial'noi real'nosti "infomodernity" [Personality and Politics in Social Reality "infomodernity"]. — *Political Changes in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting*. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin. Moscow: IMEMO RAN. P. 177-200. (In Russ.)

Meleshkina E.Yu. 1999. Regional'naya identichnost' kak sostavlyayushchaya problematiki rossiiskogo politicheskogo prostranstva [Regional Identity as a Component of the Problems of the Russian Political Space]. — *Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoi kul'tury v Rossii: materialy seminarov* [Regional Self-awareness as a Factor in the Formation of Political Culture in Russia: Materials of the Seminar] (Tver, March 5-7, 1999). Ed. by M.V. Ilyin, I.M. Busygina. Moscow: Moscow Public Science Foundation (MPSF). P. 126-137. (In Russ.)

Mirontseva S.A., Borisko O.A., Bashmakov I.S. 2019. *Formirovanie regional'noi identichnosti molodezhi v kul'turno-obrazovatel'noi srede Krasnodarskogo kraia: monografiya* [Formation of Regional Identity of Youth in the Cultural and Educational Environment of the Krasnodar Territory: Monograph]. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya. 212 p. (In Russ.)

Morozova E.V., Ulko E.V. 2008. Local Identity: Forms of Actualization and Types. — *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 4. No. 4. P. 139-151. (In Russ.)

Nalimov V.V. 1989. *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality]. Moscow: Prometheus Publisher. 288 p. (In Russ.)

Nazukina M.V. 2011. Regional'naya identichnost' [Regional Identity]. — *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 1: Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: Slovar' terminov i ponyatii* [Political Identity and Identity Politics: In 2 vol. Vol. 1: Identity as a Category of Political Science: Glossary of Terms and Concepts]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: ROSSPEN. P. 143-147. (In Russ.)

Nazukina M.V. 2017. Lokal'naya identichnost' [Local Identity]. — *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir. P. 512-516. (In Russ.)

Okunev I.Yu. 2018. Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts. — *Comparative Politics, Russia*. Vol. 9. No. 1. P. 18-25. (In Russ.) <http://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00002>

Osgood C.E., Suci G., Tannenbaum P. 1972. *The Measurement of Meaning*. (Russ. ed.: Osgood C.E., Suci G., Tannenbaum P. Prilozhenie metodiki semanticheskogo differentsiala k issledovaniyam po ehstetike i smezhnym problemam. — *Semiotika i iskusstvometriya*. Yu.M. Lotman, V.M. Petrov. Moscow: Mir Publishers. P. 278-297.)

Rutkauskaite M.V. 2011. Formirovanie politicheskoi identichnosti molodezhi posredstvom napravlennoi politicheskoi sotsializatsii [Formation of Political Identity of Youth Through Targeted Political Socialization]. — *Bulletin of Perm University. Political Science*. No. 3. P. 19-28. (In Russ.)

Samarkina I.V. 2017. Sub'ektivnoe prostranstvo politiki [Subjective Space of Politics]. — *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves Mir. P. 380-384. (In Russ.)

Smirnyagin L.V. 2007. O regional'noi identichnosti [About Regional Identity]. — *Menyayushchayasya geografiya zarubezhnogo mira. Issue 17: Voprosy ehkonomicheskoi i politicheskoi geografii zarubezhnykh stran* [The Changing Geography of the Foreign World. No. 17. Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries]. Ed. by A.S. Fetisov, I.S. Ivanova, I.M. Kuzina. Moscow, Smolensk: Oikumena. P. 21-49. (In Russ.)

Soldatova G.U. 2018. Digital Socialization in the Cultural-Historical Paradigm: A Changing Child in a Changing World. — *Social Psychology and Society*. Vol. 9. No. 3. P. 71-80. (In Russ.) <http://doi.org/10.17759/sp.s.2018090308>

Tenyaeva O.V. 2018. Grazhdanskaya identichnost' kak osnova formirovaniya sotsial'noi aktivnosti rossiiskoi molodezhi [Civic Identity as the Basis for the Formation of Social Activity of Russian Youth]. — *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. Vol. 4. No. S2. P. 248-253. (In Russ.)

Turovsky R.F. 2003. Sootnoshenie kul'turnykh landshaftov i regional'noi identichnosti v sovremennoi Rossii [Correlation of Cultural Landscapes and Regional Identity in Contemporary Russia]. — *Identichnost' i geografiya v postsovet'skoi Rossii* [Identity and Geography in Post-Soviet Russia]. Ed. by M. Bassin, K.E. Aksekov, St. Petersburg: Helikon Plus. P. 139-173. (In Russ.)

Whitehead A.N. 1990. *Izbrannyye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Moscow: Progress. 720 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Арутюнова Е.М. 2017. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика. — *Россия реформирующаяся*. Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 15. М.: Новый Хронограф. С. 259-272.

- Бергсон А. 2009. Творческая эволюция. Москва: Директ-Медиа. 608 с.
- Горнова Г.В. 2018. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности. — *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. № 3. С. 43-56. <http://doi.org/10.23951/2312-7899-2018-3-43-56>
- Довбыш Е.Г. 2012. Сетевые технологии формирования городской идентичности. — *Человек. Сообщество. Управление*. № 4. С. 111-118.
- Дягилева Н.С. 2013. Теоретические аспекты городской идентичности. — *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции* (Екатеринбург, 28–29 марта 2013 г.). Екатеринбург: УрФУ. С. 54-59.
- Евсеев Е.О. 2014. Модальность городской идентичности. — *Вестник Пермского научного центра УРО РАН*. № 5. С. 80-86.
- Евстифеев Р.В. 2017а. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления. — *Научный результат. Социология и управление*. Т. 3. № 2. С. 3-9. <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9>
- Евстифеев Р.В. 2017б. Ценности локальной идентичности и потенциал местных сообществ в процессе взаимодействия с органами власти. — *Российская государственность в XXI веке: модели и перспективы социально-политического развития. Материалы научно-практической конференции* (Владимир, 13 октября 2017 г.). Владимир: ВФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». С. 88-91.
- Лапкин В.В., Семенов И.С. 2014. Личность и политика в социальной реальности «infomoderpity» — *Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования*. Редколлегия: И.С. Семенов (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН. С. 177-200.
- Мелешкина Е.Ю. 1999. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства. — *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: материалы семинара* (Тверь, 5-7 марта 1999 г.). Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. Москва: МОНФ. С. 126-137.
- Миронцева С.А., Бориско О.А., Башмаков И.С. 2019. Формирование региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде Краснодарского края. Краснодар: Перспективы образования. 212 с.
- Морозова Е.В., Улько Е.В. 2008. Локальная идентичность: формы актуализации и типы. — *Политическая экспертиза: Политэкс*. Т. 4. № 4. С. 139-151.
- Назукина М.В. 2011. Региональная идентичность. — *Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий*. Под ред. И.С. Семенова. М.: РОССПЭН. С. 143-147.
- Назукина М.В. 2017. Локальная идентичность. — *Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир. С. 512-516.
- Налимов В.В. 1989. *Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности*. М.: Издательство «Прометей» МГПИ им. Ленина. 288 с.
- Окунев И.Ю. 2018. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий. — *Сравнительная политика*. Т. 9. № 1. С. 18-25. <http://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-00002>
- Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. 1972. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. — *Семиотика и искусствометрия*. Под ред. Ю.М. Лотман, В.М. Петров. М.: Мир. С. 278-297.
- Руткаускайте М.В. 2011. Формирование политической идентичности молодежи посредством направленной политической социализации. — *Вестник Пермского университета. Политология*. № 3. С. 19-28.
- Самаркина И.В. 2017. Субъективное пространство политики. — *Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир. С. 380-384.
- Смирнягин Л.В. 2007. О региональной идентичности. — *Меняющаяся география зарубежного мира Вып. 17. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной. Москва-Смоленск: Ойкумена. С. 21-49.
- Солдатова Г.У. 2018. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. — *Социальная психология и общество*. Т. 9. № 3. С. 71-80. <http://doi.org/10.17759/sps.2018090308>
- Теняева О.В. 2018. Гражданская идентичность как основа формирования социальной активности российской молодежи. — *Ученые записки Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. Т. 4 (70). № S2. С. 248-253.
- Туровский Р.Ф. 2003. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России. — *Идентичность и география в постсоветской России*. Под ред. М. Бассина, К.Э. Аксенова. СПб.: Геликон Плюс. С. 139-173.
- Уайтхед А. 1990. *Избранные работы по философии*. М.: Прогресс. 720 с.
- Федотова Н.Г. 2017. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты. — *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 20. № 3. С. 32-49.

DOI: 10.17976/jpps/2021.02.08

ИННОВАЦИОННЫЙ И ЛИДЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ (на примере Алтайского края и Новосибирской области)

С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова

АСЕЕВ Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, email: suass@mail.ru; ШАШКОВА Ярослава Юрьевна, доктор политических наук, зав. кафедрой политологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, email: yashashkova@mail.ru

Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Инновационный и лидерский потенциал в структуре политических установок молодежи (на примере Алтайского края и Новосибирской области). — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 113-124. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.08>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01184 “Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)”.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2020. Принята к публикации: 30.07.2020

Аннотация. В статье оценивается возможность молодежных политических лидеров и молодежной среды российских регионов выступить субъектом инноваций в общественно-политической сфере. Основное внимание уделяется исследованию представлений молодежи об инновационном потенциале молодежных лидеров и условиях его актуализации. Установлено преобладание у молодых людей прагматичного отношения к своим лидерам, которые должны прежде всего решать проблемы молодежи — если необходимо, в том числе с помощью инноваций. Главными критериями эффективности деятельности лидеров в сознании молодежи выступают их активность и наличие видимых результатов деятельности. Анализ массовых опросов молодежи Алтайского края и Новосибирской области выявил низкий лидерский и инновационный потенциал молодежной среды. Только небольшая часть представителей данной социально-демографической группы готова активно участвовать в политических процессах и взять на себя ответственность за принятие и реализацию управленческих решений. Авторы подчеркивают, что молодежь в большинстве своем негативно оценивает текущее влияние ее лидеров на политический процесс в стране и регионах. Это объясняется действием объективных и субъективных факторов — низкой политической активностью лидеров и наличием ограничений в реализации их инновационного потенциала со стороны политических институтов и элит. На основании опроса депутатов молодежных парламентов и руководителей молодежных общественно-политических организаций изучаемых регионов в статье отмечается, что инновационный потенциал молодежных политических лидеров в современной российской политике не может реализоваться в силу доступности для них только локального уровня управления и сферы молодежной политики, а также отсутствия у них ресурсов и опыта для преодоления установившихся “правил игры”.

Ключевые слова: молодежь, политические инновации, молодежное политическое лидерство, политические представления, политические установки, политическая активность молодежи, регионы РФ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие общества в XXI в. уже аксиоматично рассматривается как череда новаций и трансформаций. Наиболее восприимчивая к ним социально-демографическая группа — молодежь. Она включается в социальное пространство и принимает его текущее состояние как данность, без деления на старое и новое, а потому легче улавливает зарождающиеся тренды развития общества и мыслит перспективно. Кроме того, у молодежи часто возникает потребность “выстраивать ориентацию в окружающей среде при отсутствии необходимых знаний путем создания нового знания” [Луков, Луков, Погорский 2014: 11]. Не обладая жизненным опытом, “молодежи что-то легче придумать, чем найти в социокультурной копилке прошлого (в виде прецедента, ранее сформулированной идеи, разработанной технологии и т.п.)... ее не сбивает ранее усвоенное знание, она свободна от его логики и неоспоримости” [там же]. Отмеченные особенности создают идеальные условия для спонтанного креатива молодежи, возможности ее самореализации в качестве субъекта новаций и инноваций. В первом случае речь идет о новом знании, “любом открытии, которое осуществляется на индивидуально-личностном уровне” [Цветкова 2008: 105]. Воплощая новое знание на практике, молодежь переходит к инновациям — “целевым (осозанным) изменениям в структуре или функциях системы определенного вида” [Сунгуров 2015: 16].

Позитивный подход к развитию молодежи [Damon 2004] рассматривает молодых людей как жизненно важный ресурс общества с врожденными способностями к процветанию. Как писал Р. Флорида, современная молодежь, стремясь к самореализации и свободе творчества, концентрируется в так называемых свободных местах, где она могла бы чувствовать себя тем, кем она является. Благодаря этому возникают отраслевые и территориальные очаги новаций с новыми правилами игры и коммуникативными средами [Флорида 2007: 280]. Указанную тенденцию подтверждают и данные общероссийских социологических исследований, согласно которым “не только... молодые респонденты демонстрируют заметно большую, чем в среднем по выборке, нацеленность на перемены, но и... молодежь большинством россиян признается триггером возможных перемен в стране” [Петухов 2020: 123].

В то же время, как и любая социальная группа, категория “молодежь” описывает абстрактного политического актора, инновационный и управленческий потенциал которого реализуют наиболее активные представители — молодежные политические лидеры. На практике инновационный потенциал молодежи проявляется в деятельности лидеров, через их включенность в политическое управление, в дискуссии, дебаты и принятие решений по поводу общезначимых проблем молодежи.

На сегодняшний день исследования молодежного политического лидерства и его роли в развитии общества носят фрагментарный характер. До сих пор сохраняет актуальность тезис К. Ричардс-Шустер и Б. Чековэй, что “участие молодежи в государственной политике не является ни устоявшейся областью практики, ни предметом изучения, хотя оно имеет многообещающие перспективы в обеих сферах” [Richards-Schuster, Checkoway 2009: 26]. В соответствии с практикой в научной литературе инновационный потенциал молодежного политического лидерства, как и механизмы развития навыков лидерства у молодежи, изучается в основном в контексте функционирования молодежных консультативно-вспомогательных структур (советов и т.д.) при органах

власти и местного самоуправления, “занимающихся проблемами молодежи в местных обществах” [Beyers 2008; Augsberger, Collins, Gecker 2018; Calver, Montmollin, Winnett 2015]. Лишь отдельные работы касаются непосредственно инновационности как свойства молодежной среды [Луков, Луков, Погорский 2014; Морозов, Черных 2015; Шумилов 2017]. В зарубежных исследованиях на примере локальных кейсов чаще анализируются факторы эффективности молодежного политического лидерства: влияние интернет-коммуникаций [Ekre 2017; Kahne, Middaugh 2012], объем опыта и связей, продолжительность участия в деятельности молодежных организаций [Martinez, Loyola, Cumsille 2017; Quintelier 2008], государственная политика в отношении молодежи [Pandian 2014]. В ряде работ исследуются социокультурная среда [Бурцев 2018; Gvozdanović 2016; Ос, Bashshur 2013; Зубок, Чупров 2020], политические ценности и активность молодежи [Трофимова 2016; Попова 2017; Попова, Лагутин 2019; Радаев 2019; Горшков, Шереги 2020] как условия формирования у нее установок на политическое лидерство. Лидерский потенциал молодежи российских регионов на материалах социологических опросов анализируется фрагментарно [Голобоков, Кипко, Тарасенко 2018].

В связи с этим исследование представлений молодежи и молодежных политических лидеров о роли и условиях реализации молодежного политического лидерства в современной российской политике, оценка готовности молодежи к принятию на себя лидерских функций позволят оценить инновационный потенциал молодежной среды в современной России.

ОЦЕНКА МОЛОДЕЖЬЮ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

115

В своем исследовании мы исходим из тезиса о том, что на фоне пассивности большинства в молодежной среде формируется взаимосвязь лидерского и инновационного потенциалов, что должно обуславливать и восприятие молодежью молодежного политического лидерства.

Как показал массовый опрос Центра политического анализа технологий АлтГУ¹, молодежь российских регионов относится к своим лидерам достаточно утилитарно — в основном как к трансляторам интересов своей социально-демографической группы (61%). Этой же задаче подчиняется инновационная активность лидеров, связанная с реализацией задач формулирования политических идей/программ (33%), разрешения конфликтов (23%) и объединения молодежи (28%). Наименее востребована у молодежи мобилизационная функция лидерства (17%). При этом каждый десятый респондент затруднился ответить на данный вопрос.

При определении идеальной модели лидера в молодежной среде более востребованными оказались черты, связанные с личностью лидера: наличие у него реального влияния на политику (44%), большого числа единомышленников (28%) и политическая активность (27%), которые одновременно составляют и основу его инновационного потенциала. В свою очередь, фор-

¹ В статье использованы данные двух исследований Центра политического анализа и технологий АлтГУ, проведенных под руководством и с участием авторов. В 2018 г. массовый опрос молодежи Алтайского края и Новосибирской области ($N = 509$, возраст респондентов — 14-30 лет), метод стандартизированного интервью, выборка — несвязанная квотная с контролем пола, возраста, региона и района проживания. В 2019 г. опрос депутатов молодежных парламентов Алтайского края и Новосибирской области и руководителей региональных молодежных общественно-политических организаций ($N = 45$), метод — полустандартизированные интервью.

мально-ресурсные характеристики молодежных политических лидеров, как то наличие у них связей и каких-либо ресурсов, в том числе материальных (13%); статус, занимаемая должность лидера (13%) и его известность (5%), для молодых людей не так важны.

Данная модель согласуется с представлениями о лидерстве самих молодежных лидеров (депутатов молодежных парламентов и руководителей молодежных общественно-политических организаций), отмечавших в интервью, что “нельзя быть лидером вообще”, лидера необходимо соотносить с его группой и/или территорией. При этом у экспертов в идеальном образе лидера явно доминируют качества инноватора [Сунгуров 2015: 23-27], а не “служителя” — инициативность, активность, готовность брать на себя ответственность, авторитет и доверие среди единомышленников, наличие известности, организаторских способностей и опыта решения проблем молодежи.

Подтверждает слияние в сознании молодежи образов лидера и инноватора и тот факт, что в ходе массового опроса респонденты, исключая для себя роль лидера, также выделяют у него необходимость формулирования политических программ и идей (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Соотношение представлений молодежи Алтайского края и Новосибирской области о наиболее значимых функциях политических лидеров

с их готовностью к исполнению данной роли, % по столбцу

Correlation between Perceptions of Youth of Altai Krai and Novosibirsk Oblast of the Most Significant Functions of Political Leaders and Their Readiness to Fulfill This Role, %

Какие задачи, на Ваш взгляд, должны решать молодежные политические лидеры в регионах? (закрытый вопрос)	А Вы лично хотели бы стать политическим лидером в молодежной среде?				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Выражение интересов молодежи	66	76	58	53	65
Мобилизация молодежи	26	16	17	16	13
Объединение молодежи	32	28	33	21	35
Формулирование политических идей/программ	28	37	34	32	31
Разрешение конфликтов	30	21	28	18	25
Самореализация	24	25	19	23	23
Другое	4	1	1	0	2
Затрудняюсь ответить	0	5	8	15	15

Руководствуясь сложившимся у них образом молодежного политического лидера, участники массового опроса к таковым отнесли прежде всего руководителей молодежных общественно-политических объединений (30%). Реже в качестве лидеров называли активистов общественно-политических объединений (18%), молодых активистов политических партий (18%), депутатов молодежных парламентов (18%), молодых руководителей политических партий (16%). Меньше всего с молодежным политическим лидерством ассоциируются молодые депутаты представительных органов власти (11%).

Территориальное соседство исследованных регионов и единство их социокультурного пространства обуславливают схожесть ответов респондентов.

Исключение составляет только оценка лидерского потенциала политических блогеров, зависящая от уровня урбанизации территории: в Новосибирской области их отнесли к лидерам 24%, в то время как в Алтайском крае 18%. “Ритм жизни” мегаполисов, сочетающийся с интенсивностью интернет-коммуникаций, позволяет блогерам стать в них альтернативой молодежных “офлайн-политиков”, для которых, несмотря на растущую активность в интернете, последняя носит вспомогательный характер. На этом фоне оказалось, что в сознании каждого четвертого молодого человека вообще отсутствует желаемый образ молодежного политического лидера.

На практике инновационную деятельность молодежных лидеров ограничивают объективные и субъективные фреймы. Объективно у них нет опыта и ресурсов решения проблем вне молодежной проблематики. Субъективно они сами не могут оторваться от проблем молодежи, чтобы не потерять свою социальную базу. Ограниченность управленческого опыта и ресурсов затрудняет реализацию молодежными лидерами масштабных идей и проектов, что приводит к локальности их функционирования. Это формирует лидерство локального типа — по территориальному охвату и уровню решаемых задач. Так, депутаты Молодежного парламента Новосибирской области прямо связали свою сосредоточенность на решении локальных проблем молодежи с отрицательным опытом законотворческой деятельности — ни одна из предложенных предыдущими созывами законодательных инициатив не была принята к рассмотрению Заксобранием области.

Кроме того, взрослые политики зачастую нормативно ограничивают объем и сферу полномочий молодежных политических лидеров из-за боязни неуправляемых инноваций. Тем самым “применительно к молодежи наблюдается парадоксальное сочетание как общественных ожиданий от ее инновационного потенциала, так и опасения последствий его реализации” [Луков, Луков, Погорский 2014: 13]. Как следствие, молодежные политические лидеры в современных российских реалиях проявляют себя в основном на муниципальном уровне или выступают в роли проектных менеджеров-исполнителей, которые ориентированы на инновации в своих узкоспециализированных сферах. По справедливому замечанию А. Шумилова, “институты социально-политической сферы с краткосрочными горизонтами принятия решений менее инновационны, чем организации с более широкими горизонтами принятия решений” [Шумилов 2017: 139]. Тем самым приоритет локального уровня включенности молодежных лидеров в общественное управление во многом сдерживает их инновационный потенциал.

В данный тренд вписываются и кадровые конкурсы по типу “Лидеры России” (с возрастным горизонтом до 45 лет), молодежные программы и форумы (“Территория смыслов” и др.). Они не образуют единой и понятной для молодежи системы выявления и рекрутирования лидеров-инноваторов, а больше ориентированы на уже сформировавшихся лидеров-менеджеров, не нацеленных менять фундаментальные “правила игры” и предлагать принципиальные изменения стратегий политического и социально-экономического развития регионов. По оценке одного из молодежных лидеров, подобные проекты *“могут использоваться как проба себя в разных ролях, но это не лидерство”*.

Объективно оценивая объем опыта и ресурсов своих лидеров, а также наличие формальных ограничений по уровню их участия в политике, молодые

люди в ходе массового опроса критически оценивали возможности влияния молодежных лидеров на политику в стране и регионах. Применительно к ситуации в стране 13% убеждены, что молодежные лидеры не оказывают на нее никакого влияния, 39% оценивают его как незначительное. В наличии такового уверены только 33%. Наиболее оптимистично настроены жители экономически развитой Новосибирской области, где 30% оценили эту роль как заметную, на фоне 21% в Алтайском крае.

Еще меньше, по мнению молодежи, ее лидеры влияют на ход и содержание региональной политики: как большую и заметную их роль оценили только 5% и 18% респондентов соответственно, как незначительную – 37%. При этом 16% вообще отрицают это влияние, а каждый четвертый молодой человек не смог ответить на данный вопрос. Такая ситуация объясняется разным объемом ресурсного и информационного сопровождения работы молодежных организаций на национальном и региональном уровнях.

Однако корреляционный анализ оценок влияния молодежных политических лидеров на разные уровни российской политики показал их сопряженность у большинства респондентов массового опроса (см. табл. 2). Это во многом обусловлено эффектом “переноса”, когда при фрагментарном и контекстном восприятии политической информации из, как правило, бессистемной “мозаики” фактов о федеральном и/или региональном молодежном лидерстве формируется его интегрированный образ и единая оценка условий и результатов его реализации.

Таблица 2 (Table 2)

118

**Корреляция оценок роли молодежных лидеров
в российской политике и в регионе проживания, % по столбцу**

Correlation of Assessments of the Role of Youth Leaders in Russian Politics the Region of Residence, %

		Роль молодежных политических лидеров в регионе проживания респондента				
		Большая роль	Заметная роль	Незначительная роль	Вообще никакой роли не играют	Затрудняюсь ответить
Роль молодежных политических лидеров в современной российской политике	Большая роль	3	2	2	0	1
	Заметная роль	2	11	7	1	4
	Незначительная роль	0	4	25	5	6
	Вообще никакой роли не играют	0	0	2	9	1
	Затрудняюсь ответить	0	0	1	1	13

Интересно, что невключенность большинства молодых людей в политические практики на профессиональной основе формирует оптимистичную оценку условий и возможностей для реализации молодежного лидерства: 46% участников массового опроса ответили, что в России созданы или скорее созданы условия для развития молодежного политического лидерства.

В экспертных интервью молодежных лидеров преобладает противоположная оценка (в массовом опросе ее поддержало 36% респондентов). На основе собственного опыта молодые активисты отмечают закрытость системы управления на всех уровнях и во многом имитационный характер декларируемых форм и условий реализации их инновационной активности. По их словам, *“молодого человека могут привлечь для высказывания идей, но реализовывать их будут другие — ‘опытные’”, “в процессе формирования кадрового резерва органов государственной власти существуют непреодолимые для молодежи барьеры (наличие опыта работы и др.)”, “мы позиционируем депутатов молодежных парламентов как управленческую молодежь, а она воспринимается как волонтерская — отсюда проблемы, чтобы ребят рассматривали как готовых идти на муниципальную службу, становиться депутатами”*. Кроме того, экспертный опрос показал четкую зависимость: чем экономически благополучнее регион, тем выше в нем политическая активность групп интересов и меньше возможностей для политических карьер молодежи. Так, эксперты из Новосибирской области заявляли, что молодому лидеру в их регионе возможно подняться только до уровня депутата мелкого муниципального образования или среднего менеджмента в районных администрациях. Лифты на областной уровень, даже в законодательной власти, не работают, так как при высокой цене мандата у молодых людей просто нет ресурсов для его получения. В Алтайском крае значительная часть экспертов отметили более благоприятную ситуацию с *“политическими лифтами”* для молодежи, однако инициативность молодых лидеров зачастую ограничена отсутствием ресурсов и ригидностью бюрократических процедур, особенно на муниципальном уровне.

Пассивное большинство с низким уровнем политической информированности и включенности в реальные политические практики во многом возлагает ответственность за низкую эффективность решения проблем молодежи, особенно на региональном уровне, на самих молодежных лидеров. Как видно из табл. 3, этой точки зрения придерживается 41% респондентов массового опроса, заявивших, что при наличии в стране всех условий для развития молодежного политического лидерства его влияние на политику незначительно или вообще отсутствует, и 47% считающих, что такие условия скорее созданы.

Таблица 3 (Table 3)

Корреляция оценок условий для молодежного политического лидерства и его эффективности на региональном уровне, % по столбцу
Correlation of Assessments of Conditions for Youth Political Leadership and Its Effectiveness at the Regional Level, %

Роль молодежных политических лидеров в регионе проживания респондента	Как Вы думаете, в современной России есть условия для развития молодежного политического лидерства?				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Большая	26	4	3	4	—
Заметная	24	24	12	11	17
Незначительная	29	40	48	22	27
Вообще никакой роли не играют	12	7	21	48	13
Затрудняюсь ответить	10	25	17	15	50

В то же время значительная часть респондентов отметили отсутствие условий для реализации идей и проектов молодежных политических лидеров как причину их незначительного или нулевого влияния на политику, что согласуется с позицией самих молодых политиков-практиков.

ИННОВАЦИОННО-ЛИДЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ

Исследование показало, что большинство молодых людей, проживающих в Алтайском крае и Новосибирской области, не готово включиться в “производство инноваций” через принятие на себя лидерских функций.

На прямой вопрос о потенциальной готовности стать лидером в молодежной среде только 10% респондентов дали однозначно положительный ответ, 18% склоняются к данной позиции. Не рассматривают себя в этой роли две трети респондентов.

При этом лидерский потенциал молодежи в Новосибирской области выше, чем в Алтайском крае (32% и 23% соответственно), чему способствует концентрация в региональных мегаполисах активной и амбициозной молодежи, а также наличие в них более интенсивных общественно-политических процессов.

Индикаторами лидерского потенциала молодежи выступает и система контрольных показателей: готовности участвовать в деятельности молодежной политической организации или движения, создать таковые, принять участие в выборах в качестве кандидата.

По данным опроса, 47% молодежи не выразили готовность участвовать в работе молодежной политической организации, 21% допускают для себя только роль ее сторонника или рядового участника. 19% готовы занять в ней активную позицию, но без принятия на себя ответственности, присущей руководителю. Потенциально реализовывать лидерские функции через систему общественных организаций готовы не более 16% молодежи.

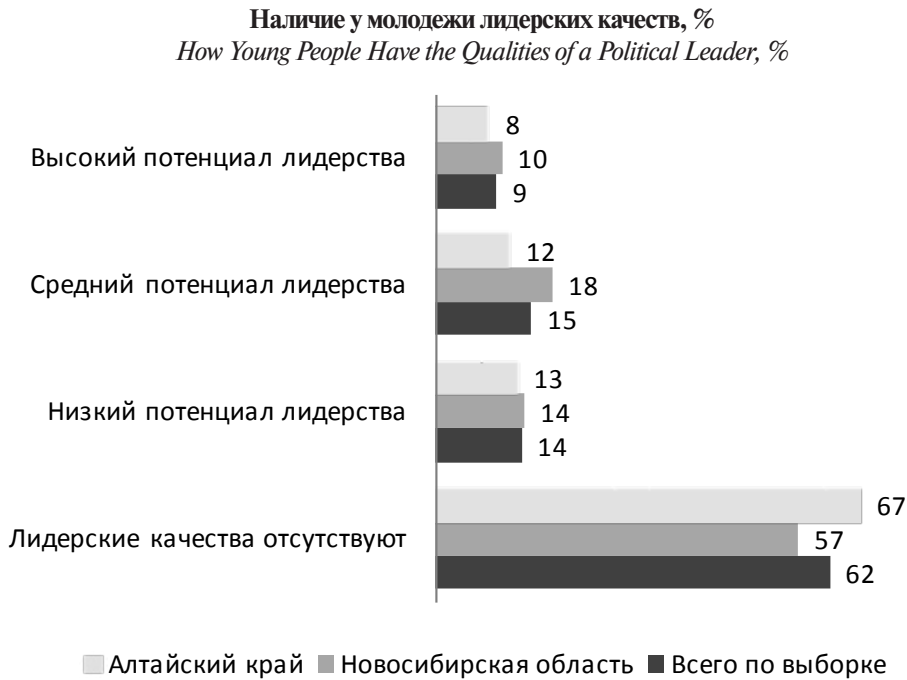
Неотъемлемым признаком инновационной деятельности лидера выступает и его способность к моделированию результата с планированием процесса его достижения. В проектной сфере она может выражаться в готовности создать молодежную общественно-политическую организацию, которую в исследуемых регионах демонстрируют 12% респондентов.

Часть молодежи ассоциирует реализацию лидерских функций и инновационного потенциала с участием в процессе принятия решений на региональном или местном уровне. О своей готовности участвовать в региональных или местных выборах в качестве кандидата однозначно заявили 14% респондентов, еще 17% допускают такую возможность. Выше эта готовность в региональных мегаполисах (36% в Новосибирской области и 27% в Алтайском крае), где кадровый потенциал молодежных лидеров сочетается с большими ресурсными возможностями властных статусов.

На основе ответов респондентов об их готовности создать молодежную организацию, стать молодежным политическим лидером, выдвинуть свою кандидатуру на местных или региональных выборах была сформирована новая переменная — потенциал политических инновационно-лидерских качеств молодежи.

Массовый опрос показал, что в среднем по исследуемым регионам лидерские качества полностью отсутствуют более чем у 60% молодежи, низкий потенциал лидерства имеют 13,5% (см. рис. 1). Только 9,4% обладают высоким потенциалом лидерских качеств, а у 15,1% этот потенциал можно оценить как средний.

Рисунок 1 (Figure 1)

Анализ корреляций показателей инновационно-лидерского потенциала молодежи с ее социально-демографическими характеристиками продемонстрировал зависимость готовности к лидерству от пола респондентов (юноши в большей степени склонны демонстрировать высокий потенциал лидерства, чем девушки), их места жительства (несколько более высоким потенциалом лидерских качеств обладает молодежь из мегаполиса) и рода деятельности (у студентов вуза более высокие показатели политического лидерства, чем у других групп).

121

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно констатировать, что лидерский потенциал молодежи представленных регионов имеет ограниченный характер: стать молодежным политическим лидером стремится не более десятой части молодых людей. Большинство не видит себя в роли молодежных политических лидеров и субъектов инноваций, даже в случае предоставления институциональных и ресурсных условий для этой деятельности, что соответствует и данным более масштабных межрегиональных исследований [Роль молодежных... 2019]. Уже сформировавшиеся молодые политические лидеры могут функционировать только в тесной связи с молодежной средой. При этом, не обладая значимыми материальными и властными ресурсами для распространения инноваций в социуме, молодежь не требует их наличия и у своих лидеров, главным признаком которых становится политическая активность по репрезентации и защите интересов своих сторонников.

Следует признать, что основной причиной низкой эффективности молодежного политического лидерства и его инновационного компонента выступает отсутствие условий для их реализации в современной России. Практика

показывает, что для молодежных лидеров зачастую доступен лишь локальный уровень управления, где инновационная активность ограничивается востребованным типом управленца-менеджера, принимающего существующие “правила игры”. Даже переход молодежных политических лидеров на более высокий управленческий уровень не повышает их инновационных возможностей из-за отсутствия необходимого управленческого опыта и давления устоявшихся практик — оказавшись в меньшинстве, они не могут изменить среду вокруг себя. Без внедрения реально функционирующих механизмов рекрутирования и продвижения молодых лидеров декларации власти о расширении включения молодежи в систему управления, в том числе с помощью различных кадровых конкурсов и партийных проектов, вряд ли изменят сложившуюся ситуацию.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.08)

INNOVATION AND LEADERSHIP POTENTIAL IN THE STRUCTURE OF POLITICAL ATTITUDES OF YOUTH (On the Case Study of Altai Krai and Novosibirsk Oblast)

S.Yu. Aseev, Ya.Yu. Shashkova¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russia

ASEEV, Sergey Yurievich, Cand. Sci. (Hist. Sci.), Associate Professor of Political Studies Department, Altai State University, email: suass@mail.ru; SHASHKOVA, Yaroslava Yurievna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Head of Political Studies Department, Altai State University, email: yashashkova@mail.ru

Aseev S.Yu., Shashkova Ya.Yu. Innovation and Leadership Potential in the Structure of Political Attitudes of Youth (On the Case Study of Altai Krai and Novosibirsk Oblast). — Polis. Political Studies. No. 2. P. 113–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.08>

Acknowledgments. The study has been conducted with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 18-011-01184 “The Potential of Youth Political Leadership in the Context of Political Socialization and Circulation of Elites in Russian Regions in 2010th (the case study of South-Western Siberia and North-West of Russia)”.

Received: 05.05.2020. Accepted: 30.07.2020

Abstract. Due to the rate of transformations taking place in the modern world, a demand is being created amongst the public for political initiatives and innovations, although this poses the problem of creating a sustainable system for the younger generation. This demand is usually addressed to young people and their active part-youth political leaders. The article assesses the capacity of youth political leaders and the youth community within the Russian regions to act as innovators in the social and political sphere. The article mainly focuses on the research into young people's ideas about the innovative potential of youth leaders and the conditions for updating and actualizing this. The research has proved that young people have a pragmatic attitude towards their leaders, who are supposed, first of all, to solve problems of the young, acting innovatively if needs must. The main criterion for how effectiveness leaders' activities are in the minds of young people is their commitment and the presence of visible results. At the same time, the analysis of a mass youth survey in Altai Krai and Novosibirsk Oblast revealed low leadership and innovation potential of the young community. Only a small number of people in this socio-demographic group are ready to become active participants in political processes and take responsibility for making and implementing executive decisions. The authors emphasize that the majority of young people assess the current influence displayed by their leaders on the political process in the country and its regions negatively. Young people see this situation as being caused by both objective and subjective factors — the low political activity taken by the leaders themselves and the restrictions placed on implementing their innovative potential as imposed by political institutions and elites. Based on the survey of members of Youth Parliaments and leaders of youth socio-political organizations in the regions under discussion, the article concludes that, within modern Russian policy-making, the innovative potential of youth political leaders cannot be employed; this is because youth leaders have access only to the local government and youth policy, and also due to their lack of experience and resources as are necessary to overcome the longstanding “game rules”.

Keywords: youth, political innovations, youth political leadership, political ideas, political attitudes, youth political activity, regions of the Russian Federation.

References

- Augsberger A., Collins M.E., Gecker W. 2018. Engaging Youth in Municipal Government: Moving Toward a Youth-Centric Practice. — *Journal of Community Practice*. Vol. 26. No. 1. P. 41-62. <https://doi.org/10.1080/10705422.2017.1413023>
- Beyers M. 2008. Civic Engagement Opportunities for Youth: How are municipalities Preparing Today's Youth to Be Tomorrow's Civic Leaders? — *Proceedings of 2008 International Conference on Public Administration (4th)*. Minneapolis: Univ. Minnesota, Humphrey Inst. Public Affairs. Vol. I. P. 591-603.
- Calvert M., Montmollin J. de, Winnett T. 2015. Youth Representation on County Government Committees: Youth in Governance in Kenosha County, Wisconsin. — *Journal of Extension*. Vol. 53. No. 6. https://joe.org/joe/2015december/pdf/JOE_v53_6rb4.pdf
- Damon W. 2004. What is Positive Youth Development? — *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 591. No. 1. P. 13-24. <https://doi.org/10.1177/0002716203260092>
- Ekpe I. 2017. Factors Impacting on Youth's Leadership Participation in Malaysia: Social Media, Social Groups or Government Policies? — *Polish Journal of Management Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 21-31. <https://doi.org/10.17512/pjms.2017.16.1.02>
- Gvozdanović A. 2016. Determinants of Young People's Readiness for Elite-Challenging Activities in Croatia. — *East European Politics*. Vol. 32. No. 1. P. 28-45. <https://doi.org/10.1080/21599165.2015.1128415>
- Kahne J., Middaugh E. 2012. Digital Media Shapes Youth Participation in Politics. — *Phi Delta Kappan*. Vol. 94. No. 3. P. 52-56. <https://doi.org/10.1177/003172171209400312>
- Martinez M.L., Loyola L.L., Cumsille P. 2017. Quality of Participation in Youth Organizations: Relationships with Identity and Sense of Sociopolitical Control. — *Youth & Society*. Vol. 49. No. 7. P. 968-993. <https://doi.org/10.1177/0044118X15604341>
- Oc B., Bashshur M.R. 2013. Followership, Leadership and Social Influence. — *The Leadership Quarterly*. Vol. 24. No. 6. P. 919-934. <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2013.10.006>
- Pandian S. 2014. University Students and Voting Behavior in General Elections: Perceptions on Malaysian Political Parties Leadership. — *Asian Social Science*. Vol. 10. No. 18. P. 225-231. <https://doi.org/10.5539/ass.v10n18p225>
- Richards-Schuster K., Checkoway B. 2009. Youth Participation in Public Policy at the Local Level: New Lessons from Michigan Municipalities. — *National Civic Review*. Vol. 98. No. 4. P. 26-30. <https://doi.org/10.1002/ncr.273>
- Quintelier E. 2008. Who is Politically Active: The Athlete, the Scout Member or the Environmental Activist? Young People, Voluntary Engagement and Political Participation. — *Acta Sociologica*. Vol. 51. No. 4. P. 355-370. <https://doi.org/10.1177/0001699308097378>
- Burtsev S.A. 2018. Leadership Discourse among the Russian Young People: Potential of Vertical Social Mobility. — *The Bulletin of the Adyge State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*. No. 4. P. 103-111. (In Russ.)
- Florida R. 2007. The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life (Russ. ed.: Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotoryye menyayut budushcheye*. Moscow: Publishing house "Classic-XXI". 421 p.).
- Golobokov A.S., Kipko M.M., Tarasenko N.R. 2018. Political Leadership: The Degree of Primorskiy Kray Youth Participation. — *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. Vol. 7. No. 3. P. 359-362. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. 2020. *Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. Kitogam mnogoletnih issledovanij* [The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research]. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 688 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>
- Lukov V., Lukov S., Pogorsky E. 2014. Innovative Potential of New Generations and Youth Policy at the Present Stage of Development of Society. — *PolitBook*. No. 2. P. 6-18. (In Russ.)
- Morozov S.I., Chernykh N.S. 2015. Students as an Innovation Potential of Political Modernization of the State and Society in Russia. — *Vlast' (The Authority)*. Vol. 21. No. 9. P. 47-50. (In Russ.)
- Petukhov V.V. 2020. Russian Youth and Its Role in Society Transformation. — *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 119-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>
- Popova O.V. 2017. Political Consciousness of Today's Russian Young People. — *Political Science (RU)*. No. 1. P. 138-162. (In Russ.)
- Popova O.V., Lagutin O.V. 2019. Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? — *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 21. No. 4. P. 599-619. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619>

Radaev V.V. 2019. *Millenialy: Kak menjaetsja Rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 224 p. (In Russ.)

Rol' molodezhnyh organizacij v processe politicheskoy socializacii Rossijskoj molodezhi [The Role of Youth Organizations in the Process of Political Socialization of the Russian youth]. 2019. Ed. by O.V. Popova, Ya.Yu. Shashkova. Saint Petersburg: Scythia-Print. 250 p. (In Russ.)

Shumilov A.V. 2017. The Youth in the Political Process: Innovation or Conservatism (the Elections in Russia). — *PolitBook*. No. 4. P. 138–148. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. 2015. *Kak vznikajut politicheskie innovacii: "fabriki mysli" i drugie instituty-mediatory* [How Do Political Innovations Arise: "Thought Factories" and Other Mediating Institutions]. Moscow: Political Encyclopedia. 283 p. (In Russ.)

Trofimova I.N. 2016. Social and Political Attitudes and Orientations of Modern Russian Youth. — *Politics and Society*. No. 10. P. 1387–1399. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.10.20547>

Tsvetkova V.D. 2008. New Opportunities for the Study of Innovation and Innovation in Philosophy. — *CSU Bulletin*. No. 14. P. 104–109. (In Russ.)

Zubok J.A., Chuprov V.I. 2020. Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. — *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>

Литература на русском языке

Бурцев С.А. 2018. Дискурс лидерства в российской молодежной среде: потенциал вертикальной социальной мобильности. — *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. № 4. С. 103–111.

Голобоков А.С., Кипко М.М., Тарасенко Н.Р. 2018. Политическое лидерство: степень участия молодежи Приморского края. — *Азимут научных исследований: экономика и управление*. Т. 7. № 3. С. 359–362.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. 2020. *Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований*. М.: ФНИСЦ РАН. 688 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>

Зубок Ю.А., Чупров В.И. 2020. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>

Луков В., Луков С., Погорский Э. 2014. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества. — *PolitBook*. № 2. С. 6–18.

Морозов С.И., Черных Н.С. 2015. Студенческая молодежь как инновационный потенциал политической модернизации в России. — *Власть*. Т. 21. № 9. С. 47–50.

Петухов В.В. 2020. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 119–138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>

Попова О.В. 2017. Особенности политического сознания современной российской молодежи. — *Политическая наука*. № 1. С. 138–162.

Попова О.В., Лагутин О.В. 2019. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? — *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 21. № 4. С. 599–619. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619>

Радаев В.В. 2019. *Миллениалы: как меняется российское общество*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 224 с.

Роль молодежных организаций в процессе политической социализации российской молодежи. 2019. Под ред. О.В. Поповой, Я.Ю. Шашковой. СПб.: Скифия-Принт. 250 с.

Сунгуров А.Ю. 2015. *Как возникают политические инновации: "фабрики мысли" и другие институты-медиаторы*. М.: Политическая энциклопедия. 283 с.

Трофимова И.Н. 2016. Общественно-политические установки и ориентации современной российской молодежи. — *Политика и общество*. № 10. С. 1387–1399. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.10.20547>

Флориди Р. 2007. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика-XXI. 421 с.

Цветкова В.Д. 2008. Новые возможности исследования новации и инновации в философии. — *Вестник Челябинского государственного университета*. № 14. С. 104–109.

Шумилов А.В. 2017. Молодежная политика и молодежь в политическом процессе: инновация или консерватизм (в преддверии нового электорального цикла). — *PolitBook*. № 4. С. 138–148.

DOI: 10.17976/jpps/2021.02.09

СООТНОШЕНИЕ СИЛ МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ В “ГРУППЕ 20”: АНАЛИЗ ПРИ ПОМОЩИ МЕТОДА МНОГОМЕРНОГО ШКАЛИРОВАНИЯ

В.Ф. Артюшкин, А.А. Казанцев, В.М. Сергеев

АРТЮШКИН Виктор Федорович, кандидат политических наук, преподаватель кафедры математики, эконометрики и информационных технологий, МГИМО МИД России, Москва, email: ururur1@bk.ru; **КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич**, доктор политических наук, главный научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России; профессор департамента международных отношений, ведущий научный сотрудник научно-учебной лаборатории политической географии и современной геополитики, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: andrka@mail.ru; **СЕРГЕЕВ Виктор Михайлович**, доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук, директор Центра глобальных проблем ИМИ, МГИМО МИД России, Москва, email: victor04076831@mail.ru

Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в “Группе 20”: анализ при помощи метода многомерного шкалирования. — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 125–138. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.09>

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-02 “Китайский проект ‘пояс и путь’: становление региональных структур в Азии и глобальные экономические и политические изменения”.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2020. Принята к публикации: 07.11.2020

Аннотация. Цель статьи — проанализировать соотношение сил между великими державами внутри “Группы 20” путем применения одного из вариантов метода многомерного шкалирования. На базе анализа связанных понятий “гегемония” и “сила” в международных отношениях в рамках неореалистских, неолиберальных и мир-системных теорий глобальной гегемонии были вычленены восемь критериев глобального лидерства: ВВП на душу населения, ППС; военные расходы (% от ВВП); общий объем резервов (включая золото); экспорт товаров и услуг (в долларах США); прямые иностранные инвестиции, чистый приток (в % от ВВП); численность населения в городских агломерациях, в которых проживает более 1 млн человек (% от общей численности населения); статьи в научно-технических журналах; патентные заявки, сделанные резидентами стран. В ходе исследования была проведена проверка устойчивости расчетов конфигурации глобального лидерства при изменении числа рассматриваемых государств (с 19, включая всех членов “Группы 20”, кроме ЕС, не являющегося государством, на 14 государств, а также путем исключения из расчетов тех или иных государств “двадцатки”). Полученная модель демонстрирует, что позиции КНР резко усилились к 2009 г., в последующем Китай стал претендовать на абсолютное лидерство. Тем не менее, анализ характера (профиля) лидерства показывает, что США все еще обладают лидирующими позициями по большинству выбранных показателей, тогда как КНР имеет достаточно четко ограниченный профиль глобального лидерства, связанный с ускоренным (во многом догоняющим) экономическим и технологическим развитием. Также КНР еще достаточно далеко до глобального лидерства с точки зрения развитости социальных структур и даже с точки зрения военной. По многим количественным параметрам США уже стало тяжело эффективно осуществлять в мире свою гегемонию, но Китай еще не способен их заместить (прежде всего, по качественным параметрам).

Разные варианты расчетов показывают, что конфигурация глобального лидерства зависит, фактически, только от соотношения сил между КНР и США, и не меняется при убавлении или прибавлении того или иного государства.

Ключевые слова: гегемония, мировое лидерство, мировой экономический кризис, методика многомерного шкалирования, метод визуализации многомерных структур.

Данная статья призвана проанализировать соотношение сил между великими державами внутри “Группы 20” путем применения одного из вариантов метода многомерного шкалирования (ММШ).

Разработка разных вариантов применения ММШ — одно из передовых направлений количественно-качественных исследований в социальных науках. ММШ используется в настоящей работе в варианте методики визуализации многомерных структур (ВМС). Методика была разработана еще в 1990-е годы рядом российских специалистов и использовалась для решения задач в области политологии и международных отношений.

Особенно ценна в ММШ его нацеленность на использование в системных исследованиях, поскольку показатели, описывающие объекты исследования, могут быть не только независимыми, но и разнородными. Там, где полезным оказывается решение задачи структурирования множества объектов, на множестве параметров, оказываются полезными методы многомерного шкалирования. Именно с этой ситуацией мы сталкиваемся при оценке соотношения сил между великими державами (существует много государств и много разных типов ресурсов, так или иначе количественно измеряемых).

У метода многомерного шкалирования практически отсутствуют методологические границы, что определяет широту возможностей для его использования (психология, экономика, политика). Главным же ограничителем метода выступает сложность интерпретации результатов, которые представляются не в наблюдаемых показателях, а в условных обобщенных характеристиках. Для корректного применения ММШ к изучению соотношения сил между великими державами необходимо, прежде всего, проанализировать примеры применения метода к так или иначе сходным сюжетам.

Одними из первых метод многомерного шкалирования для системного анализа обобщенного понятия, такого как уровень развития, использовали И. Адельман и С.Т. Моррис [Adelman, Morris 1974]. Качественно-количественный характер результатов применения ММШ является и силой, и слабостью реализуемого через них подхода, поэтому задача модернизации методов решается на протяжении всех лет их применения. Так, в работе П. Гроенен и В. Хейзер предлагается способ компенсации следствия применения ММШ — появления нескольких минимумов у целевой функции, что существенно затрудняет выбор оптимальной структуры [Groenen, Heiser 1996]. О совершенствовании работы специализированных программ ММШ с базами данных пишут У.Дж. Джейкоби и Д.А. Армстронг [Jacoby, Armstrong 2014].

Использование ММШ в системном анализе мирового развития логично стимулировало появление работ по выявлению признаков сбоев в этом развитии, т.е. кризисов. Примером является исследование Дж. Тенрейро Мачадо “Идентификация экономических периодов и кризисов с помощью многомерного масштабирования”. Однако кризис — это комплексное явление, а в работе анализ строится только на фондовых индексах, которые хотя и интегрируют в себе многие аспекты жизни, но все же сужают контекст влияния до экономи-

ческого [Machado 2010]. Несмотря на очевидные недостатки замкнутых моделей экономик, полезные результаты применение ММШ дает и в них. В качестве примера сошлемся на работу Дж.Т. Мачадо и М.-Е. Мата “Многомерный масштабный анализ динамики экономики страны”. В ней на экстраординарной статистике глубиной в 150 лет исследовались особенности структуры на экономических переменных, позволяющих прогнозировать динамику бизнес-циклов в отдельно взятой стране (Португалии) [Machado, Mata 2013].

В настоящее время методы многомерного шкалирования реализованы как стандартные процедуры в нескольких статистических пакетах, благодаря чему стали частью научного инструментария, а их использование — обыденным делом. Поэтому исследовательский интерес сместился к анализу множества исходных данных. Свидетельство тому — несколько недавних работ, демонстрирующих использование ММШ.

Например, Е. Санидас в исследовании “Доказательство тесной связи между показателями экономического, социального, предпринимательского и политического развития стран мира” [Sanidas 2017] на статистике по 53 странам и 89 параметрам решает задачу оценки связи между группами параметров (описывающих состояние экономики, бизнеса, культуры, политической системы, социальной сферы). Поскольку задача не предполагает установления причинно-следственных связей между параметрами, вместо методов регрессионного анализа автор использовал сочетание методов иерархической кластеризации и ММШ. В работе показывается, что двумерные структуры, полученные ММШ, хорошо согласуются с априорной классификацией стран и качественно не меняются, если построения выполнять отдельно по каждой группе параметров. Ценным элементом анализа является рассмотрение возможности сокращения числа параметров за счет выделения наиболее информативных представителей групп. Результатом объемной и тщательной работы стали рекомендации по выбору информативных параметров. Исследование было акцентировано на анализе свойств множества параметров, описывающего большое количество разнообразных аспектов функционирования государства. Поэтому двумерные карты отражали структуру объектов очень широкого обобщения.

Решение более конкретных задач позволяет резко сократить количество параметров при сохранении главных свойств структуры расположения объектов. Примером такого взвешенного упрощения является исследование Дж. Т. Мачадо и М.-Е. Мата “Анализ мировых экономических переменных с использованием многомерного масштабирования” [Machado, Mata 2015].

В работе также делается акцент на анализе множества исходных данных, а именно определяется информативность выбранных представителей — параметров сфер общественной жизни. Динамика каждого анализируется на данных за 36 лет (1977-2012 гг.), что затем используется для оценки правдоподобности структур, полученных ММШ. Утверждается, что четыре параметра: 1) ВВП на душу населения (показатель экономического роста); 2) экспорт, как процент от ВВП (вовлеченности в глобализацию); 3) ожидаемая продолжительность жизни (уровня благосостояния); 4) процент зачисления в высшие учебные заведения (человеческого потенциала), позволяют получить согласующуюся с априорными представлениями социально-экономическую структуру 14 развитых стран.

Кроме того, в работе предложен подход, призванный учесть динамику структур во времени. Для этого образы страны на разных интервалах времени рассматриваются как независимые объекты и входят в одно исследуемое

множество. Нам представляется, что такое объединение является некорректным, поскольку вносит искажения в структуру. К тому же новое знание о траектории движения объектов во времени обернулось нагромождением перемещений, усложняющим понимание динамики процессов. Необходимо также отметить, что поиск небольшого информативного набора параметров является не совсем обособленной задачей, поскольку она всегда решается в процессе отбора данных и анализе полученных результатов. А вот поиск наиболее информативного, и при этом еще и минимального набора параметров, является отдельной объемной задачей, которая в работе не выполнялась.

В содержательном плане данная работа применяет ММШ (в варианте ВМС) к количественному анализу проблемы упадка американской гегемонии и перераспределения сил между великими державами. Кратко охарактеризуем проблемное поле. Многие эксперты осмысливают современный этап мировой политики как процесс нарастания конфликтов на всех уровнях, в том числе между великими державами, в частности США и КНР [Барабанов и др. 2018]. Растущая неопределенность в отношениях между великими державами делает актуальной оценку имеющихся у них ресурсов в динамике. Целый ряд классических работ неореалистов, неолибералов и сторонников мирсистемного подхода с разных сторон связывают вопрос о конфликтности в мировой политике с вопросом о роли гегемона, поддерживающего мировой порядок [Keohane 1984, 1982; Gilpin 1996, 1988; Arrighi 1994, 2007; Modelski 1987, 1996]. Упадок американской гегемонии при администрации Д. Трампа и его связь с ростом нестабильности в ключевых регионах мира стали предметом широкого обсуждения с теоретических и идеологических позиций (например, см. [Shapiro 2018; Барабанов и др. 2018]).

Для построения моделей необходимо ответить на вопрос: каковы критерии мирового лидерства? В литературе по теории международных отношений оно осмысливается, прежде всего, как “гегемония”. Можно условно выделить три направления, каждое из которых задает набор критериев гегемонии и/или лидерства: неолиберализм, неореализм, “мирсистемная теория”.

Неолиберальная теория международных отношений выдвигает на первый план способность государства-гегемона поддерживать стабильность в мире и реализовывать, тем самым, не только свои интересы, но и интересы малых и средних государств [Kindleberger 1986]. С этой точки зрения, как показал Р. Кохейн, гегемон предлагает стабильность на некоем условном “рынке” спроса на международные режимы [Keohane 1982, 1984]. Поэтому гегемон должен доминировать, прежде всего, в социально-экономической и валютно-финансовой сферах и в мировой торговле. Неореалисты [Gilpin 1996, 1988; Webb, Krasner 1989] включают в анализ показатель военной силы гегемона. Мирсистемная интерпретация гегемонии связывает ее с комплексом процессов, обусловленных циклами мирового экономического роста, социального и научно-технического развития [Валлерстайн 2001; Braudel 1967; Arrighi 1994, 2007; Modelski 1987, 1996], т.е. большую роль в ее поддержании играют показатели развития общества, науки и техники.

В этой статье мы включаем в понятие силы (*power*) государств показатели, которые позволяют оценить их позиции в социально-экономической, валютно-финансовой сферах, в мировой торговле, в военной сфере, а также в областях развития науки и техники. Данная задача является чрезвычайно комплексной, и ММШ оптимален для ее решения.

В рамках традиционно используемых в изучении международных отношений математических моделей анализ структуры легко осуществляется только для простых вариантов, когда множество описывается двумя показателями, и его элемент можно разместить на плоскости XOY . Наглядность расположения элементов обеспечивает удобство анализа, поэтому такой подход используется весьма часто. Однако все преимущества теряются, когда стремление к более разнообразному описанию задает необходимость увеличения количества показателей.

Подойти к решению этой проблемы помогает использование математического метода визуализации многомерных структур (ВМС) В.М. Сергеева [Sergeyev et al. 1995] — одного из первых вариантов ММШ, который стал применяться в отечественных социальных науках. Суть метода заключается в том, чтобы на плоскости расположить элементы, реально соотносящиеся между собой в многомерном пространстве, так, чтобы вынужденное искажение расстояний суммарно оказывалось минимальным. Такой переход от многомерности к плоскости соотносит многомерную и двумерную структуры. Реальные расстояния при этом обязательно будут изменены, но главное, что в конфигурации удастся передать, — это симметричность и равноудаленность от воображаемого центра. Именно это позволяет сделать оценку группировки рассматриваемых элементов.

Задача выбора из интервала 2002-2017 гг. лет, для которых необходимо было построить плоские модели многомерных структур, решалась следующим образом. В прошлых работах нами был описан и апробирован прогнозно-аналитический метод построения сценариев развития мировой экономической и политической ситуации [Артюшкин 2007, 2010]. Метод базируется на математической модели, описывающей динамику приращения спроса на мировом рынке нефти. Этот показатель дает хорошие ретроспективные и прогностические результаты динамики мировой экономики: его использование позволило уточнить и объяснить динамику мировой экономики на интервале 2002-2017 гг. На этом интервале в 2004 и 2013 гг. достигались локальные максимумы, а в 2009 и 2016 гг. локальные минимумы. Причем в 2016 г. кризис, проявившийся в снижении темпов мирового экономического роста, был слабовыраженным, поэтому большинством экспертов он был воспринят как затянувшаяся стагнация. Для указанных четырех экстремумов были построены структурные модели (см. рис. 1-4 в приложении 1¹).

Для удобства сопоставления схем разных лет масштабы по осям X и Y выбирались одинаковыми и полученные структуры поворачивались так, чтобы связка наиболее удаленных стран совпадала с горизонтальным направлением.

ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

В предложенной работе состояние мировой системы на интервале 2002-2017 гг. анализируется при помощи статистики, представленной на сайте Всемирного банка². Выбор статистического сайта был обусловлен тем, что

¹ См. приложение 1 на сайте журнала <https://www.politstudies.ru/> в разделе “Архив журнала” — 2021 — № 2. Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в “Группе 20”: анализ при помощи метода многомерного шкалирования.

² См. методику определения категорий и сбора статистического материала на сайте Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed 15.09.2019).

статистика, собираемая Всемирным банком, отвечает требованиям полноты и выверенности. В результате отбора на основе анализа литературы по гегемонии для анализа были выбраны следующие восемь показателей:

- ВВП на душу населения, ППС (в постоянных международных долларах за 2011 г.)³;
- военные расходы (% от ВВП)⁴. Этот показатель можно назвать “военным усилием”, и он совершенно не зависит от величины ВВП;
- общий объем резервов (включая золото, в долл. США)⁵;
- экспорт товаров и услуг (в долл. США)⁶;
- прямые иностранные инвестиции, чистый приток (в % от ВВП)⁷;
- численность населения в городских агломерациях, в которых проживает более 1 млн человек (% от общей численности населения)⁸;
- статьи в научно-технических журналах⁹;
- патентные заявки, резиденты¹⁰.

³ ВВП на душу населения рассчитывается на основе паритета покупательной способности (ППС). ВВП по ППС представляет собой валовой внутренний продукт, пересчитанный в международные доллары с использованием паритетных ставок покупательной способности. Международный доллар имеет ту же покупательную способность по отношению к ВВП, что и американский доллар в США. ВВП в ценах покупателя представляет собой сумму валовой добавленной стоимости всех производителей-резидентов в экономике плюс любые налоги на продукты и минус любые субсидии, не включенные в стоимость продуктов. Он рассчитывается без вычетов за амортизацию сфабрикованных активов или за истощение и деградацию природных ресурсов. Данные приведены в постоянных международных долларах 2011 г.

⁴ Величина военных расходов, по данным СИПРИ, рассчитывается по методике НАТО. Суммируются все текущие и капитальные расходы на вооруженные силы, включая миротворческие силы; министерства обороны и другие правительственные учреждения, участвующие в оборонных проектах; военизированные силы, если их считают обученными и оснащенными для военных операций; и военную космическую деятельность. Учитываются расходы на военный и гражданский персонал, включая пенсии военнослужащих и социальные услуги для персонала; операции и техническое обслуживание; закупки; военные исследования и разработки; и военную помощь (в военных расходах страны-донора). Не учитываются расходы на гражданскую оборону и текущие расходы на предыдущую военную деятельность, например, на пособия ветеранам, демобилизацию, конверсию и уничтожение оружия. Однако, еще раз подчеркнем, что эта методика применяется не для всех стран.

⁵ Общие резервы включают запасы монетарного золота, специальные права заимствования, резервы членов МВФ, находящиеся в распоряжении МВФ, и запасы иностранной валюты, находящиеся под контролем финансовых институтов. Золотая составляющая резервов оценивается по годовым (31 декабря) лондонским ценам. Данные приведены в долл. США.

⁶ Экспорт товаров и услуг включает все сделки между резидентами той или иной страны и остальным миром, связанные с переходом собственности от резидентов к нерезидентам общих товаров, чистый экспорт товаров в рамках перепродажи за границей, немонетарное золото и услуги. Данные приведены в текущих долл. США.

⁷ Прямые иностранные инвестиции — это чистый приток инвестиций для приобретения существенной доли акций (10% или более голосующих акций) на предприятии, работающем в экономике, отличной от экономики инвестора. Это сумма акционерного капитала, реинвестирования доходов, другого долгосрочного капитала и краткосрочного капитала. Чистый приток (новый приток инвестиций за вычетом дезинвестирования) делится на ВВП.

⁸ Население в городских агломерациях численностью более 1 млн человек — это процент населения страны, проживающего в столичных районах, где в 2018 г. проживало более одного миллиона человек.

⁹ Научно-технические журнальные статьи относятся к числу научных и инженерных статей, публикуемых по следующим специальностям: физика, биология, химия, математика, клиническая медицина, биомедицинские исследования, техника и технология, а также науки о земле и космосе.

¹⁰ Заявки на патенты — это заявки на патенты по всему миру, поданные в соответствии с процедурой Договора о патентной кооперации или в национальное патентное ведомство для получения исключительных прав на изобретение — продукт или процесс, который обеспечивает новый способ выполнения чего-либо или предлагает новое техническое решение проблемы. Патент обеспечивает защиту изобретения владельцу патента в течение ограниченного периода времени, обычно 20 лет.

Важной задачей является и выбор стран. Очевидно, что группа стран-лидеров не может сужаться до размера “Группы 7”, так как эта группа включает в себя только ключевых союзников США и, за исключением Японии, является западнцентричной. Однако нет смысла рассматривать в качестве лидеров и всю совокупность государств. Поэтому была выбрана “Группа 20” (двадцать крупнейших экономик мира), которая наряду со странами “Группы 7” включает в себя ключевые развивающиеся государства, страны-лидеры незападного мира, такие как КНР, Россия и Индия, и т.п. “Группа 20” представляет 85% мирового ВВП, 75% мировой торговли и две трети населения мира.

Из рассмотрения в рамках “Группы 20” исключен ЕС, так как иначе произойдет дублирование данных государств, входящих в ЕС в настоящее время, — Германии, Франции, Италии, Испании (а для рассматриваемых временных рамок и Великобритании). Также ЕС (несмотря на наличие единой политики в сфере обороны и безопасности и единой внешней политики) все еще нельзя рассматривать как “великую державу”. Итак, рассматриваются 19 государств, ранжированные ниже по латинскому алфавиту: Аргентина (маркировка на рисунках — *ARG*), Австралия (*AUS*), Бразилия (*BRA*), Канада (*CAN*), Китай (*CHN*), Германия (*DEU*), Испания (*ESP*), Франция (*FRA*), Великобритания (*GBR*), Индия (*IND*), Индонезия (*IDN*), Италия (*ITA*), Япония (*JPN*), Южная Корея (*KOR*), Мексика (*MEX*), Россия (*RUS*), ЮАР (*ZAF*), Саудовская Аравия (*SAU*), Турция (*TUR*), США (*USA*).

В методологическом плане интересно отметить, что первоначально расчеты были сделаны для группы из 14 государств: Аргентина, Бразилия, Китай, Германия, Испания, Франция, Великобритания, Индия, Италия, Япония, Мексика, Россия, Турция, США. При этом конфигурация глобального лидерства, полученная при расчетах 14 и 19 государств, не изменилась! Таким образом, прибавление или убавление числа государств не меняет полученную конфигурацию, что свидетельствует о достаточно большой строгости метода. Следует отметить, что соответствующая конфигурация не меняется и при исключении—добавлении еще ряда государств. Это логично с учетом того, что удельный вес государств типа Южной Африки, Индонезии, и т.п. невелик по рассматриваемым показателям по сравнению с теми странами, которые находятся в начале списка. Конфигурация глобального лидерства меняется только при устранении очевидных лидеров, вроде США и КНР. Однако конфигурация лидеров “второго порядка” несколько более чувствительна к изменениям в списке государств, что логично с учетом того, что отрыв лидеров “второго порядка” от основной массы государств, как правило, невелик. В частности, при расчете для 14 государств Россия выступает в качестве одного из возможных лидеров “второго порядка”, однако при введении в расчеты Саудовской Аравии (список из 19), это место занимает последняя. Это вполне логично, учитывая то, что это государство похоже по экономической специализации, но имеет несколько лучшие позиции на рынке сырья, большие валютные запасы, а также больший показатель военных расходов относительно величины ВВП (в 2016 г.).

Для корректной работы с показателями, имеющими существенно разный масштаб, необходим их пересчет в индексные значения. Мы выполняли это следующим образом. Значения показателя делили на его наибольшую величину в нашем статистическом ряде, и все пересчитанные значения оказывались в интервале от 0 до 1. Затем для удобства работы мы умножали их на 1 000 и округляли до целого числа. В результате значения показателей оказались нормированы в шкалу от 0 до 1 000, т.е. все были представлены в одном масштабе.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННОЙ МОДЕЛИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ЛИДЕРСТВА

Смысловой интерпретации в моделях, полученных методом ВМС, под- лежит общая конфигурация держав; сжатие либо увеличение интервалов в группах и выделение лидеров (гегемонов). Визуально лидеры видны как страны, наиболее удаленные от группы скопления.

Динамика моделей показывает верность интерпретации мирсистемных теорий, связывающих вопрос о смене гегемона в мировой политике с циклами экономического развития. В ней четко фиксируется следующая закономерность. В периоды локальных максимумов мировой экономики (2004, 2013) происходит “расширение” дистанций между державами, что, в частности, видно на анализе модельной структуры 2004 г. (см. рис. 1). На локальных минимумах мировой экономики (2009, 2016 гг.) происходит “сжатие” группы государств и позиции лидера(ов) выделяются более четко относительно основной массы. В то же время ситуация спада, локального минимума, — это и возможность обгона лидера (гегемона) одним из лидеров “второго порядка”. Так, Китай в ходе кризиса 2009 г. резко вырвался вперед (в 2004 г. он выглядел достаточно заурядно на общем фоне), затем в 2013 г. и 2016 г. его лидерские позиции консолидировались.

Рассмотрим подробнее модели структур для каждого из периодов. В 2004 г. (см. рис. 1) США еще являются бесспорным гегемоном. Ближе всего к позиции альтернативного лидера Япония и Германия. На фоне благоприятной экономической конъюнктуры дистанции в группе середняков относительно велики, страны визуально не “налегают” друг на друга. Китай занимает отдельную позицию от группы “середняков”, но она не привилегированна. Интересно также отметить, что в условиях высоких цен на сырье особое положение — сверху — занимают две сырьевые экономики, характеризующиеся относительно высоким уровнем жизни — Саудовская Аравия и Австралия.

В 2009 г. (см. рис. 2) ситуация меняется. Происходит постепенный перехват лидерства у США со стороны Китая. Под влиянием серьезного экономического кризиса группа держав “сжалась”, дистанции между ними уменьшились. Япония, Германия несколько выдаются из общей массы держав, но статус возможных альтернативных США лидеров утратили. Саудовская Аравия тоже сохраняет свое особое положение в силу ряда показателей, связанных с сырьем и финансами.

В 2013 г. (см. рис. 3) позиции Китая продолжают выглядеть предпочтительнее, чем позиции США. Экономическая конъюнктура благоприятная: дистанции в группе держав опять относительно велики, они перестают “налезать” друг на друга столь сильно. Визуализация показывает, что Китай пережил кризис лучше всех и вырвался немного вперед в гонке за лидерство. Япония, Германия, Великобритания, Саудовская Аравия и Индия несколько выдаются из общей массы “середняков”.

В 2016 г. (см. рис. 4) — лидерство Китая по избранным для анализа параметрам уже очевидно. США по избранным количественным параметрам “сползли” на роль альтернативного кандидата на лидерство. Под влиянием экономической стагнации группа держав снова “сжалась”, дистанции между ними уменьшились. Из группы держав по малой окружности выделяются теперь Германия, Великобритания, Япония и Саудовская Аравия.

ФАКТОРЫ МИРОВОГО ЛИДЕРСТВА ПЕРВОГО И ВТОРОГО УРОВНЕЙ

Как показывают таблицы в приложении 2¹¹, несмотря на снижение позиций относительно КНР, у США в 2016 г. по-прежнему имеет место лидерство или позиция, приближенная к лидерству по многим ключевым параметрам (экономическим, социально-экономическим, военным, научным). Временной анализ показывает между 2004 и 2016 гг. небольшие потери в лидерстве в сфере науки (в пользу КНР, что, впрочем, во многом отражает условность отчетности по количественным параметрам), относительной величине военных расходов (в пользу Саудовской Аравии и России) и относительной величине населения больших городов (в пользу Японии). Среди сохраняющихся ключевых факторов лидерства США в 2016 г. — ВВП по ППС на душу населения, первое место. Правда, следует отметить, что если бы мы брали абсолютную величину ВВП по ППС, то на первом месте по этому параметру оказался бы Китай. У США в 2016 г. также позиции, близкие к лидирующим по следующим показателям: экспорт товаров и услуг (первое место, правда, лидерство по отношению к КНР только за счет услуг); население крупных городов (второе место), научные статьи (второе место), патенты (второе место), военные расходы (второе место), золотовалютные резервы (третье место). Правда, учитывая роль доллара как основной мировой резервной валюты, этот последний показатель относительно США следует считать весьма условным.

Если в целом говорить о профиле мирового лидерства, то у США (даже по сравнению с КНР) этот профиль по-прежнему является наиболее комплексным, включающим все возможные показатели.

Среди факторов лидерства КНР можно отметить: золотовалютные резервы (первое место); научные статьи (первое место); патенты (первое место); экспорт товаров и услуг (второе место, причем, безусловное лидерство в плане экспорта товаров). Если бы мы брали абсолютную величину ВВП по ППС, то у КНР также было бы первое место по этому параметру.

Временной анализ показывает, что за последние 15 лет Китай особенно серьезно усилил свои позиции в сфере науки и технологий, несколько в меньшей степени — в сфере экспорта товаров и услуг и в размере золотовалютных резервов. При этом Китай с 2004 г. постепенно утратил позиции одного из лидеров в сфере притока иностранных инвестиций, что логично ввиду наличия у него огромных собственных резервов. Согласно нашей модели, у Китая есть ярко выраженный профиль лидерства, связанный с ускоренным экономическим и научно-техническим развитием. При этом в плане развитости социальной структуры и в военном плане КНР явно отстает.

При разборе пары США — КНР можно увидеть также некоторые объективные недостатки предпринятого исследовательского компромисса. Достаточно сложно оказалось подобрать количественные показатели, которые бы позволили более точно выразить некоторые объективные ограничения на лидерство КНР, связанные с догоняющим характером развития, а также модель роста, ориентированную на экспорт и приток зарубежных инвестиций и технологий (в том числе, связывающих КНР с теми же США, что делает позиции Пекина уязвимыми по ряду параметров). Очевидно, однако, что в данном случае имеет место экономическая взаимозависимость в паре

¹¹ См. приложение 2 на сайте журнала <https://www.politstudies.ru/> в разделе “Архив журнала” — 2021 — № 2. Артюшкин В.Ф., Казанцев А.А., Сергеев В.М. Соотношение сил между великими державами в “Группе 20”: анализ при помощи метода многомерного шкалирования.

США – КНР, связанная, в частности, с вложением Пекином запасов валюты в американские ценные бумаги, зависимостью американского потребительского рынка от китайских товаров и интересом американских корпораций к вложениям в китайскую экономику. Поэтому реально использовать китайскую уязвимость США будет крайне сложно, что и показывают попытки давления Вашингтона на Пекин при администрации Трампа.

Наиболее количественно очевидным при расчетах с 14 и 19 государствами оказывается глобальное лидерство, связанное с позициями США и КНР. Лидерство “второго порядка” очень неустойчиво и меняется год от года, а также в связи с изменением числа государств. Собственно говоря, это практически равное соревнование большого количества держав за положение возможных “альтернативных лидеров” и есть ситуация “многополярности”, когда много государств могут претендовать на роль лидера в определенных условиях и при учете тех или иных параметров. С другой теоретической перспективы эту ситуацию можно описать как “неопределенность”, так как при исключении США и КНР устойчивый лидер не вычленяется.

Среди держав, которые демонстрируют потенциал лидерства “второго порядка” при расчете для 19 государств, можно вычленить Японию, Германию, Великобританию, Саудовскую Аравию. При расчете для 14 держав выделяются также Россия и Индия.

СМЕНА ГЕГЕМОНА ИЛИ СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА?

Как интерпретировать полученную нами модель? К чему это приведет с точки зрения глобального управления? Вопрос о возможности занятия КНР роли нового глобального гегемона уже поднимался в литературе мир-системного характера [Arrighi 2007], исследуется китаеведами [Денисов 2015; Лукин 2016] и специалистами по экономическим аспектам международных отношений [Арапова 2018].

Что нас ждет: смена гегемона или “многополярность”? Какой из этих вариантов представляется наиболее реальным? Как продемонстрировал количественный анализ, у США по-прежнему имеет место лидерство или позиция, приближенная к лидерству, по многим ключевым показателям. Если рассмотреть ситуацию шире того ограниченного набора индикаторов, который был проанализирован (т.е. если учесть недостатки сделанных нами исследовательских компромиссов), то среди “плюсов” надо указать: доминирование в сфере целого ряда критически важных новых технологий (прежде всего ИКТ); сохраняющуюся роль доллара как главной резервной валюты; накопленный опыт гегемонии; систему военно-политических союзов, охватывающую ключевые регионы мира; наличие военных баз по всему миру; технологическую оснащенность армии и т.п. Ключевой “минус” – потеря статуса самой крупной экономики мира. По оценке МВФ, ВВП США на 2018 г. составлял 15,16% мирового ВВП по ППС, а у КНР – 18,69% мирового ВВП по ППС¹². К этому можно прибавить значительный государственный долг; растущие издержки поддержания гегемонической стабильности; проблемы во внутренней политике и снижающаяся готовность США и их ближайших союзников нести издержки поддержания гегемонической стабильности во всем мире (что демонстрирует политика Трампа и рост популизма во многих странах НАТО).

¹² IMF World Economic and Financial Surveys. World Economic Outlook Database. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/weorept.aspx?sy> (accessed 15.09.2019).

Очевидно, что Китай не сможет заменить США как глобальный экономический гегемон в обозримой исторической перспективе. ВВП на душу населения в КНР (в долларах 2010 г.) в 2018 г. составлял 14,2% от соответствующего показателя в США¹³. Емкость внутреннего потребительского рынка в КНР пока недостаточна, чтобы быть одним из основных “моторов” роста мировой экономики (а именно эту роль играли и продолжают играть США). Несмотря на “догоняющий” рывок по многим показателям (например, спутников геолокации *Beidou* уже больше, чем спутников *GPS*, процессоры *Kirin* и телефоны *Huawei* почти не уступают американским аналогам) Китай пока еще не является мировым лидером в создании новых ключевых технологий, более того, по ряду показателей он явно зависим от западных технологий. В ближайшие десять лет КНР не сможет стать и новым военным гегемоном. Китай стремительно догоняет по военным технологиям две “старые” военные сверхдержавы (США и Россию). Однако для статуса глобального военного гегемона необходимо еще и уметь проецировать свою военную мощь в любой район мира. Китайская армия никогда этого не делала на практике, хотя сдвиг в данном направлении постепенно происходит.

Итак, проведенный анализ показывает (даже с учетом ограничений, связанных с исследовательскими компромиссами), что объективно США по многим количественным параметрам уже тяжело эффективно осуществлять в мире свою гегемонию, но Китай еще не способен их заместить (прежде всего, по качественным параметрам).

В этой ситуации есть две альтернативы. Первая — это переход к “многополярной системе” глобального управления, например, на базе “Группы 20”. Собственно говоря, та весьма изменчивая конфигурация лидерства, которую демонстрируют на наших расчетах все ключевые государства мира, кроме США и Китая, показывает возможную тенденцию к “многополярности”, основанную на том, что ни у кого (исключая двух лидеров) нет серьезного перевеса над другими.

Вторая альтернатива связана с отношениями между США и КНР. В случае попыток США сохранить свое положение, и проявления Пекином активности в плане его оспаривания, вполне вероятно начало глобальной борьбы за гегемонию между КНР и США по образцу, проанализированному Р.Г. Гилпином [Gilpin 1996, 1988]. В этом случае мы на новом уровне вернемся к ситуации “биполярного мира”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в периоды локальных максимумов мировой экономики (2004, 2013) происходит “расширение” дистанций между державами, из общей массы государств выделяются лидеры “второго уровня”, которые могут бросить вызов основному лидеру. На локальных минимумах мировой экономики (2009, 2016 гг.) происходит “сжатие” группы государств и позиции лидера или пары конкурирующих лидеров выделяются более четко относительно основной массы. Ситуация экономического спада также дает возможность обгона гегемона одним из государств (как это произошло в паре США — КНР в 2009 г.).

Количественный анализ профилей мирового лидерства показывает, что у США (по сравнению с КНР) этот профиль по-прежнему является наиболее комплексным, включающим все возможные показатели. У Китая же есть

¹³ Ibidem.

ярко выраженный профиль лидерства, связанный с ускоренным (во многом догоняющим) экономическим и научно-техническим развитием. При этом в плане развитости социальной структуры и в военном плане КНР явно отстает. На основании проведенного исследования можно прийти к выводу, что по количественным показателям США трудно эффективно осуществлять гегемонию в мире, но Китай по качественным показателям еще долго не способен их заместить. В этой ситуации наиболее желательным сценарием с точки зрения стабильности мировой экономики становится возникновение “многополярного мира” с гармоничным взаимодействием между мировыми лидерами, а наименее желательным — “гегемоническая война” КНР и США.

В методологическом плане интересно отметить, что конфигурация глобального лидерства (т.е. отношения в паре США и КНР) не меняется при исключении или добавлении в расчеты того или иного государства, за исключением самих США и КНР.

Наконец, проведенный анализ позволил выделить два уровня гонки за лидерство: борьба за абсолютное лидерство (лидерство “первого уровня”) и борьба за лидерство “второго уровня”. На втором уровне при расчетах из 19 государств присутствуют Япония, Германия, Великобритания и Саудовская Аравия, а при расчетах для 14 государств к ним прибавляются Россия (взамен Саудовской Аравии) и Индия. При этом позиции лидерства “второго уровня” очень изменчивы и по годам, и при расчете с прибавлением или убавлением того или иного государства, что свидетельствует о том, что если исключить из расчетов США и КНР, то в современном мире сложилась “многополярность”, т.е. примерная близость по потенциалам большого числа государств.

BALANCE OF POWER BETWEEN THE G-20 STATES: ANALYSIS WITH MULTIDIMENSIONAL SCALING METHOD

V.F. Artyushkin¹, A.A. Kazantzev^{1,2}, V.M. Sergeev¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

² *National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

ARTYUSHKIN, Viktor Fedorovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Lecturer, Department of Mathematics, Econometrics and Information Technology, MGIMO University, email: ururur1@bk.ru; KAZANTZEV, Andrei Anatolyevich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Chief Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO University; Prof. at the Department of International Affairs, Leading Researcher at the Laboratory of Political Geography and Contemporary Geopolitics, National Research University Higher School of Economics, email: andrka@mail.ru; SERGEEV, Viktor Mikhailovich, Dr. Sci. (Hist.), Director of the Center for Global Problems, Institute of International Studies, MGIMO University, email: victor04076831@mail.ru

Artyushkin V.F., Kazantzev A.A., Sergeev V.M. Balance of Power Between the G-20 States: Analysis with Multidimensional Scaling Method. — Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 125–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.09>

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of MGIMO University in the framework of project No. 1921-01-02 “The Chinese project ‘Belt and Road’: the formation of regional structures in Asia and global economic and political changes.

Received: 24.06.2020. Accepted: 07.11.2020

Abstract. This article applies a method of multidimensional scaling (visualization of multi-dimensional structures) to studying different dimensions of power competition between the great states. On the basis of analysis of the Neo-Realist, Neo-Liberal, and World-systems theory literature on global hegemony, 8 criteria of global leadership were defined: GDP per capita (PPP), military expenditure (% of GDP), amount of currency reserves (including gold), export of goods and services, direct foreign investments, population size in urban agglomerations with more than one million people (% of

total population), articles in peer-reviewed scholarly journals, and patent applications. A group of 19 states of the G-20 (excluding the EU) was selected for comparative analysis. Four models visualizing positions of 19 countries according to 8 dimensions were created: for 2004, 2009, 2013, and 2016. These results were compared to the results of calculation including 14 countries: Argentina, Brazil, China, Germany, Spain, France, Great Britain, India, Italy, Japan, Mexico, Russia, Turkey, and the USA. Using mathematical methods of analysis, as traditionally applied in IR literature, turns the making of such models into a very complicated task. Therefore, the mathematical method of the visualization of multi-dimensional structures developed by Russian scholars was applied to this task. The models demonstrate that China's positions sharply increased in 2009 and since that time China has started to slowly replace USA as an absolute leader. However, if we analyze leadership within specific categories included into our model, the USA still hold leading (or close to leading) positions according to the majority of parameters, while China has a strictly defined profile of leadership connected to its accelerated economic and technical development. However, China is still far from leadership, from the point of view of the development of social structures and even regarding the military dimension.

Keywords: hegemony, world leadership, world economic crisis, multidimensional scaling, method of visualization of multi-dimensional structures.

References

- Adelman I., Morris C.T. 1974. The Derivation of Cardinal Scales from Ordinal Data: An Application of Multidimensional Scaling to Measure Levels of National Development. — *Economic Development and Planning: Essays in Honour of Jan Tinbergen*. Ed by. W. Sellekaerts. London: Macmillan. 428 p.
- Arrighi G. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso. 416 p.
- Arrighi G. 2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso. 418 p.
- Braudel F. 1967. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. Vol. 3. Le temps du monde*. Paris: A. Colin. 637 p.
- Gilpin R.G. 1988. The Theory of Hegemonic War. — *The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 18. No. 4. P. 591-613. <https://doi.org/10.2307/204816>
- Gilpin R.G. 1996. No One Loves Political Realist. — *Security Studies*. Vol. 5. No. 3. P. 3-26. <https://doi.org/10.1080/09636419608429275>
- Groenen P., Heiser W. 1996. The Tunneling Method for Global Optimization in Multidimensional Scaling. — *Psychometrika*. Vol. 61. No. 3. P. 529-550. <https://doi.org/10.1007/BF02294553>
- Jacoby W.G., Armstrong D.A. 2014. II Bootstrap Confidence Regions for Multidimensional Scaling Solutions. — *American Journal of Political Science*. Vol. 58. No. 1. P. 264-278. <https://doi.org/10.1111/ajps.12056>
- Keohane R.O. 1982. The Demand for International Regimes. — *International Organization*. Vol. 36. No. 2. P. 325-355. <https://doi.org/10.1017/S002081830001897X>
- Keohane R.O. 1984. *After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press. 312 p. <https://doi.org/10.1515/9781400820269>
- Kindleberger Ch.P. 1986. Hierarchy versus Inertial Cooperation. — *International Organization*. Vol. 40. No. 4. P. 841-847. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027399>
- Machado J.T. 2010. Identifying Economic Periods and Crises with the Multidimensional Scaling. — *Nonlinear Dynamics*. Vol. 63. No. 4. P. 611-622. <https://doi.org/10.1007/s11071-010-9823-2>
- Machado J.T., Mata M.E. 2013. Multidimensional Scaling Analysis of the Dynamics of a Country Economy. — *The Scientific World Journal*. Vol. 97. <https://doi.org/10.1155/2013/594587>
- Machado J.T., Mata M.E. 2015. Analysis of World Economic Variables Using Multidimensional Scaling. — *PLoS ONE*. Vol. 10. No. 3. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0121277>
- Modelski G. 1987. *Long Cycles in World Politics*. Palgrave Macmillan. 244 p.
- Modelski G. 1996. Evolutionary Paradigm for Global Politics. — *International Studies Quarterly*. No. 40. P. 321-342. <https://doi.org/10.2307/2600714>
- Sanidas E. 2017. Evidence of the Strong Nexus between Economic, Social, Business, and Political Indicators across the World. — *International Journal of Economics & Management Sciences*. Vol. 6. No. 6. <https://doi.org/10.4172/2162-6359.1000481>
- Sergeyev V., Belyaev A., Biryukov N., Dranyov Ya., Gleisner J. 1995. Voting in the Russian Parliament (1990-93): The Spectrum of Political Forces and the Conflict between the Executive and the Legislative. — *Journal of Behavioral and Social Sciences*. No. 2. P. 66-108.

Shapiro J. 2018. What “America First” Will Cost Europe. Could Trump’s Neglect Undo the EU? — *Foreign Affairs*, 12.06. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2018-06-12/what-america-first-will-cost-europe> (accessed 20.09.2019).

Webb M.C., Krasner S.D. 1989. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment. — *Review of International Studies*. Vol. 15. No. 2. P. 193–198. <https://doi.org/10.1017/S0260210500112999>

Arapova E. 2018. China: Trends of International Interaction amid Contemporary Challenges. — *World Economy and International Relations*. Vol. 62. No. 6. P. 77–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-77-85>

Artyushkin V.F. 2007. Regional Conflicts and the Process of Price Formation in the World Oil Market. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 129–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.05.11>

Artyushkin V.F. 2010. Forecasting of an Energy Policy. — *Observer*. No. 12. P. 72–81. (In Russ.)

Barabanov O.N., Bordachev T.V., Lisovolik Ya.D., Luk’yanov F.A., Sushentsov A.A., Timofeev I.N. 2018. *Zhizn’ v osypayushchemsya mire. Doklad mezhdunarodnogo kluba “Valdai”* [Living in Crumbling World. Report by International club Valdai]. Moscow. 130 p. (In Russ.) URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (accessed 20.08.2019).

Denisov I.E. 2015. Chinese and Western Values in the Modern Political Discourse of China. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 35–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.06>

Lukin A. 2016. Post-Bipolar World: Peaceful Coexistence or Chaos? — *World Economy and International Relations*. Vol. 60. No. 1. P. 17–29. (In Russ.)

Wallerstein I. 2001. World-Systems Analysis: An Introduction. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. 416 p.)

Литература на русском языке

Арапова Е. 2018. Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 6. С. 77–85. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-6-77-85>

Артюшкин В.Ф. 2007. Региональные конфликты и процесс ценообразования на мировом рынке нефти. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 129–139. <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.05.11>

Артюшкин В.Ф. 2010. Прогнозирование энергетической политики. — *Обозреватель*. № 12. С. 72–81.

Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. 2018. *Жизнь в осыпающемся мире*. Доклад международного клуба “Валдай”. М. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (accessed 20.08.2019).

Валлерстайн И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. Санкт-Петербург: Университетская книга. 416 с.

Денисов И.Е. 2015. Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 35–44. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.06>

Лукин А. 2016. Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос? — *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 17–29.

ИНТЕРФЕЙС МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ДИСКУРСОМ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин, С.П. Артеев

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна, доктор политических наук, член-корр. РАН, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ, Москва, email: ogaman@mail.ru; **НИКИТИН Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: an@inno.mgimo.ru; **АРТЕЕВ Сергей Павлович**, кандидат политических наук, старший преподаватель МГИМО МИД России; научный сотрудник ЦСЭПИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: artsp7@yandex.ru

Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., Артеев С.П. Интерфейс между политической наукой и политическим дискурсом. — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 139-156. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.10>

Исследование и создание онлайн-библиотеки книг, статей, докладов, документов выполнены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и АНО “Экспертный институт социальных исследований” (АНО ЭИСИ) в рамках научного проекта № 20-011-31341 “Прикладные технологии анализа, деэскалации, урегулирования внутривнутриполитических и международно-политических конфликтов (на основании систематизированных материалов конфликтов на постсоветском пространстве и конфликтов с участием России в дальнем зарубежье)”.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2020. Принята к публикации: 12.01.2021

Аннотация. В статье представлены новые подходы к систематизации и классификации эвристических ресурсов политической науки с точки зрения обеспеченности политического дискурса адекватными информационными и научно-образовательными источниками. Теоретико-методологическая рамка статьи сформирована преимущественно на основании таких субдисциплин современной политической науки как политическая эпистемология и политическая конфликтология. Особое внимание авторы уделяют систематизации второй из них на основе возможностей первой. Авторы проводят анализ современного этапа развития политической конфликтологии, выявляют специфические характеристики публичного политического дискурса в ее поле. В качестве инструмента решения актуальных эвристических задач авторы предлагают новый интерфейс между политической наукой и политическим дискурсом — электронные ресурсы систематизированной политологической литературы и политических документов в виде онлайн-библиотеки книг, статей, докладов, документов: “Библиотека политолога” и “Библиотека конфликтолога”, — которые представляют собой своеобразную форму инвентаризации наличных научно-образовательных ресурсов. “Библиотека политолога” имеет более универсальный характер и предназначена для более широкой аудитории. В то же время “Библиотека конфликтолога”, хотя и является более узкоспециализированным информационно-аналитическим ресурсом, в то же время содержит в себе мультимедийные (фото, видео, карты, инфографика) и интерактивные (тест-игра по шести конфликтам) компоненты, что соответствует современной образовательной и научно-исследовательской парадигме. Данные ресурсы по-новому систематизируют политологическую литературу и предназначены для информационной и библиографической поддержки современного научного дискурса в России по актуальным проблемам внутренней

и международной политики России, а также международно-политической конфликтологии в геополитическом ареале интересов России. В статье также представлен обзор аналогичных информационных и образовательных онлайн-ресурсов других стран, включая ведущие мировые университеты, коммерческие и некоммерческие информационные системы США, Евросоюза, Франции, Великобритании, Германии, Китая и ряда других стран. Предложена обновленная классификация субдисциплин и тематических разделов комплекса политических наук.

Ключевые слова: политическая конфликтология, политическая эпистемология, политический дискурс, информационные технологии, информационные ресурсы, внутренняя политика, международная политика, онлайн-библиотеки, структура политической науки.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

В арсенале современной политической науки трудно найти более востребованные политической практикой инструменты анализа, чем *понятие конфликта* и конфликтологическая парадигма изучения политики в целом, ибо в условиях нынешней глобальной турбулентности конфликт предстает ее имманентным свойством и одновременно — наиболее потенциально опасной ее характеристикой. При этом ставшие очевидными глобализация ареала конфликтности, мутация природы и дифференциация конфликтных практик определяют востребованность обновления эвристического инструментария их анализа и эпистемологического арсенала их прогнозирования. В статье представлены новые подходы к систематизации и классификации политических конфликтов, которые расширяют возможности понимания и прогнозирования возникновения, эволюции и разрешения политических конфликтов.

Новые подходы к систематизации конфликтов предстают развитием конфликтологии, которая к настоящему времени превратилась в развитую субдисциплину политической науки. Обращение к истории данного научного направления показывает, что изучение феномена политического конфликта началось не в 1991 г., хотя именно последовавший за этим переломным годом период был отмечен взрывом исследовательского интереса к теме. Так, в период с 1991 г. по 2017 г. было защищено 254 диссертации [Тимофеева 2020: 9]. В ретроспективе отечественная история изучения социальных (и политических как их разновидности) конфликтов берет начало даже не в середине XX в., а более полутора столетия назад — в 1860-х годах. Осуществленный в литературе фокусированный анализ истории изучения их природы и характера позволил представить периодизацию истории изучения социальных конфликтов в России.

Так, в рамках проведенных С.Л. Прошановым исследований был представлен библиографический и наукометрический анализ динамики публикаций по профильной тематике, позволивший идентифицировать два масштабных этапа: *прединституциональный* (с 1860-х годов по 1991 г.) и *институциональный* (с 1991 г. по настоящее время), а в их рамках — четыре более дробных периода становления конфликтологии как научной области ([Прошанов 2008: 9]; см. также [Глухова, Тимофеева 2016: 22-31]). Первый период (с 1860-х годов по 1917 г.) был связан с усилиями отечественных ученых по адаптации теорий О. Конта и К. Маркса применительно к российским реалиям и развитием отечественными социологами (в том числе Я. Юделевским, П. Сорокиным, А. Звоницкой и др.) собственных оригинальных концепций. В рамках этого периода нашли отражение сложные перипетии противостояния марксистских

идей и их антагонистов. Наиболее значительные открытия данного периода связаны с именем П.А. Сорокина, включая написанную им на русском языке в 1923 г. и опубликованную после его эмиграции в США работу, — “Социология революции”. В этой и последующих работах Сорокин со всей определенностью ставил вопросы о неизбежности социальных конфликтов, их сигнальной функции, востребованности конструктивных усилий по их деэскалации. Сорокин разработал *оригинальную концепцию интегрализма*, основанную на *социогенетике*, как концепции сопряжения *многомерного общества* и *многосоставной и разнокачественной реальности*, что в свою очередь предполагало плюрализм и диверсификацию источников развития.

Второй период (1917–1961 гг.) несет на себе отражение идеологием государственного социализма, постулировавших отсутствие антагонизмов в бесклассовом обществе и — в перспективе — искоренение конфликтов социального характера. Параллельно с вытеснением из управленческой сферы СССР в начале 1930-х годов деятелей политической оппозиции изучение конфликтов исчезает из социологической повестки и даже из практики социального регулирования (хотя реальная политико-экономическая система, несомненно, была ими полна). Закономерным развитием данных методологических установок стало изъятие из нормативных документов даже положений о трудовых конфликтах: в начале 1930-х годов был прекращен их учет; в 1933 г. из Устава профсоюзов исчезло положение о праве работающих на забастовки. После этого вплоть до 1960 г. исследования возникающих в условиях социализма конфликтов не проводились [Глухова, Тимофеева 2016].

Начало в 1960 г. третьего этапа (1961–1991 гг.) развития конфликтологии было отмечено возрождением усилий по изучению социальных конфликтов, которые в данный период рассматривались как несистемные свойства отношений в малых группах, не связанных с сущностными характеристиками социалистической политико-экономической системы. Источники конфликтов, как правило, аттестовались в качестве “пережитков прошлого” или девиантных проявлений, а конфликт трактовался как атрибутивное качество антагонистических формаций. Вместе с тем представление конфликта как присущей малым группам характеристики открывало возможности изучения психологических, этических, международных, противоправных и др. аспектов конфликтов, не связанных с макрополитическими измерениями социальной системы. Дальнейшее активное развитие отечественной социологии в 1970-е годы не могло обойтись без усиления внимания к конфликтологической тематике, включая расширение понимания конфликта в качестве общесоциального атрибута. Данная тенденция получила мощный импульс в период перестройки, которая сопровождалась как усилением конфликтов (прежде всего, межэтнических), так и соответственно, возрастанием интереса к ним в условиях ослабления идеологических ограничений. По подсчетам С.Л. Прошанова, с 1986 по 1990 гг. по теме конфликтности в СССР было опубликовано больше работ, чем за весь предыдущий период [Прошанов 2008: 42; Глухова, Тимофеева 2016: 27].

1991 год открывает новый — четвертый — период изучения конфликтов, озаглавленный всплывкой в стране острейших политических и социально-экономических конфликтов различного уровня, что в условиях ослабления прямой цензуры сопровождалось взрывом исследовательских усилий по изучению конфликтов, который в немалой степени был стимулирован публикацией профильных по теме трудов классических зарубежных авторов (Р. Дарендорф, Й. Галтунг,

А. Турен, Л. Козер, Т. Скокпол, Ш.Н. Айзенштадт и многие другие). В начале 1990-х годов начинает складываться отечественная школа изучения конфликтов (А.Н. Чумиков, А.В. Глухова, Л.Н. Тимофеева, Л.И. Никовская, А.И. Никитин и др.). Важно отметить, что разрозненные поначалу исследовательские усилия институционализируются: в Российской академии наук в 1992 г. возникает первая профильная институциональная структура — Центр конфликтологии Отделения общественных наук, первым руководителем которого стал член-корр. РАН Г.Х. Шахназаров. В том же 1992 г. создается Центр конфликтологии в Институте социологии РАН. Впоследствии в рамках организованной в 2000 г. Международной ассоциации конфликтологов (МАК) возникает Секция политических конфликтов. В дальнейшем во многих региональных центрах — в Казани, Санкт-Петербурге, Астрахани, Воронеже, Нижнем Новгороде, Ставрополе, Ярославле и др. — формируются школы изучения и преподавания конфликтологии, а на их базе возникают региональные отделения МАК.

В результате трех десятилетий эволюции отечественная конфликтология определилась с ключевыми методологическими основаниями. Среди них — непростое признание самого факта существования и значительных масштабов ранее латентных или замалчиваемых конфликтов на постсоветском пространстве. Другим существенным основанием стало признание в качестве источника значительной части разгоревшихся конфликтов ошибок политики трансформационного периода, неэффективного, преимущественно ситуативного реагирования на возникающие в обществе противоречия и насущной востребованности системного анализа и стратегического менеджмента в сфере национальной и социальной политики. Актуальное понимание управленческой эффективности предполагает объективный профессиональный анализ межэтнических, межрелигиозных, политических и межгрупповых противоречий в современных обществах. Еще одним принципиальным основанием отечественной конфликтологии становится пересмотр после распада СССР целей и средств внешней политики страны, новая оценка друзей, врагов и угроз на международной арене.

В целом можно констатировать, что на протяжении последних трех десятилетий в России произошло становление отечественной политической конфликтологии в качестве субдисциплины, вполне сформировавшейся и включающей внутриполитический и международно-политический компоненты, на стыке политической теории (политологии), политической компаративистики и международных исследований. Ныне эта субдисциплина включена в обширное поле международного научного и политического взаимодействия.

К настоящему времени отечественная конфликтология охватывает следующие проблемные области и тематические поля:

- рассмотрение широкого спектра *действующих сил, источников, факторов и форм проявлений политической конфликтности* в отношениях государственных и негосударственных институтов и акторов различной природы и генеза;

- политико-социологический *анализ отношений политической власти и оппозиции* в современных разделенных и многосоставных обществах (включая расовые, культурные, гендерные и иные измерения);

- *изучение инструментов, методов, технологий (включая переговоры)*, мировых и отечественных практик урегулирования конфликтов;

- анализ старых и новых *факторов и параметров конфликтности* во внутренней и международной среде в период после окончания холодной войны и распада Советского Союза;

- фокусированное исследование конфликтогенной роли *межэтнических и межрелигиозных* противоречий;
- анализ новой *геополитической картины и геополитических тенденций* постсоветского пространства;
- рассмотрение форм постсоветской интеграции (СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС и др.) с точки зрения их возможностей как *инструментов и потенциала предотвращения и урегулирования конфликтов*;
- вопросы *внешнего вмешательства* внерегиональных держав и международных организаций в конфликты, включая роль ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС и ряда мировых держав;
- роль и пределы применения *военной силы* в современных конфликтах;
- проблемы соотношения *силы и права* в конфликтах, легитимности и международно-правовой обоснованности политики стран, в том числе России, в конфликтных регионах;
- вопросы баланса между *суверенностью* государств и необходимостью международного *вмешательства*;
- рассмотрение конфликтных узлов сквозь призму проблематики *терроризма/контртерроризма*;
- наконец, широкая палитра конкретных *регионоведческих* конфликтологических исследований, посвященных прикладному анализу конфликтов в конкретном страновом и региональном контекстах как на постсоветском пространстве, так и в дальнем зарубежье [Никитин 2016].

Дальнейшее развитие отечественных конфликтологических школ в значительной мере будет зависеть от политической практики третьего десятилетия XXI в. Противоречия, возникшие или обострившиеся в связи с конфликтами вокруг Крыма, Восточной Украины, Сирии привели к существенной перестройке внешнеполитической стратегии России, ее политической линии в мировой политике. Наметились новые гласные и негласные “правила” поведения держав на мировой арене, изменился круг международного общения России. Многие положения теоретических споров конфликтологов проявились в политической практике. Российская конфликтология как субдисциплина политической науки остается на “переднем крае” политического развития, участвует в определении места России в мире будущего. Очевидно, что накопление в течение предшествовавших тридцати лет значительного эвристического потенциала конфликтологии, формирование ее научных школ изучения и преподавания конфликтологии в условиях резкого обострения конфликтности реальной политики ставит вопрос о поиске дальнейших путей и алгоритмов продуктивного развития данной предметной области.

В этом контексте представляется обоснованной идея А.И. Соловьева о том, что политическая рефлексия создает различные типы рационализации мира политики. Но именно теоретические формы интерпретации политики как рационально-логической деятельности, использующей валидированные инструменты анализа, ориентированные на получение верифицированных знаний, позволяют маркировать политику как особый круг явлений, соотносенных с иными проявлениями жизни человека, общественными и природными явлениями. “И только в этих рамках научное знание — синтезируя имеющиеся у исследователя картины мироздания и отвечая требованиям предметной спецификации особого круга явлений, — способно решать свою триединую

задачу: объяснения, понимания и прогнозирования политических явлений” [Соловьев 2018: 112]. Исходя из того, что дискретный характер политических процессов ослабляет применение идеалтипических моделей, обоснованно предполагается, что в рамках анализа институализированной политики в целях снижения критичности в обновлении научных знаний следует использовать более надежные познавательные приемы. К данным инструментам относят:

— формирование новых аналитических моделей на основе сочетания методов, тяготеющих к получению представлений о глубинных источниках “человеческой” активности в сфере политики (например, дискурсивный институционализм, психологизм, коммуникативизм, антропологизм и пр.);

— более полное использование когнитивного потенциала общенаучных (синергетических, коэволюционных и пр.) и универсалистских (семиотических, морфологических) методов познания, позволяющих достичь нужного сочетания конкретно-индуктивных, дедуктивно-системных и историографических методов исследований;

— более разностороннюю разработку методологий, ориентированных на переход от систем и структур к нелинейным схемам анализа, основанным на выделении кластеров, комплексов, потоков и типизации индивидуальных практик. Так, *кластеры* агрегируют множество однотипных и в то же время отличных друг от друга явлений; *комплексы* обобщают профильные идейно-поведенческие акции и интеракции ключевых и второстепенных акторов, а *потоки* сочетают разнородные типы активности, нормы, установки и пр. [там же: 118-119].

Эти эпистемологические инструменты могут позволить найти новые эффективные исследовательские подходы, наследующие позитивные традиции отечественной политической мысли. Для повышения надежности выбора эвристических инструментов полагаем желательным взглянуть на эти идеи в контексте современных тенденций развития эпистемологии.

В данном поле видится два наиболее значимых вызова. Один из них имеет внешний по отношению к сфере познания характер, другой имеет внутреннюю природу. Если обратиться к первому и бросить взгляд на изменения способов эпистемологических артикуляций, коммуникаций и технологий, неизбежно подвижных в процессе смен научных картин мира [Гаман-Голутвина 2019], то легко увидеть, что — в аспекте философской рефлексии — устранение в начале 1990-х годов идеологических ограничений, характерных для предшествовавшей политической системы отношений, сменилось другой проблемой — всеобъемлющей прагматизацией (если не утилитаризацией) отношения к социальной реальности. Отечественные специалисты в области эпистемологии отмечают, что уже к середине XX в. прагматически ориентированные исследования выделились в самостоятельную область эпистемологии со своими методологическими требованиями и нормами. Сегодня такого рода исследования образуют основной массив науки. Уязвимость данной ситуации в науке состоит в том, что в основание этих норм полагается не истинность, а прикладная эффективность получаемого знания. Специалисты отмечают, что в настоящее время “управление наукой фактически уже переместилось в сферу производственных потребностей общества, т.е. оказывается вне собственно познавательной деятельности; наука интенсивно коммодифицируется, результаты научных исследований превращаются в товар, что очевидным образом радикально меняет природу традиционной внутринаучной коммуникации, в ходе которой знание выражается, транслируется и принимается как истинное или отвергается как ложное” [Пружинин 2018: 34].

Тревога специалистов обусловлена тем, что упомянутая эволюция сопряжена с проблематизацией эпистемологического статуса теории познания: “Если прежде целью (эпистемологии) было выявление норм познания, приводящего к истинному знанию, то теперь сферой ее компетенции оказывается поиск социальных условий принятия исследовательских результатов как знания профессиональным сообществом и социумом в целом” [там же].

Данная тенденция внушает тем более обоснованную тревогу, что она сочетается с креном в сторону аналитических традиций: “Эпистемология, развертывающаяся в этом направлении, фактически уходит от вопроса о природе знания как феномена культуры в сферу детального анализа логико-семантических процедур, с помощью которых строятся абстрактные модели индивидуального сознания” [там же]. Обе тенденции содержат в себе интенцию возврата теории познания к статусу позитивистской философии науки, сконцентрированной на технике конструирования знания, что определяет риск утраты экзистенциального и культурного статуса знания, изначально составлявшего фундамент науки как социального института и способствовавшего на протяжении веков ее сохранению в качестве института рефлексии знания как самоценного блага. Это позволяло сочетать когнитивно-технические и коллективно-социальные аспекты познания в философском теоретико-познавательном самосознании и осмыслении феномена науки. Актуальной современной задачей предстает обеспечение содержательного диалога этих двух направлений научно-познавательной деятельности и внутри себя, и в самосознании практикующих ученых.

Дополнительные риски определены тем, что эпистемология такого рода, теряющая из виду целое ввиду чрезмерной детализации, порождает системный релятивизм, а вместе с ним и отказ от поисков условий истинности знания.

Данный тип релятивизма коррелирует с другой его разновидностью, которая обусловлена внутренней эволюцией эпистемологии, а именно ощутимым усилением ее постмодернистских обертонов. Эта разновидность релятивизма, пожалуй, являет собой даже более серьезный вызов эпистемологии, нежели ее “аналитический крен”. О постмодернизме применительно к теории познания, написано немало, отметим лишь актуальное в данном контексте. Прежде всего, вопреки распространенному убеждению относительно автономности и принципиальной индифферентности постмодернизма по отношению к реальному миру, все же не лишены обоснованности суждения, связующие эти две условно параллельные плоскости: “...постмодерн и постмодернизм отнюдь не являются выдумкой теоретиков искусства, художников и философов. Скорее дело заключается в том, что наша реальность и жизненный мир стали ‘постмодерными’. В эпоху воздушного сообщения и телекоммуникации разнородное настолько сблизилось, что везде сталкивается друг с другом; одновременность разновременного стала новым естеством. Общая ситуация симультанности и взаимопроникновения различных концепций и точек зрения более чем реальна. Эти проблемы и пытается решить постмодернизм. Не он выдумал эту ситуацию, он лишь только ее осмысливает. Он не отворачивается от времени, он его исследует”, — справедливо констатировал немецкий исследователь В. Вельш еще в конце 1980-х годов [Welsch 1987: 4]. Иными словами, “постмодернизация познания” предстает отражением и следствием тектонических сдвигов в самой реальности. Сегодня трудно отрицать, что принципиальная фрагментация, взаимопроникновение антагонистов,

нелинейность их эволюции, химеричность возникающих в результате этой эволюции форм — все это отражает принципиально линейную, алогичную, внутренне глубоко конфликтную по совокупности доминантных и вторичных кливажей реальность. Постмодернизм как восстание против просветительских смыслов и рациональности Нового времени, как “Великий” отказ от “метанарративов”, как всеобъемлющая карнавализация есть не просто “некое духовное состояние” [Эко 1997: 635] и не просто доминирующее эмоциональное течение, постмодернизм — это также одно из направлений эпистемологии. Вопрос в том, применительно к каким областям политики данный формат адекватен и эффективен. На наш взгляд, постмодернизм может служить своеобразным зеркалом химерической феноменологии, однако вряд ли эту методологию можно рассматривать в качестве эффективной методологии там и тогда, когда глубоко конфликтная и чреватая конвертацией конфликтов в полномасштабные войны реальность требует реальных же и эффективных усилий по разрешению серьезнейших по степени остроты и угрозы противоречий и столкновений. Поиски новых возможностей валидизации анализа и прогноза побудили авторов вернуться к средствам классической эпистемологии в качестве инструментов рационального дискурса. Мы предполагаем, что данные методологические подходы способны обеспечить результативный анализ и прогнозирование как в рамках политической конфликтологии, так и политической науки в целом.

Вышеупомянутые факторы обусловили необходимость профессиональной организации публичного дискурса по вопросам конфликтов внутренней и международной природы, который невозможен вне общего контекста современной политической науки. Это определило представляемую инициативу Российской ассоциации политической науки как единственной международно признанной структуры, представляющей отечественных политологов в международных организациях. РАПН объединяет более 1000 специалистов из более чем 60 регионов России и является на протяжении последних десятилетий основным “драйвером” развития профессионального политологического сообщества страны. Именно члены РАПН, ее исследовательские комитеты и региональные отделения обеспечили основной массив новых научных работ, составивших ядро отечественной политологии постсоветского периода. Развитие российской политической науки с 1991 г. по настоящее время привело к созданию комплекса дисциплин и субдисциплин, которые принципиально методологически и содержательно отличны от государствоведческих и политологических работ советского периода и обладают относительной самостоятельностью в рамках основных течений мировой политической науки.

Заслугой Российской ассоциации политической науки является масштабное и системное исследование содержательных результатов и достижений по большинству субдисциплин, школ и тематических направлений отечественной политологии. На протяжении последних полутора десятка лет по итогам проведенных систематических исследований было опубликовано несколько многотомных изданий. Важным шагом на пути осмысления концептуального наследия отечественной социально-политической мысли стало издание в 2008 г. коллективом ведущих российских ученых под эгидой РАПН и под общей редакцией А.И. Соловьева пятитомника “Российская политическая наука”. В данном издании была представлена сквозная (в рамках условной

периодизации с XVIII в. вплоть до первого десятилетия XXI в.) история формирования и развития отечественной политологии¹.

Не имеет аналогов в мировой науке выпущенная в 2010 г. издательством РОССПЭН 118-томная “Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века” [Библиотека отечественной... 2010], представляющая наиболее полную на сегодняшний день антологию трудов российских политических мыслителей. Это издание представляет современному читателю наиболее значимые интеллектуальные достижения отечественных мыслителей за тысячелетний период развития России. Публикация упомянутых антологий открыла возможность аналитического изучения наследия и современного состояния отечественной политической науки. Результатами кропотливых аналитических исследований стала монографическая “Библиотека РАПН” (2012 г.) и масштабная пятитомная серия монографий “Российская политическая наука: Истоки и перспективы” под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной (2015 г.)², в которой была представлена широкоформатная картина истории, современного состояния и перспектив развития субдисциплин, школ и направлений отечественной политической науки. В этом же контексте следует упомянуть созданный под руководством А.И. Никитина электронный образовательный ресурс “Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте” (2015 г.).

Прошедшее с момента создания упомянутых продуктов время и их плотное вовлечение в исследовательский и образовательный процесс не только показали их эвристическую значимость и несомненную востребованность, но также сформировали предпосылки создания *электронных* исследовательских и образовательных ресурсов и конвертации полученных ранее результатов в прикладные технологии решения практических политических задач, включая разработку инструментов анализа, прогноза и разрешения политических конфликтов различной природы и генеза.

Это побудило исследовательский коллектив предпринять следующий шаг на пути тематической и методологической систематизации направлений и субдисциплин отечественной политической науки и создания на этой базе электронной “Библиотеки политолога”. Этот новый ресурс обеспечивает развитый и достаточно полный онлайн-доступ к систематизированной панораме наиболее качественных (и отобранных по этому критерию) образовательных и исследовательских материалов и данных по профилю дисциплины не только специалистам в области исследования и преподавания политологии, но также и общественности, интересующейся политикой. Такой доступ, по мнению разработчиков, должен включать инструменты систематизации, поиска, классификации книг, статей и аналитических докладов по многим параметрам (дисциплины и субдисциплины, темы и разделы, исторические периоды,

¹ Пятитомное издание “Российская политическая наука” было осуществлено в течение 2008 г. издательством РОССПЭН, в подготовке и редактировании томов приняли участие Ю.С. Пивоваров, О.В. Гаман-Голутвина, А.Г. Сытин, А.А. Галкин, И.К. Пантин, Г.Г. Водолазов, О.Ю. Бойцова, Е.Б. Шестопал, А.Ю. Мельвил, А.И. Соловьев.

² В рамках этой серии в издательстве “Аспект Пресс” были изданы: *История российской политической науки*. Под ред. Ю.С. Пивоварова, А.И. Соловьева. М. 471 с.; *История Российской ассоциации политической науки*. Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. М. 360 с.; *Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М. 464 с.; *Российская политическая наука: идеи, концепции, методы*. Под ред. Л.В. Сморгунюва. М. 375 с.; *Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития*. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М. 560 с.

региональные кластеры и др.). Именно на решение обозначенной задачи и нацелены новые проекты, реализованные силами РАПН при участии Института международных исследований МГИМО МИД России. Следующим шагом стало создание электронного многофункционального ресурса “Библиотека конфликта”, многократно расширяющего возможности анализа, прогноза и разрешения внутривластных и международных конфликтов и существенно повышающего валидность этих операций.

Приступая к совместному созданию новых эпистемологических инструментов политологического профиля, участники коллектива проекта провели масштабную инвентаризацию существующих научно-образовательных интернет-ресурсов различных стран с целью создания для российского академического сообщества востребованных ресурсов, повышающих его эвристический потенциал.

ФОРМЫ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

В XXI в. наука как фундаментальный общественный институт немыслима без киберпространства. Критически важная роль интернета для развития науки и образования стала неоспоримой в ходе экстраординарной ситуации, вызванной пандемией COVID-19 и проявившей себя глобальным локдауном. В 2020 г. без киберсреды внутринациональное и международное взаимодействие исследователей было бы невозможным, хотя возрастающая роль интернета в научных исследованиях стала очевидной уже на рубеже XX-XXI вв. [Батыгин 2001]. Однако *научная экосистема* включает в себя не только офлайн- и онлайн-среды. Помимо *среды* (каналы, площадки, платформы) и *субъектов* (исследователей и научных организаций), в нее также входят *научные публикации* как форма представления и приращения научного знания, а также ключевой элемент научной коммуникации. В связи с этим возникает проблема адекватной репрезентации научных трудов как публичных *продуктов* в интернет-среде.

Научно-образовательные интернет-ресурсы, предоставляющие возможность доступа к научной литературе, можно классифицировать следующим образом: 1) поисковые сервисы; 2) базы данных; 3) онлайн-библиотеки.

Функционально онлайн-библиотеки решают те же задачи, что и традиционные “бумажные” библиотеки: обеспечивают возможности для поиска, систематизации и освоения научно-образовательной литературы. Существует несколько подходов к типологизации *онлайн-библиотек*.

— *По тематической направленности*: универсальные/политематические и специализированные/тематические.

— *По типу контента*: библиотеки текстовых файлов, библиотеки мультимедиа (аудио-, видеофайлов).

— *По глубине охвата и доступа*: хронологический (например, количество оцифрованных номеров в случае периодического издания), содержательный (библиографическая запись, фрагмент текста, полнотекстовая версия), с режимом доступа (необходимость регистрации, оформления подписки, свободный доступ).

— *По формату*: исключительно онлайн, сочетание онлайн и традиционного формата (проекты по оцифровке книжных и журнальных коллекций от ведущих библиотек).

Политологическая литература в полнотекстовом виде и на условиях свободного доступа наиболее широко представлена на универсальных/политематических ресурсах. В российском сегменте интернета лидерами являются “Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU”³ (требуется регистрация) и “КиберЛенинка”⁴ (регистрация не требуется). Важной особенностью этих ресурсов является то, что материалы представлены преимущественно на русском языке и охватывают, в первую очередь, периодические издания и сборники.

К крупнейшим зарубежным универсальным научным сетевым ресурсам относят “Академию Google”⁵ (2004, США), *JSTOR* (1995, США)⁶, *Directory of Open Access Journals*⁷. Эти интернет-ресурсы охватывают литературу на десятках языков, хотя английский доминирует. Однако по сути они являются не онлайн-библиотеками, а поисковыми сервисами и базами данных (что сближает их с такими всемирно известными наукометрическими базами данных как *Scopus* и *Web of Science*). При этом полнотекстовые версии на условиях свободного доступа представлены далеко не во всех случаях. В связи с этим более корректно считать прямыми аналогами российских универсальных/политематических онлайн-библиотек такие менее известные проекты как “Гутенберг” (1971, США), *Europeana* (2008, Европейский союз)⁸.

Помимо универсальных/политематических ресурсов, в Сети есть также и специализированные/тематические онлайн-ресурсы, на которых размещена научная литература по политической науке и международным отношениям. В Рунете онлайн-библиотеки, как правило, представлены соответствующими разделами сайтов научно-образовательных и экспертно-аналитических организаций (например, РАПН⁹, Российского совета по международным делам¹⁰, а также ряда вузов¹¹ и институтов Российской академии наук¹²). Помимо этого, существуют и некоторые специализированные онлайн-библиотеки политологического и международно-политического профиля¹³.

Практически все ведущие западные экспертно-аналитические структуры и университеты также имеют свои онлайн-библиотеки: *RAND Corporation*¹⁴ (США), *Stratfor*¹⁵ (США), Брукингский институт¹⁶ (США), *Royal Institute of*

³ Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://elibrary.ru/> (accessed: 27.10.2019).

⁴ КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/> (accessed: 27.10.2019).

⁵ Google Академия. URL: <https://scholar.google.com/> (accessed: 26.10.2019).

⁶ Ifindr free edition. URL: <https://ifindr.lscience.com/> (accessed: 26.10.2019).

⁷ Directory of Open Access Journals. URL: <https://doaj.org/> (accessed: 26.10.2019).

⁸ Europeana. URL: <https://www.europeana.eu> (accessed: 26.10.2019).

⁹ РАПН. URL: <https://www.rapn.ru/library.php> (accessed: 26.10.2019).

¹⁰ Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmld/ (accessed: 26.10.2019).

¹¹ МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/> (accessed: 26.10.2019).

¹² ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications> (accessed: 26.10.2019).

¹³ Библиотека Михаил Грачева. URL: <http://grachev62.narod.ru/> (accessed: 26.10.2019); Политнаука. Политология в России и мире. URL: <http://www.politnauka.org/> (accessed: 26.10.2019).

¹⁴ RAND Corporation. URL: <https://www.rand.org/pubs.html> (accessed: 28.10.2019).

¹⁵ Stratfor. URL: <https://www.stratfor.com/> (accessed: 28.10.2019).

¹⁶ Brookings. URL: <https://www.brookings.edu> (accessed: 28.10.2019).

International Affairs — Chatham House¹⁷ (Великобритания), *Institut français des relations internationales* — IFRI (Франция)¹⁸, *Stiftung Wissenschaft und Politik* — SWP¹⁹ (Германия). Хотя восточные исследовательские центры и институты существенно усилили свои позиции за последние годы, пока их онлайн-библиотеки выглядят слабее, чем западные, что видно на примере *The Institute of Foreign Affairs and National Security* (IFANS, Республика Корея)²⁰, который содержит относительно малое количество публикаций, и, особенно, *China Institute of International Studies*²¹, где на английском как основном языке науки в современном мире размещены исключительно аннотации. Однако, в отличие от специализированных онлайн-библиотек, сайты вузов и экспертно-аналитических структур содержат материалы, которые публиковались именно под их эгидой. С одной стороны, это логично, а с другой — снижает удобство пользования такими онлайн-библиотеками, так как редкое исследование может ограничиться опорой на данные, полученные одной организацией.

Российские и зарубежные онлайн-ресурсы по политологии и международно-политической проблематике характеризуются многообразием типов. При этом западные онлайн-библиотеки и сервисы отличает солидный объем размещенных материалов. Азиатские научные интернет-ресурсы пока имеют меньший потенциал и во многом деинтернационализированы в языковом отношении. В области политической конфликтологии значительным шагом в направлении систематического мониторинга межнациональных конфликтов является созданный специалистами ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН “Монитор этнополитической конфликтности”²², являющийся ценным инструментом, позволяющим упреждающим образом информировать профессиональное сообщество об опасности возникновения новых или обострения существующих очагов напряженности.

В целом российские интернет-ресурсы по политологии в значительной степени адекватны задачам исследования внутриполитических процессов, но наблюдается недостаток специализированных онлайн-библиотек, на которых размещались бы актуальные материалы с подробной тематической систематизацией и развитым поисковым инструментарием, причем без строгой привязки к эгиде и специфике какой-либо организации. Заполнению данной лакуны посвятили свои усилия авторы проектов “Библиотека политолога” (сайт функционирует с 2019 г.) и “Библиотека конфликтолога” (релиз сайта состоялся на конференции РАПН в ноябре 2020 г.). Концепция обоих проектов позволяет рассматривать их в качестве эпистемологического инструментария современного политолога.

¹⁷ Chatham House. *The Royal Institute of International Affairs*. URL: <https://www.chathamhouse.org/research/publications/all> (accessed: 25.10.2019).

¹⁸ Institut français des relations internationales. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/> (accessed: 29.10.2019).

¹⁹ Stiftung Wissenschaft und Politik (the German Institute for International and Security Affairs, SWP). URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publications/> (accessed: 28.10.2019).

²⁰ The Institute of Foreign Affairs and National Security. URL: <http://www.ifans.go.kr/knda/hmpg/eng/stac/FcltyLibList.do> (accessed: 25.10.2019).

²¹ China Institute of International Studies. URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/node_536641.htm (accessed: 25.10.2019).

²² Монитор этнополитической конфликтности. — ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/ethnopolitical-conflict-monitor/> (accessed: 10.01.2021).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Онлайн-библиотеки призваны стать надежными маяками научной коммуникации в эпоху цифровизации, параллельно происходящей на разных уровнях науки, государственного управления и других сфер [Развитие науки... 2019; Авцинова 2019]. Актуальности онлайн-ресурсов для политической науки стала очевидной еще несколько десятилетий назад [Сморгунов 2002; Kaase 2000]. Сетевые библиотеки являются интеллектуальными платформами и выполняют несколько важных функций:

— *систематизирующая (хранение и каталогизация информации)*, функция депозитария для научных материалов (статей, монографий, сборников, экспертных докладов и т.п.) и сопутствующей информации (документы, фото, видео, карты, инфографика, иные иллюстрации);

— *коммуникативная (распространение и интерпретация информации)*, формирующая дискурсивные поля в различных областях знания.

Ключевое значение для решения обозначенных выше задач имеет выработка стратегии по отбору и систематизации контента. Реализованные проекты “Библиотека политолога” (www.polit-discourse.ru) и “Библиотека конфликтолога” (www.conflict-studies.ru) имеют мультизадачный характер:

— *образовательная платформа*; размещенные на этих сайтах материалы (статьи, монографии, отчеты, документы, фотографии, справочные видеоролики и лекции, карты и другие иллюстрации) призваны обеспечить учащихся объемом информации, достаточным для успешного освоения учебного плана по целому ряду общих и узкоспециализированных дисциплин, сопряженных с проблематикой международной безопасности;

— *исследовательская платформа*; количественные и качественные параметры размещенных текстовых материалов позволяют осуществлять исследования и готовить научные публикации и квалификационные работы (диссертации);

— *консультативная платформа (соединение научных рекомендаций и практики)*.

На последней задаче следует остановиться подробнее. Наблюдаемый в мире рост конфликтности (как актуализированной, так потенциальной), появление очагов нестабильности в ранее благополучных регионах и формирование новых типов конфликтов актуализирует необходимость создания онлайн-библиотек по политической конфликтологии. До сих пор в российском сегменте интернета отсутствовал соответствующий специализированный ресурс, созданный специально в интересах исследователей-международников и политологов, причем как практиков, так и теоретиков. На протяжении долгого времени актуальной проблемой остается соединение научных исследований и практики разрешения конфликтов. Зачастую далеко не все заслуживающие внимания теоретические наработки политологов-конфликтологов известны специалистам, занятым политической деятельностью в конфликтных ситуациях и урегулированием конфликтов. Безусловно, имеются многолетние прочные связи между ведущими экспертно-аналитическими центрами (особо следует выделить институты МГИМО МИД России, ИМЭМО РАН и ИСК РАН) и профильными российскими ведомствами, активно развиваются такие экспертно-аналитические площадки как Совет по внешней и оборонной

политике (СВОП) и Российский совет по международным делам (РСМД). Вместе с тем, по-прежнему остаются незадействованными существенные резервы в вопросах улучшения качества взаимодействия между академическим сообществом и политическими элитами с целью оптимизации механизмов принятия и реализации политических решений. Именно для вовлечения этих резервов в политическую практику предназначены два наиболее объемных раздела представляемого сайта “Библиотека конфликтолога” — “Теория и история конфликтов” и “Практика урегулирования конфликтов”.

Контент сайта “Библиотека конфликтолога” содержит свыше 1 500 статей и экспертно-аналитических материалов, 700 книг и более 300 документов; при этом примерно треть текстового контента — англоязычная, охватывает научную литературу зарубежных стран. Характерной особенностью сайта “Библиотека конфликтолога” является его *мультимедийность*. Помимо текстовых материалов, на сайте размещены около 800 фотографий, 200 видеоматериалов и свыше 200 карт и инфографических иллюстраций, что способствует максимально полному раскрытию особенностей многих из представленных конфликтов. Кроме того, сайт является *интерактивным*, содержит тест-игру по шести реально произошедшим в истории последних десятилетий международным конфликтам, что позволяет глубже погрузиться в тематику и отчасти восполнить имеющийся в российском сообществе политологов дефицит применения *игровых технологий* как обучающих и исследовательских инструментов.

Фундаментальная научная проблема, на решение которой нацелен проект “Библиотека политолога” — это создание (и зримое представление в интернет-пространстве) структурированной модели современной российской политической науки в виде массивов научной литературы, классифицированной по субдисциплинам и тематическим областям политических наук. Новый информационный ресурс “Библиотека политолога” призван, во-первых, обеспечить доступ специалистов и интересующихся политикой граждан к тщательно отобранному и профессионально качественному энциклопедическому массиву политологических источников (книг, аналитических докладов и статей), а во-вторых, увязать представление российской политической науки с параметрами развивающегося политологического сообщества (персоналиями, регионами, университетами и институтами, историческими периодами, субдисциплинами политических наук).

Онлайн-библиотека книг, статей, докладов, документов “Внутренняя политика России и международная политика” разбита на 59 тематических разделов и подразделов и содержит более 1 500 научных статей, более 500 книг (индивидуальных и коллективных научных монографий, учебников и учебных пособий), а также обеспечивает систематизированный доступ к материалам 25 периодических журналов общеполитического, политологического, исторического, философского, гуманитарного профилей. Создатели ресурса сознательно не включили в него публицистические материалы, отбирая лишь научную литературу, представляющую сбалансированный, академически фундированный взгляд на политические процессы.

Электронный ресурс строится как систематизированное и структурированное представление наиболее качественных результатов отечественных политологических исследований последних полутора десятилетий (2004–2020 гг.), тщательно отобранных Экспертным и Научным советами Российской ассо-

циации политической науки и собранных воедино в максимально доступной и читабельной электронной форме бесплатного доступа, с развитым инструментарием классификации и поиска нужных материалов.

Научная новизна и междисциплинарность проекта состоит в отборе и систематизации широкого массива политологических знаний и публикаций по разветвленному комплексу 59 субдисциплин и прикладных дисциплин, а также тематических областей, становление и формирование которых произошло в отечественной политологии на пересечении со смежными гуманитарными науками (философией, историей, социологией, экономикой, географией, экологией, информатикой и др.) в последние полтора десятилетия.

Ресурс создает уникальный в своей комплексности источник проверенной информации и знаний по политическим процессам внутри России и на международной арене, к которому могут обращаться как политики и эксперты, студенты, аспиранты и преподаватели, так и широкие слои и группы российского гражданского общества. Анализ показывает [Gaman-Golutvina 2018; 2014; 2008; 2007], что такая модель в виде массива текстов и изданий с инструментарием их поиска демонстрирует и доказывает существование вполне специфической, полной, зрелой и самостоятельной российской политической науки как совокупности школ, методологий, исследований, в том числе вполне самостоятельной и развитой школы российских международно-политических исследований.

Методами осуществления данного исследования стали кластеризация (разбиение массива публикаций и исследований на естественные и конструируемые множества с заданными характеристиками), систематизация с применением элементов структурно-функционального анализа, а также группа методов компаративных исследований, позволяющая выделять и классифицировать научные публикации по заданным субдисциплинам и другим сравнительным параметрам. Всего были выделены 59 тематических полей, которые стали основой для классификации массива научных данных (см. табл.). Структура данного ресурса (внутренние кластеры субдисциплин, разделов и подразделов) сама по себе стала научной новацией, представляющей модель структуры современной отечественной политологии. В результате сравнительного анализа структур представления политологических субдисциплин и тематических полей в различных отечественных и зарубежных учебниках и коллективных монографиях, коллективом проекта была разработана и применена следующая классификация субдисциплин и тематических полей.

Таким образом, результатом реализованных проектов стало создание современных мультизадачных электронных энциклопедических ресурсов научной информации по политическим наукам, которые ориентированы на использование в образовательных и исследовательских целях, а также способствуют существенному повышению информированности гражданского общества. Посредством создания подобных информационных ресурсов Российская ассоциация политической науки как ядро профессионального политологического сообщества страны направляет урегулирование социально-политических конфликтов, а также формирующийся в обществе политический дискурс по проблемам внутренней политики России и международных отношений в позитивное русло конструктивного решения задач по развитию страны и гражданского общества.

59 тематических полей для классификации массива научных данных
59 Thematic Clusters for Classification of Political Science Sub-disciplines

Внутренняя политика	Международные отношения
Государство Феномен власти Эволюция государственности Политические системы и режимы Президентство Парламентаризм Суверенитет	Миропорядок и мировая политика Глобальные мегатренды Эволюция миропорядка Глобальные проблемы и вызовы: Восток-Запад; Север-Юг Новые независимые государства и постсоветское пространство Негосударственные акторы международных отношений
Политика и экономика Политическая экономика Государство и бизнес Экономическая политика центра и регионов Социальные группы Равенство и неравенство	Международные организации ООН и глобальное управление Международные организации и интеграционные объединения
Демократия и выборы Политические процессы Выборы и электоральные процессы Политические партии Политические конфликты Транзитные общества, революции и реформы Политические технологии	Международная безопасность Международные конфликты и миротворчество Распространение оружия массового уничтожения Контроль над вооружениями Международный терроризм Невоенные аспекты международной безопасности
Федерализм и регионы Федерализм и унитаризм Централизация, децентрализация, сепаратизм Этнокультурное разнообразие Регионы России	Внешняя политика России Доктринальные документы российской внешней политики Политика России на постсоветском пространстве Политика России в дальнем зарубежье Политика России в международных организациях
Гражданское общество Институты гражданского общества Элиты и общество Группы интересов и лоббизм Права человека и гуманитарные проблемы Политические аспекты СМИ	История международных отношений (по регионам) Европа Америка Постсоветское пространство Центральная Азия Ближний Восток Восточная Азия Южная Азия и АТР Африка
Культура и идеология Идентичность социальная и политическая Политические культуры Идеологии Политическая психология Мораль и политика Проблема политического насилия Политическая коммуникация	Теория международных отношений Школы и направления теории международных отношений Методы изучения международных отношений

INTERFACE BETWEEN POLITICAL SCIENCE AND POLITICAL DISCOURSE: CONFLICT DIMENSION

O.V. Gaman-Golutvina^{1,2}, A.I. Nikitin^{1,2,3}, S.P. Arteev^{1,3}

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

² National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

³ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

GAMAN-GOLUTVINA, Oxana Viktorovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Comparative Political Science Department, MGIMO University; Professor, National Research University Higher School of Economics; President of the Russian Political Science Association, email: ogaman@mail.ru; **NIKITIN, Alexander Ivanovich**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Director, Center for Euro-Atlantic Security, MGIMO University; Professor, National Research University Higher School of Economics; Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: an@inno.mgimo.ru; **ARTEEV, Sergey Pavlovich**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Lecturer, MGIMO University; Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: artsp7@yandex.ru

Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I., Arteev S.P. Interface Between Political Science and Political Discourse: Conflict Dimension. — Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 139-156. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.10>

Acknowledgements. The article and creation of the on-line library of books, articles, reports, documents were supported by the Russian Foundation for Fundamental Research and the Expert Institute for Social Studies within the framework of the project No. 20-011-31341 “Applied Technologies of Analysis, De-escalation and Settlement of Internal-political and International-political Conflicts (based upon systematized materials of conflicts on the Post-Soviet space and conflicts involving Russia in Far Abroad)”.

Received: 15.12.2020. Accepted: 12.01.2021

Abstract. The article approaches the phenomena of modern political conflicts and conflict studies, with the intention of providing an adequate level of information and scientific-educational resources to provide a basis for public political discourse. The authors introduce a new unique interface for political scientists that connects political science to public political discourse — an electronic resource of systematized literature on political science and political documents in the format of an online library of books, articles, reports, documents (Domestic Politics of Russia and International Politics). This resource has been created by the Russian Political Science Association and Institute for International Studies of the MGIMO University with support from the Russian Foundation for Fundamental Research and the Expert Institute for Social Research. It suggests new cataloguing system for political science literature by 59 thematic clusters that represent a renewed classification of political science subdisciplines and thematic areas. Among other types of information, this new resource covers political science publications from major Russian publishing houses specializing in humanitarian scientific literature and textbooks, as well as the most advanced scientific articles published by 25 Russian political science journals. The resource is intended to provide information and bibliographical support underlying modern scientific discourse in Russia focused on urgent issues of Russian domestic politics and international politics.

Keywords: political conflict, political discourse, information technologies, information resources, domestic politics, international politics, on-line libraries.

References

- Gaman-Golutvina O. 2007. Political Elites in the Commonwealth of Independent States: Recruitment and Rotation Tendencies. — *Comparative Sociology*. Vol. 6. No. 1-2. P. 136-157. <https://doi.org/10.1163/156913307X208140>.
- Gaman-Golutvina O. 2008. The Changing Role of the State and State Bureaucracy in the Context of Public Administration Reforms: Russian and Foreign Experience. — *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 24. No. 1. P. 37-53. <https://doi.org/10.1080/13523270701840449>
- Gaman-Golutvina O. 2014. Parliamentary Representation and MPs in Russia: Historical Retrospective and Comparative Perspective. — *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation*. Ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. Abingdon, New York: Routledge. P. 241-260.
- Gaman-Golutvina O. 2018. Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. — *Historical Social Research*. Vol. 43. No. 4. P. 141-163. <https://doi.org/10.12759/hsr.43.2018.4.141-163>
- Kaase M. 2000. Political Science and the Internet. — *International Political Science Review*. Vol. 21. No. 3. P. 265-282. URL: <https://www.jstor.org/stable/1601236> (accessed: 18.01.2021).
- Nikitin A. 2020. Legal Norms or Ad Hoc Fixes? International Legal Aspects of Russian Military Involvements in the Caucasus. — *Caucasus Survey*. Vol. 8. No. 2. P. 163-178. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1759893>
- Welsch W. 1987. *Unsere Postmoderne Moderne*. Weinheim: VCH, Acta Humaniora. 344 p.
- Avtsinova G. 2019. Policy of Digitalization in Modern Russia: Features of Formation and Prospect of Development. — *PolitBook*. No. 4. P. 6-20. (In Russ.)
- Batygin G.S. 2001. Sociology in Internet: Scholarship and Education in Virtual Space. — *Sociological Journal (Sotsiologicheskij Zhurnal)*. No. 1. P. 180-196. (In Russ.)

Biblioteka otechestvennoi obshchestvennoi mysli s drevneishikh vremen do nachala XX veka [Library of Russian Social Thought from Ancient Times to the Beginning of the Twentieth Century (a Set of 118 books)]. 2010. Moscow: ROSSPEN.

Eco U. 1997. *Postille al nome della rosa*. (Russ. ed.: Eco U. Zametki na polyakh "Imeni rozy". — Eco U. *Imya rozy*. Moscow: AST. P. 596-644).

Gaman-Golutvina O.V. 2019. Overcoming Methodological Differences: The Debate about Knowledge Politics in an Age of Uncertainty. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 19-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03>

Glukhova A.V., Timofeeva L.N. 2016. Russian Political Conflictology: State and Problems. — *Political Science (RU)*. No 2. P. 13-37. (In Russ.)

Nikitin A.I. 2016. Evolution of Conflict Studies in the International Security Context in Post-Soviet Russia. — *MGIMO Review of International Relations*. No. 5. P. 48-62. (In Russ.)

Nikitin A., Bolgova I., Nikitina Yu. 2020. Activities of Non-Governmental Organisations Aimed at Conflict Settlement in Post-Soviet States. — *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 2. 428-441. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.472>

Proshanov S.L. 2008. *Sotsiologiya konfliktov: Istoriya, teoriya, sovremennost'* [Sociology of Conflicts: History, Theory, Modernity]. Moscow: LKI Publishing House. 232 p. (In Russ.)

Pruzhinin B.I. 2018. — Lektorsky V.A. et al. Contemporary Tendencies of Epistemology's Development (Round Table Discussion). — *Voprosy Filosofii*. No. 10. P. 31-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S004287440001151-1>

Razvitiye nauki v ehpkhu tsifrovizatsii: problemy, tendentsii, prognozy [Development of Science in the Era of Digitalization: Problems, Trends, Forecasts]. 2019. Ed. by M.V. Posnova. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva "Novaya nauka". 250 p. (In Russ.)

Smorgunov L.V. 2002. Resursy sovremennoi sravnitel'noi politologii v Internetе [Resources of Contemporary Comparative Politics on the Internet]. — Smorgunov L.V. *Sovremennaya sravnitel'naya politologiya* [Modern Comparative Political Science]. Moscow: ROSSPEHN. P. 401-417.

Solovyov A.I. 2018. Crises and "Crisis": How to Treat Cognitive Conflicts of Political Science? — *Political Science (RU)*. No. 1. P. 105-121. (In Russ.)

Timofeeva L.N. 2020. Introducing the Issue. — *Political Science (RU)*. No. 3. P. 9-12. (In Russ.)

Литература на русском языке

Авцинова Г.И. 2019. Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития. — *PolitBook*. № 4. С. 6-20.

Батыгин Г.С. 2001. Социология Интернет: наука и образование в виртуальном пространстве. — *Социологический журнал*. № 1. С. 180-196.

Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века (комплект из 118 книг). 2010. М.: Российская политическая энциклопедия.

Гаман-Голутвина О.В. 2019. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 19-42. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03>

Глухова А.В., Тимофеева Л.Н. 2016. Российская политическая конфликтология: состояние и проблемы. — *Политическая наука*. № 2. С. 13-37.

Никитин А.И. 2016. Эволюция изучения проблематики конфликтов в контексте международной безопасности в постсоветской России. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 5. С. 48-62.

Никитин А., Болгова И., Никитина Ю. 2020. Деятельность неправительственных организаций по урегулированию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве. — *Quaestio Rossica*. Т. 8. № 2 С. 428-441. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.472>

Прошанов С.Л. 2008. *Социология конфликтов: История, теория, современность*. М.: Издательство ЛКИ. 232 с.

Пружинин Б.И. 2018. — Лекторский В.А. и др. Современные тенденции развития эпистемологии (материалы "круглого стола"). — *Вопросы философии*. № 10. С. 31-66. <https://doi.org/10.31857/S004287440001151-1>

Развитие науки в эпоху цифровизации: проблемы, тенденции, прогнозы. 2019. Под ред. М.В. Посновой. Петрозаводск: МЦНП "Новая Наука". 250 с.

Сморгунов Л.В. 2002. Ресурсы современной сравнительной политологии в Интернете. — Сморгун Л.В. — *Современная сравнительная политология*. М.: РОССПЭН. С. 401-417.

Соловьев А.И. 2018. Кризисы и "кризисы": как трактовать когнитивные конфликты политической науки? — *Политическая наука*. № 1. С. 105-121.

Тимофеева Л. Н. 2020. Представляю номер. — *Политическая наука*. № 3. С. 9-12.

Эко У. 1997. Заметки на полях "Имени розы". — Эко У. *Имя розы*. М.: АСТ. С. 635-670.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.11)

ЛИДЕРСТВО В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: В КОМ СЕГОДНЯ НУЖДАЕТСЯ МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ

А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев

ЧИРИКОВА Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, email: chirikova_a@mail.ru; **ЛЕДЯЕВ Валерий Георгиевич**, доктор философских наук, профессор департамента социологии, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: vledyaev@hse.ru

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Лидерство в локальных сообществах: в ком сегодня нуждается муниципальная власть в России. — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 157-170. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.11>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-31192 опн.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2020. Принята к публикации: 12.01.2021

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования власти и лидерства в локальных сообществах, проведенного в два этапа — в 2011-2015 гг. и 2018-2020 гг. в трех малых городах в двух регионах России. Основной эмпирический материал получен в ходе глубинных интервью (всего 86) с региональными руководителями и экспертами, местными политиками, чиновниками, бизнесменами, гражданскими активистами. Изучались мнения локальных элит о том, кто может быть лидерами городского сообщества, в какой мере они способны преодолевать трудности и проблемы, обусловленные объективными обстоятельствами, и какую роль играют их команды. Исследование показало, что включение муниципального уровня в выстроенную в последнее десятилетие “вертикаль власти” не привело к недооценке роли лидерства у руководителей муниципалитетов. Лидеры по-прежнему востребованы и обществом, и значительной частью локальной элиты. Большинство представителей городских элит считает, что руководитель города — это, прежде всего лидер, и уже во вторую очередь — исполнитель, реализующий волю вышестоящих структур власти; только реальные лидеры городских сообществ имеют шанс успешно преодолевать неблагоприятные ситуации. Потенциал влияния лидера и эффективность его деятельности во многом обусловлены наличием или отсутствием профессиональной и мотивированной группы последователей — команды единомышленников, поддерживающих лидера и обеспечивающих реализацию его политики. Во всех локальных сообществах имеют место проблемы с формированием команды, обусловленные главным образом ограниченностью кадрового ресурса малого города. Значительная часть респондентов вполне оптимистично оценивает лидерский потенциал и возможности позитивно влиять на сложившуюся ситуацию, но в данном вопросе не имеет твердого большинства. При этом респонденты подчеркивают, что именно лидеры, а не просто руководители-исполнители имеют шанс существенно повлиять на ситуацию.

Ключевые слова: глава города, власть, лидерство, малые города, местное самоуправление.

В постсоветской России идет постоянный поиск оптимальной организации местного самоуправления как формы публичной власти. Начиная с ну-

левых годов, основным вектором поисков стала централизация управления и встраивание муниципального уровня в “вертикаль власти”. Иерархия, субординация и строгие правила поведения руководителей всех уровней должны были, по замыслу российского руководства, обеспечить четкое функционирование управленческой системы, реализацию коллективной воли социума и достижение общественного блага.

Однако сами по себе институциональные изменения лишь создают определенный контекст, в котором действуют конкретные управленческие фигуры. Именно от них в конечном счете зависят конкретные управленческие решения и их реализация. Поэтому параллельно с институциональным дизайном важную роль в создании эффективной системы управления играет наличие людей, способных обеспечить не только стабильный и эффективный управленческий процесс, но и быть лидерами городского сообщества, эффективно выполнять свои функции и иметь доверие у последователей и населения города.

Достижение оптимального институционального дизайна и формирование пула эффективных руководителей города представляет собой серьезную проблему, решение которой зависит от многих обстоятельств. Одним из них является адекватное представление о том, как видят ситуацию сами локальные и региональные элиты, которые фактически определяют выбор лидеров локальных сообществ и формируют их установки и паттерны поведения.

В ком сегодня нуждается муниципальная власть в России? Мы попытаемся ответить на этот вопрос на основе результатов эмпирического исследования, проведенного в трех малых городах Пермского края (X, Y) и Тамбовской области (A). Исследование проводилось в два этапа в 2011–2015 гг. и в 2018–2020 гг. Мы осознанно выбрали города Пермского края – развитого индустриального центра, и Тамбовской области – “среднеслабого” в экономическом и финансовом отношении региона с сельскохозяйственной направленностью. Все города – административные центры, имеют сравнительно сопоставимую численность населения (41–68 тыс. жителей) и зависят от региональных и федеральных трансфертов, что типично для малых российских городов. Разумеется, на выбор конкретных территорий повлиял фактор их доступности для нашего исследования, что важно для получения качественной информации. Благодаря этому нам удалось взять интервью практически у всех, кого мы наметили в качестве респондентов.

Главный эмпирический материал был получен в ходе 86 глубинных интервью. Интервьюируемыми были региональные руководители и эксперты, руководство законодательной и исполнительной власти во всех локальных сообществах, депутаты местных представительных учреждений, чиновники и работники аппарата исполнительной власти и легислатур, руководители местных газет и телевидения, бизнесмены и руководители предприятий, лидеры и активисты местных партийных и общественных организаций, эксперты.

Вслед за классиком изучения лидерства М. Бернсом мы понимаем лидерство как “взаимный процесс мобилизации... различных экономических, политических и других ресурсов в условиях конкуренции и конфликта для реализации целей лидеров и их последователей” [Burns 1978: 425]. Политический

лидер — это человек, который наиболее полно отражает и защищает интересы определенной социальной группы, обладает совокупностью качеств, необходимых политическому деятелю, стремится и способен консолидировать усилия окружающих и активно воздействовать на этот процесс для достижения поставленных им целей (см. также [Блондель 1992; Шестопап 2013; Власть и лидеры... 2019]).

Лидерство существует во всех формах социального взаимодействия и представляет собой форму одновременно и власти, и управления. Власть лидера — способность направлять деятельность других — обуславливает возможность достигать целей, поставленных им как управляющим субъектом. Обычно лидеры — это люди, занимающие руководящие должности, которые дают им полномочия и ресурсы. Это позволяет оказывать влияние на окружающих и вести за собой сторонников (последователей). Поэтому именно лидеры, занимающие руководящие должности в муниципалитете, находятся в центре внимания исследователей локальной политики.

Изучение политического лидерства имеет длинную историю — со времен описания “двора” и “свиты его величества” [Соловьев 2017: 67; Гаман-Голутвина 2007; Keohane 2014]. Однако многие проблемы остаются дискуссионными и требуют дальнейшего осмысления, в том числе проблемы лидерства на локальном уровне в России [Петухов 2017; Шкель 2020].

Исследовательская повестка лидерства в локальных сообществах широка и разнообразна. Большинство современных работ фокусируются на нескольких группах факторов, которые во многом определяют характер и особенности лидерства в локальных сообществах [Greasley, Stoker 2009: 126; Lowndes, Leach 2004; Bentzena, Lob, Winsvoldc 2020].

Обязательным элементом модели исследования лидерства в городских сообществах являются персональные ресурсы руководителей городов, их знания, умения, навыки и установки, обуславливающие потенциал влияния.

Лидеры хотя и занимают особое положение в социуме, но не могут реализовать свой лидерский потенциал без других акторов. Лидеры и их последователи — это партнеры, которые работают на достижение общих целей. Поэтому в контексте анализа локального политического пространства важное место занимает оценка деятельности команды руководителя — группы последователей, играющей особую роль в управленческом процессе. В команду входит его ближайшее окружение, непосредственные подчиненные, группа поддержки. Численность команд может существенно варьироваться, но ядро команды обычно составляет 5-7 человек. Поддержка со стороны населения и наличие работоспособной команды имеют особое значение в российском локальном контексте в силу внедрения модели муниципального управления с главой города, избираемым не населением городского сообщества, а депутатами местной легислатуры.

Другой важнейший ракурс исследования — влияние режима и институциональных факторов. Современный политический процесс в России характеризуется усилением авторитарных тенденций, как на федеральном, так и на локальном уровне. Построение так называемой вертикали власти отразило стремление властей превратить местное самоуправление в низшее звено государственного управления. Если во многих европейских странах стремление укрепить лидерство руководителей локальных сообществ привело к инсти-

туциональным реформам и появлению института избранного мэра [Grant, Dollery, Kortt 2016; Copus, Roberts, Wall 2017], то в России институциональные реформы шли в обратном направлении и способствовали существенному усилению зависимости руководителей города от региональных властей, фактически определявших руководящий состав муниципалитетов.

В этих условиях важнейший аспект изучения лидерства на локальном уровне — определение степени реальной автономии руководителей городов и их взаимодействие с региональными и федеральными структурами государственного управления. Будучи лидерами/руководителями в своих локальных сообществах, они одновременно находятся в системе субординации и подчинения акторам более высоких уровней. Естественно, что обладающие различными ресурсами влияния на локальных лидеров, региональные власти (представители центральной власти редко испытывают необходимость спускаться на локальный уровень) видят в локальных лидерах, прежде всего, проводников своей политики.

Наконец, едва ли не главным вопросом исследования муниципальных лидеров является эффективность их деятельности. Ее оценка представляет серьезные трудности. Всегда сложно определить, в какой степени успешность деятельности лидера обусловлена его собственными усилиями и умениями, а не является следствием тех или иных благоприятных обстоятельств. Но даже если не учитывать эту проблему, то остается неясным, какие именно критерии успеха следует считать определяющими.

В какой мере эффективность муниципального управления обусловлена сильным лидерством и/или строгим следованием директивам и установкам вышестоящих инстанций? Эта проблема затрагивает все обозначенные аспекты в изучении власти и лидерства в городских сообществах; именно она оказалась в центре нашего исследования.

Как показывают эмпирические исследования (в том числе проведенное авторами), региональные руководители, признавая важность наличия лидера на территории, склоняются к тому, что глава города должен быть в первую очередь хорошим исполнителем. В противном случае управлять территорией на региональном уровне будет достаточно сложно. И вряд ли они совсем не правы. Отсюда вопрос: как сочетать столь противоречивые требования к главам со стороны регионалов с ожиданиями местных элит, которые предпочитают лидеров исполнителям?

В идеале руководители муниципалитетов должны быть и сильными лидерами, рачительными хозяевами своих территорий, и надежными исполнителями, воплощающими волю политического руководства и региональных властей. Однако добиться этого на практике совсем не просто. Трудность заключается в том, что исполнитель всегда обязан выполнить легитимное решение вышестоящей инстанции и строго следовать предписанному, тогда как лидер в определенных ситуациях может — и даже должен — уметь выйти за рамки общепринятого, взяв ответственность на себя, если этого требует ситуация. Тем самым лидер может идти и против течения, став силой, разрушающей сложившиеся устои [‘t Hart, Rhodes 2014].

Как на практике разрешается данное противоречие? Ответ на этот вопрос возможен только с учетом мнения тех, кто непосредственно включен в процесс управления городскими сообществами. Мы убеждены, что любые

реформы могут быть успешными, если учитывают позиции всех заинтересованных сторон, в данном случае — мнение городских элит.

Какие позиции в вопросе о лидере/исполнителе занимают локальные лидеры и региональные власти? В фокусе нашего исследования были три вопроса: (1) кто востребован в муниципальной власти? (2) могут ли лидеры быть сильнее обстоятельств? (3) лидер и команда: легко ли найти последователей?

КТО СЕГОДНЯ ВОСТРЕБОВАН В МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ?

Ответ на вопрос о том, в каком главе нуждается муниципальная власть — лидере или исполнителе, далеко не очевиден. Классик теории городских режимов и один из крупнейших специалистов по городской политике К. Стоун полагает, что именно лидер способен переломить кризисные явления и обеспечить необходимый уровень поддержки территории [Stone 1995]. Наши респонденты — представители городских элит в целом разделяют этот постулат. Но добавляют: помимо лидерских качеств, глава и другие руководители города (района) должны быть хорошими исполнителями, поскольку этого требуют региональные и федеральные власти. Практически все они, так или иначе, считают необходимым сочетание лидерства и исполнительности, но акценты расставляют по-разному.

Наиболее последовательно подчеркивают первостепенную важность лидерских качеств респонденты в городе Х: *“Я более чем уверен, сегодня муниципальной власти нужны лидеры. Муниципалитету просто не продвинуться и не прожить, если нет лидера. Он не может без лидера создать свою уникальность”*, — убежден бывший мэр города Х. Аргументируя свою точку зрения, он подчеркивает, что быть просто хорошим исполнителем недостаточно: *“Региону сегодня нужен управляемый управленец. Но такой человек не нацелен в будущее. Он живет от приказа до приказа. Но если он не будет думать о завтрашнем дне, это тупик”*.

Активно поддерживает идею востребованности лидера в муниципальном управлении и бывший первый заместитель главы города, ныне директор сельскохозяйственного колледжа: *“Если ты хороший исполнитель и идешь в рамках коридора, ты ничего не достигнешь”*.

Глава района, как и некоторые другие наши респонденты, связывает лидерство с возможностью действовать нестандартно и выйти за рамки жестких предписаний и регламентов. Он убежден, что законодательные акты не могут предусмотреть все многообразие ситуаций; поэтому руководствоваться только ими — значит не двигаться вперед: *“Не все в законе прописано. Инициативу-то проявить можно. Законы иногда очень неповоротливы и ты, следуя им, ничего не можешь сделать. Если этого нет, на территории ничего не будет происходить”*. А председатель Земского собрания подчеркивает, что *“если нет лидера в исполнительной власти, тогда депутаты впадают в апатию”*.

Уверенность в том, что лидер просто необходим городу Х, присуща не только работникам администрации, но и тем, кто обслуживает их деятельность и может оценить их работу со стороны: *“Наш город безумно нуждается в лидере... У нас нет четко выстроенной стратегии развития. Нет единой команды, которая бы знала, к чему она идет... Мы просто мечемся”*, — считает руководитель городского телевидения.

В этом же направлении мыслят и представители бизнеса. Размышляя о дефиците лидерства и инициативности у местных руководителей, известный

в городе предприниматель, директор завода, подчеркивает, что только дисциплина и исполнительность неизбежно приведут к застою и последующей деградации города, так и предприятия, поскольку успешно преодолевать неблагоприятные обстоятельства может только лидер: *“Для меня лидер, это тот человек, который может делать дело, несмотря ни на что.... А как по-другому”?*

Отсутствие лидерских качеств у руководителей, по мнению локальных элит, дорого обходится всем, в том числе и региональным властям: *“Лидер — это все равно человек думающий, умеющий выстраивать отношения. Исполнитель, по большому счету, не нужен ни населению, ни региону. Чтобы региональная власть была успешна, ей самой нужны лидеры на местах”*, — убеждена депутат городской Думы.

В городе Y руководители городской власти в большинстве своем также убеждены в том, что без лидерских качеств эффективно управлять городом невозможно; но при этом они, особенно руководители города, говорят о балансе лидерства и исполнительности: *“необходимо быть и лидером, и исполнителем”*.

По мнению главы города Y, лидерские качества — это необходимый инструмент для осуществления властных полномочий. Городу требуется именно лидер, так как только лидер способен рисковать ради достижения поставленных целей и выходить ради этого за рамки функциональных предписаний: *“Безусловно, городу нужен лидер. Он может выходить за границы своего функционала ради достижения целей. Когда жесткая нехватка финансовых средств, для управления подойдет типаж личности, которая может рисковать ради решения встающих задач”*. Но одновременно глава города Y убежден, что только лидерство без исполнительности может идти вразрез с требованиями регионалов. В этом случае глава города вынужден быть *“един в двух лицах”* — оставаясь и лидером, и исполнителем.

О необходимости сочетания качеств лидера и исполнителя говорит и нынешний заместитель главы городского округа, ранее, до слияния уровней власти, занимавший пост главы города: *“Относительно лидеров и исполнителей. Мне нужны и те, и другие. И мне самому надо было уметь и то, и другое, когда я руководил городом. Если мы все дружно выходим за границы предписаний, мы все будем неизвестно где”*.

Некоторые из наших респондентов убеждены в том, что лидерские качества должны быть присущи главе городского округа, тогда как членам команды достаточно быть хорошими исполнителями: *“Наверно в муниципальной власти нужны все-таки исполнители. Особенно если мы говорим о заместителях. Но не о главе”*, — убежден председатель городской Думы, обладающий репутацией наиболее влиятельной фигуры в городе. Размышляя о лидерстве в Y, он подчеркивает, что *“между лидерством и исполнительством должна быть золотая середина”*.

Представители городского бизнеса, в свою очередь, убеждены, что лидерство важнее исполнительства. Они считают, что исполнители заполонили органы власти; между тем вряд ли можно обеспечить эффективное развитие экономики, если руководствоваться только нормативными документами и предписаниями свыше: *“Сегодня нужны только те, кто может рискнуть и выйти за рамки формальных предписаний, нарушив, может быть, закон. Это было и будет”*, — делится своими размышлениями депутат городской Думы, известный в городе предприниматель.

Всегда ли исполнители нужнее лидеров для регионалов? По мнению бывшего главы города, исполнительность не случайно востребована в вышестоящих (региональных) уровнях власти. Необходимость предоставления отчетности формирует в первую очередь запрос на исполнителей, а не на лидеров: *“Лидер должен уметь быть исполнителем. Власть вся построена на отчетности”*.

Однако министр территориального развития, курирующий глав местного самоуправления в регионе, совсем не против того, чтобы главы городов демонстрировали лидерские качества: *“Если спросить лично меня, то я считаю, что глава должен обладать волевыми качествами в том числе. Он должен обладать лидерскими качествами, чтобы его поддерживало население”*.

Запрос на лидерство, по мнению министра, сформировался “снизу”. Население хочет жить лучше, и ему важно, чтобы во главе города был человек, способный эти улучшения обеспечить: *“Система выдавливает исполнителей. Люди поменялись. Сейчас люди хотят улучшения качества услуг, люди хотят прорыва... с телевизоров об этом вещают... Они смотрят во двор, а там пейзаж пятнадцатилетней давности. Они понимают, что кто-то здесь неправ”*.

Тем не менее, и это признает краевой министр, только лидеры не очень удобны региональной власти и ее руководителям. Именно поэтому он считает: *“И в лидерстве должны быть определенные границы и пределы. Если человек будет стучать ботинком по столу, или каской, тогда зачем такой лидер нужен”*?

Схожие мнения и оценки были высказаны и респондентами города А. Большинство из них убеждено в том, что личностные качества и лидерский потенциал многое предопределяют в управлении городом, так как без них глава города не только не сможет обеспечить поступательное развитие территории, но и адекватно реагировать на новые вызовы и проблемы.

Бывший мэр, известный и авторитетный в городе человек, уверен, что без лидерских качеств глава города не будет восприниматься ни городскими элитами, ни населением. Лидерские качества могут проявляться любым образом, но лидера должны принять люди и поверить в его возможности: *“Можно договориться с одним главой, с другим, и даже с губернатором, но договориться с городом и с его населением нельзя. Если город не видит в тебе лидерских качеств, ты никуда не поднимешься”*.

Особое место в размышлениях бывшего мэра играют элитные группы, которые в первую очередь нуждаются в сильном лидере. И если такой лидер появляется, они следуют за ним: *“Городские элиты признавали за мной право быть впереди и согласовывать работу в городе. Без лидерских качеств этого не добьешься”*.

Один из аргументов бывшего мэра города, ныне депутата областной Думы — ссылка на российскую историю: *“Особенность устройства российского государства — власть всегда была сконцентрирована на личности. И это был не самый плохой вариант. Монархизм здравый, а не черносотенный. Мы ходим по одной земле с теми, кем мы руководим”*, — уверен бывший мэр города, а ныне депутат областной Думы.

Убежден в том, что лидерские качества важнее компетенций и известный в городе предприниматель, руководитель автотранспортного предприятия: *“Лидерские качества важнее знаний. Они в приоритете. Сегодня мало знаний, надо уметь добиваться своего, идти через преграды, а их немало”*.

Действующий глава города А, который пытается быть лидером “для всего населения”, в свою очередь убежден, что без характера и выраженного стремления достигать поставленные цели, несмотря ни на что, городской лидер вряд ли сможет чего-либо добиться: *“Надо не отступать, даже тогда, когда очень трудно. Видимо, это и есть лидерство, если говорить о главе города. Оно необходимо сегодня, иначе ситуация дефицита и неисполнительности тебя просто сметет”*.

Таким образом, именно главы городов более других респондентов уверены в том, что только сильные лидеры городских сообществ способны существенно улучшить ситуацию в городе.

В целом же респонденты рассматривают лидерство как необходимый атрибут городского управления; лидерство, безусловно, востребовано локальными элитами, но еще недостаточно осознается регионалами. Исследование показывает, что двойной репертуар управленческих технологий, включающий и лидерство, и субординацию, позволяет уравновесить требования региональных и локальных элит к руководителям муниципальной власти.

МОГУТ ЛИ ЛИДЕРЫ БЫТЬ СИЛЬНЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ?

Проведенные интервью показывают, что среди городских элит нет однозначного ответа на этот вопрос. Подавляющее большинство респондентов во всех изученных нами городах уверены, что лидерские качества существенным образом влияют на управление городом и могут переломить неблагоприятную ситуацию. Но есть и те, кто убежден в обратном: какими бы качествами ни обладал городской лидер, он не может противостоять макроэкономическим тенденциям, особенно если они носят негативный характер. Наибольшее число таких высказываний имело место в городе А. По-видимому это обусловлено тем, что экономический потенциал данного города в целом ниже, чем в других городах.

Рассуждения респондентов в А следующие: экономическая ситуация ухудшается, изменить ее практически невозможно, даже при поддержке губернатора; поэтому личность и потенциал влияния лидера отходят на второй план. Подобной точки зрения, в частности, придерживается заместитель главы города: *“Я не вижу, чтобы личность главы имела огромное влияние на ситуацию в городе, чтобы ситуация резко менялась в городе с приходом кого-то. Что-то меняется, но не кардинально”*.

С ней частично согласен социолог из областной администрации; однако он считает, что многое зависит не только от контекста, но и от лидерских качеств главы города: *“Глава может, конечно, переломить ситуацию в городе. От него многое зависит. Этого нельзя отрицать. Именно глава выстраивает отношения с губернатором и принимает решение о том, что ему надо сделать в первую очередь”*.

В городе Х мнения наших респондентов также разделились. Как и в А, одни убеждены, что обстоятельства всегда сильнее, другие, напротив, считают, что настоящий лидер может их успешно преодолевать. Среди тех, кто не считает возможным противостоять обстоятельствам — заместитель главы города по правовым вопросам и внутренней политике: *“Управление городом зависит от личности. В том числе... Но все же личность не основополагающий фактор. Факторы среды оказывают большее влияние на эффективность управления и на ситуацию”*. С ней солидаризируется городской депутат: *“Применительно к городу,*

от лидера ситуация меньше зависит, чем от внешних факторов. Если бы было по-другому, региональной власти были бы нужны не только исполнители”.

Говоря о роли внешнего фактора, респонденты отмечают важность отношения губернатора и его команды к главе города, позитивное, нейтральное или негативное. Именно поэтому разные главы городов имеют разные деньги от региона и федерации. В свою очередь, сам губернатор может быть зависим от определенных экономических агентов, что предопределяет его избирательное отношение в выделении денег для тех или иных территорий. В этом случае значение имеет не личность главы, а наличие на территории крупных и перспективных бизнес-компаний: *“Какие-то главы губернатору больше симпатичны, а другие — нет. Но это не главное. На каких-то территориях стоят нефтяники, он просто вынужден с ними считаться. Он понимает, что бюджет Пермского края формируется этим экономическим агентом”*, — замечает в своем интервью бывший глава города.

Некоторые эксперты довольно пессимистично оценивают возможности глав городов существенно повлиять на ситуацию. *“Пассионарный тип лидера — это сегодня исключительный вариант, с которым я не сталкивалась. Когда главы перестали избираться, это стало особенно заметно. Теперь представительные органы по сути выбирают главу. Я не могу вспомнить ни одного примера пассионарных глав”*.

С этими высказываниями не согласны некоторые другие респонденты, полагающие, что лидер способен встать над обстоятельствами и даже изменять их: *“Несмотря на то, что действительно в городе могут быть неблагоприятные факторы, что-то глава изменить может. Не все, но может. Прежде всего, сильная команда может повлиять на ситуацию, и наоборот. Даже если сейчас не получается, это не значит, что каких-то шагов не стоит делать”*, — убеждена бывшая глава города, депутат городской Думы. Уверена в том, что можно успешно противостоять обстоятельствам, и известная в городе предпринимательница, совладелица завода и городской меценат: *“Если человек лидер, он все сделает, несмотря на обстоятельства, и даже вопреки им”*.

Оптимизм наших респондентов, как свидетельствуют интервью, в качестве обязательного условия предполагает наличие сильного главы города — лидера локального сообщества, а не просто хорошего исполнителя. Только такие руководители реально способны добиться успеха в сложных неблагоприятных условиях; отчасти поэтому большинство респондентов в паре “лидер/хороший исполнитель” более склонны выбирать лидера.

ЛИДЕР И КОМАНДА: ЛЕГКО ЛИ НАЙТИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ?

Наличие команды последователей выступает одним из условий успешного лидерства. Наше исследование полностью это подтверждает. В настоящее время вряд ли можно говорить о наличии сформировавшейся команды последователей во всех изученных нами городах. Скорее можно констатировать присутствие в них только так называемого ядра команды — нескольких ключевых фигур вокруг лидера. Главное (но не единственное) ограничение — дефицит кадровых ресурсов во всех локальных сообществах.

В городе X серьезным ограничением для формирования квалифицированной команды являются два обстоятельства — слабость действующего главы и императив исполнительства в коридорах местной власти. Поэтому нынеш-

няя команда главы города Х невысоко оценивается респондентами: *“В моем понимании грамотный и хороший руководитель, с лидерскими качествами, должен уметь собрать потенциальных исполнителей, обсудить все возможные риски и последствия, а также возможные пути решения. И принять на себя решение. Для этого он должен быть лидером, чтобы команда ему доверяла”*, — считает заместитель главы города Х. Он подчеркивает, что *“для формирования власти нужен лидер. Нужен человек, умеющий формировать команду и работать с командой. Один в поле не воин. В команде должны быть твои последователи. В нашем городе у действующего главы это не получилось. Результат налицо, — город умирает”*.

В городе Y в настоящее время у главы городского округа есть команда. Однако мнения наших респондентов о ней разделились. Сам глава городского округа считает, что у него хорошая команда, он в целом ею удовлетворен (*“та команда, которая есть, вполне профессиональна. Она меня вполне устраивает, особенно те, кто в моем тоне”*). Но в ней реально только 5-7 человек. Остальные, как он считает, — это *“люди-функции”*, на которых *“рассчитывать нельзя”*. Главный принцип, которым он руководствовался при формировании команды — мотивация, желание работать (*“Если человек готов работать и днем и ночью, это мой человек”*).

Однако, по мнению председателя Думы города Y, *“с командой у [руководителя городского округа] есть проблемы”*. Источник проблемы, как и в других малых городах, — это отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров (*“с кадрами у нас в городе очень плохо”*).

Другой наш информант — предприниматель, депутат городской Думы, хотя и уверен, что глава округа *“забрал лучших”*, также отмечает недостаточный профессионализм некоторых членов команды, и недостаток мотивации, и внутренние конфликты: *“Я знаю многих замов. Когда они шли к победе, это была одна команда... Сегодня в этой команде есть раздрай, и довольно сильный. Если раньше можно было скрыть свой непрофессионализм, то сейчас это вылезло... Но профессионалов нет в городе. Спецов нет”*.

Одна из важнейших проблем с командой главы округа, по мнению нашего респондента — это зависимость главы от некоторых членов команды (*“он поначалу взял людей, которым был обязан”*); как и председатель Думы, он полагает, что главе городского округа *“не хватает смелости убрать человека, который был с ним пять лет”*. Подобные ошибки, считает наш информант, допускали и его предшественники.

Сам глава городского округа отводит важное место команде последователей, хотя признается, что построить такую команду ему пока не удалось. Но он уверен, что это дело ближайшего будущего: *“Это здорово, когда можно сформировать команду последователей. На самом деле это верх мастерства. Этого бы хотелось достичь. Хотя сознательно такой цели у меня нет. Я просто иду вперед”*.

В городе А, как показало исследование, команда главы города была сформирована, но ее нельзя было назвать командой единомышленников. Заместителем нового главы города осталась женщина из команды предыдущего главы, который ушел из власти не по своей воле. Продолжали свою работу в новой команде и другие ее члены, не до конца разделявшие установки нового главы. Приступив к формированию своей команды, пришедший глава

столкнулся с сопротивлением депутатского корпуса, который попытался диктовать ему новый состав команды и настоятельно рекомендовал отказаться от старых ее членов. Тогда он пригрозил уйти. В результате инцидент был исчерпан. Причина, по которой он бился за членов старой команды, вполне рациональна: *“Где я людей возьму, где я возьму управленцев”?*

Оценивая сегодняшнюю команду главы города, бывший мэр, а ныне депутат областного собрания, замечает: *“У действующего главы команда не едина. Есть люди, ориентированные на прежнее руководство и на настоящее. Те, кто остались, всю жизнь работали с предшественником. Так что с ними не просто”*. Подтверждает высказанную оценку и сам действующий глава города. Оказавшись в сложной ситуации, он, тем не менее, остался верен избранной стратегии, хорошо осознавая возможные риски: *“Когда пришел к власти бывший глава, он всю команду вычистил, включая меня. Не осталось ни одного человека. А я всех оставил. И многие из них поняли, и согласились со мной работать”*.

Стремление улучшить команду заключается не только и не столько в том, чтобы убрать из нее приверженцев бывшего главы города. Главное — добиться того, чтобы команду составляли люди, ориентированные на перспективу. Такие люди в команде есть, но их должно быть значительно больше: *“Я все же команду потихоньку обновляю. Есть люди, которые видят перспективу, и есть те, кто этого делать не умеет. Я их так называю — ясноглазый и не ясноглазый. Не ясноглазые — это те, кого в 5 часов вечера ветром сдувает... Но есть те, кто проявляет какой-то интерес. В известном смысле я заложник кадрового дефицита, который существует в небольшом городе всегда”*.

Формулируя свои принципы работы с командой, он замечает: *“Я оставляю право для всех людей жить и работать по своим внутренним принципам... У меня других людей не будет. Мне сюда с Марса людей не завезут”*.

Итак, во всех городах есть команды, включающие в себя наиболее активных последователей лидеров, но у каждой команды есть проблемы, что снижает лидерский потенциал руководителей города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лидерство в малых российских городах, как подтвердило наше исследование, является необходимым атрибутом городской политики в глазах локальных элит. Чтобы успешно решать возникающие проблемы, главы городов должны быть лидерами не на словах, а на практике. Лидерство не возникает само по себе. Лидеры — это часть местного сообщества, а олицетворяющие его политические акторы могут быть либо субъектами политики развития муниципальных образований, либо “консерваторами” институциональных изменений, или даже их разрушителями. Потенциал лидерства или его отсутствие определяют темпы развития территории или ее стагнацию. Практическое лидерство со стороны глав городов позволяет решать многие городские проблемы, которые не под силу руководителю-исполнителю.

Исследование показало, что не менее половины опрошенных нами глав городов способны быть лидерами и стремятся реализовать лидерский потенциал в своей руководящей деятельности. Однако оно обнаружило и слабых руководителей-исполнителей, не способных стать реальными лидерами городских сообществ. В этом случае социально-экономическая ситуация может быстро ухудшаться, и локальные элиты воспринимают ее как “безысходную”.

Именно поэтому локальные элиты в большинстве своем убеждены в том, что руководитель города — это, прежде всего лидер, и уже во вторую очередь — исполнитель, реализующий волю вышестоящих структур власти. Разумеется, идеальная ситуация — быть и тем, и другим, т.е. сочетать качества лидера и хорошего исполнителя. Но в реальной практике эти функции не всегда в полной мере совместимы, тем более, что региональные чиновники имеют несколько иную точку зрения. Получается, что региональным чиновникам более нужны исполнители, а территориям — лидеры. Это противоречие приводит к тому, что политическое лидерство часто не востребовано вышестоящими структурами власти, а потому не развивается системно; отсюда потери в эффективности управления территориями.

Одновременно, на наш взгляд, не следует недооценивать роль исполнительского начала в деятельности руководителей городов, тем более учитывая значимость отношений муниципального руководства с региональными властями. Данная ситуация нами прогнозировалась, поскольку региональные чиновники, ответственные за ситуацию в городах, обычно имеют опыт руководящей деятельности на городском и районном уровне и хорошо осознают степень кадрового дефицита и необходимость контроля, функции которого они исполняют.

Важность лидерства обусловлена главным образом тем, что именно (только?) лидеры имеют шанс успешно преодолевать неблагоприятные обстоятельства. Значительная часть респондентов, что логично вытекает из вышесказанного, довольно оптимистично оценивает лидерский потенциал и возможности позитивно влиять на сложившуюся ситуацию. Оценки локальных элит нам представляются вполне реалистичными. При этом респонденты подчеркивают, что именно лидеры, а не просто руководители-исполнители имеют шанс существенно повлиять на ситуацию.

Потенциал влияния лидера и эффективность его деятельности во многом обусловлены наличием или отсутствием профессиональной и мотивированной группы последователей — команды единомышленников, поддерживающих лидера и обеспечивающих реализацию его политики. Исследование показало, что во всех локальных сообществах с формированием команды есть проблемы, наибольшие — в городе X. Во всех городах сформировано некое ядро команды — ближайшее окружение лидера. Расширение этого ядра осложняется тем, что кадровый ресурс малого города существенно ограничен. Проблемы возникают и на том основании, что в некоторых городах (особенно в городе А) значительную долю управленческого персонала составляют люди, работавшие с предшествующими руководителями города, что в большей или меньшей степени создает трения внутри коллектива. Наконец, слабость команды может быть обусловлена отсутствием должных лидерских качеств у руководителя. Ситуация, сложившаяся в городе X, показывает, что слабая команда и слабый руководитель — это взаимообуславливающие факторы. Поэтому руководителя города X местная элита не воспринимает как лидера, тогда как в других городах их оценки деятельности глав в целом весьма позитивные. Все главы в этих локальных сообществах считаются лидерами своих территорий и с ними связываются надежды на улучшение ситуации, или, по крайней мере, на противодействие негативным тенденциям в развитии социума.

Таким образом, включение муниципального уровня в выстроенную в последнее десятилетие “вертикаль власти” не привело к недооценке роли лидерства у руководителей муниципалитетов. Централизация управления имеет безусловные плюсы, но не менее важную роль может играть и персональный фактор, лидер, способный разрешить проблему даже вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Лидеры по-прежнему востребованы и обществом, и значительной частью локальной элиты.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.11)

LEADERSHIP IN LOCAL COMMUNITIES: WHO IS NEEDED IN THE MUNICIPAL GOVERNMENT IN RUSSIA

A.E. Chirikova¹, V.G. Ledyayev²

¹ *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

² *National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

CHIRIKOVA, Alla Evgen'evna, Dr. Sci. (Soc.), Principal Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, email: chirikova_a@mail.ru; **LEDYAEV, Valerii Georgievich**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, email: vledyaev@hse.ru

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Leadership in Local Communities: Who Is Needed in the Municipal Government in Russia. — Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 157-170. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.11>

Acknowledgments. This research was supported by RFBR, project No. 20-011-31192 opn.

Received: 05.12.2020. Accepted: 12.01.2021

Abstract. The article presents the outcomes of an empirical study of power and leadership in local communities. The study was conducted in 2011-2015 and 2018-2020 in three small towns and one district in three regions of Russia. The basic material was obtained in the course of 86 in-depth face to face interviews with the regional public officials and experts, local politicians, officials, businessmen, and civic activists. We studied opinions of local elites about local leadership. Who should be a leader in a local community, can he overcome the problems caused by objective circumstances, what is the role played by his team, etc. The study shows that the inclusion of the municipalities in the “power vertical” built in the last decade did not lead to an underestimation of the role of leadership by local elites. Leaders are still in demand both by communities and elites. The majority of representatives of urban elites, as the study has shown, believe that the head of the town is, first of all, a leader, and secondarily – an executor, realizing the will of higher authorities. Only real leaders of urban communities have a chance to successfully overcome adverse situations. The leader’s power and the effectiveness of his activities are largely depend on the presence or absence of a professional and motivated group of followers – a team of like-minded people who support the leader and ensure the implementation of his policies. The study showed that in all local communities there are problems with the formation of a team, mainly due to the limited human resources of a small town. Many our respondents are quite optimistic about the leadership potential of town heads and their ability to influence the current situation. They emphasize that only leaders, not just executives really have a chance to significantly influence the situation.

Keywords: head of city, power, leadership, small towns, local government.

References

- Bentzena T., Lob C., Winsvoldc M. 2020. Strengthening Local Political Leadership Through Institutional Design: How and Why. — *Local Government Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 483-504. <https://doi.org/10.1080/03003930.2019.1690994>
- Burns J.M. 1978. *Leadership*. New York: Harper and Row.
- Copus C., Roberts M., Wall R. 2017. *Local Government in England: Centralisation, Autonomy and Control*. London: Palgrave Macmillan.

Grant B., Dollery B., Kortt M. 2016. Recasting Leadership Reform in Australian Local Government: A Typology from Political Theory. — *Local Government Studies*. Vol. 42. No 6. P. 1024-1046. <https://doi.org/10.1080/03003930.2013.861820>

Greasley S., Stoker G. 2009. Urban Political Leadership. — *Theories of Urban Politics*. Ed. by J. Davies, D. Imbroscio. London: Sage. P. 125-136.

Keohane N. 2014. Western Political Thought. — *The Oxford Handbook of Political Leadership*. Ed. by R.A.W. Rhodes, P. 't Hart. Oxford: Oxford University Press.

Lowndes V., Leach S. 2004. Understanding Local Political Leadership. — *Local Government Studies*. Vol. 30. No. 4. P. 557-575. <https://doi.org/10.1080/0300393042000333863>

Stone C. 1995. Political Leadership in Urban Politics. — *Theories of Urban Politics*. Ed. by J. Davies, D. Imbroscio. London: Sage. P. 96-116.

't Hart P., Rhodes R.A.W. 2014. Puzzles of Political Leadership. — *The Oxford Handbook of Political Leadership*. Ed. by R.A.W. Rhodes, P. 't Hart. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199653881.013.028>

Blondel J. 1992. Political Leadership: Towards a General Analysis. (Russ. ed.: Blondel J. *Politicheskoe liderstvo: put' k vseob"emlyushchemu analizu*. Moscow: Rossiiskaya akademiya upravleniya).

Gaman-Golutvina O.V. 2007. Politicheskie elity i politicheskoe liderstvo [Political Elites and Political Leadership]. — *Politologiya. Leksikon* [Political Science. Lexicon]. Ed. by A.I. Solovyov. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Petukhov R.V. 2017. The Russian Society's Confidence in the Local Governments as a Problem. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 61-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.05>

Shestopal Ye.B. 2013. Political Leadership in New Environment: The Change of the Perception Paradigm. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 47-57. (In Russ.)

Shkel S.N. 2020. Political Attitudes of Local Elites in Contemporary Russia (Cases of Municipalities of the Perm Territory). — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 119-134. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.09>

Solovyov A.I. 2017. Political Leader in the Public Administration Environment, or Who Is the Man of the House? — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 60-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05>

Vlast' i lidery v vospriyatii rossiiskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudenii (1993-2018) [Power and Leaders in the Perception of Russian Citizens. a Quarter Century of Observations (1993-2018)]. 2018. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: Ves Mir Publishers. (In Russ.)

Литература на русском языке

Блондель Ж. 1992. *Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу*. М.: Российская академия управления.

Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018). 2019. Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь Мир.

Гаман-Голутвина О.В. 2007. Политические элиты и политическое лидерство. — *Политология. Лексикон*. Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН.

Петухов Р.В. 2017. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 61-75. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.05>

Соловьев А.И. 2017. Политический лидер в административной среде государственного управления, или "Кто в доме хозяин?" — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 60-81. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05>

Шестопал Е.Б. 2013. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 47-57.

Шкель С.Н. 2020. Политические установки муниципальных элит в современной России (на примере муниципалитетов Пермского края). — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 119-134. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.09>

DOI: 10.17976/jpps/2021.02.12

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ (о книге “A Time for Critique”)

Н.Н. Мещерякова

МЕЩЕРЯКОВА Наталья Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет; профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, email: natalia.tib@mail.ru

Мещерякова Н.Н. Теория и практика современной критики (о книге “A Time for Critique”). – Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 171–179. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.12>

Статья поступила в редакцию: 09.01.2020. Принята к публикации: 15.05.2020

Аннотация. Рассматриваемый сборник эссе (A Time for Critique. 2019. Ed. by B.E. Harcourt, D. Fassin. New York: Columbia University Press) посвящен вопросам современного состояния критической теории и практик ее применения в политической и общественной сферах. Пространство критики сужается. Ее слабость связана со страхами критических мыслителей перед движением масс и классовой борьбой, с бессилием имманентной критики на фоне ослабления либеральной идеологии и усиления правых в политике и общественной жизни, а также с торжеством позитивизма в академической среде, понимаемом как самоценность факта в ущерб его критическому осмыслению. Тем не менее авторы призывают к обновлению и продвижению программы критической социальной теории. Оптимизм придает возникновение под давлением внешней среды новых форм критического мышления и организации деятельности внутри академической сферы, а также выход за пределы академических школ в общественную жизнь, где обнаруживаются различные типы критического вмешательства в виде социальных движений и других вариантов самоорганизации гражданского общества.

Ключевые слова: критическая теория, критические практики, социальное поле, позитивизм, прагматизм.

Сегодня не лучшее время для критики, но именно поэтому наступило время для критики. Обоснованию этого противоречивого утверждения посвящен сборник эссе *A Time for Critique*, вышедший в серии “Новые направления в критической теории”. Книга состоит из двух частей, в первой (*Critique as Practice*) рассматривается современное состояние критической теории в академической, политической и общественной сферах, а во второй (*Critique on Practice*) – практики применения критического подхода к преобразованию реальности. Сборник включает четырнадцать эссе, публикации составителей и редакторов Дидье Фассена и Бернарда Харкорта идут в нем первой и последней, задавая рамки научного дискурса: развитие критики от теории к практике. Остальные эссе распределены между двумя основными тематическими направлениями.

Ориентация социально-политических изданий в первую очередь на эмпирические исследования и количественные методы оставляет мало места для нарратива и критического осмысления. Попытка вернуть эту практику в науку вызывает особенный интерес к этому сборнику.

Д. Фассен и Б. Харкорт уже во введении задаются вопросом: “Какой вид критического мышления необходим в то время, когда само его существование кажется угрожающим”? Они акцентируют два момента, определяющие современную реальность: это глобальная нестабильность и непредсказуемость политических событий, таких как Брекзит или победа Дональда Трампа на

президентских выборах в США. Последнюю авторы характеризуют как полиморфный дрейф в политике [A Time for Critique 2019: 1]. Обратим внимание, что эта трактовка резонирует “нашествию кентавров” Ж.Т. Тощенко, в концепции которого чрезвычайное усложнение реальности приводит к “совмещению несовместимого”, “сочетанию несочетаемого”, неумению понять реальность, представление ее через противоречивые образы и несовместимые компоненты [Тощенко 2011: 441]. Фассен и Харкорт также полагают, что попытка быстро подогнать готовую теорию, например постправды, под реальность говорит скорее о бессилии современных интеллектуалов, которые не заметили приближения новой волны и не имеют адекватных инструментов для ее анализа. Распространение фейковых новостей и теорий заговора, имитирующих критическое мышление, а также расширение социальных сетей, которые зачастую вытесняют традиционные каналы, используемые критиками в общественной сфере, усугубляют ситуацию кризиса критического мышления.

О неспособности политической науки предвидеть слишком многое и слишком существенное, о безуспешных попытках “натянуть” старые концепции на новые явления вместо того, чтобы познать последние, о бессилии стать над ситуацией, переосмыслить ее вместо перебирания инструментария, баз данных и прокачивания концепций среднего уровня, Б.Г. Капустин начал писать два десятилетия назад [Капустин 2001: 6–7]. Он определил эту проблему как парадигмальную. Пусть автор ограничивался только анализом западной советологии, но, говоря его же словами, поскольку парадигма “дотеоретическая” конструкция, которая задает стиль, а не содержание, ее нехватка сказывается на всех направлениях политической науки.

В эссе “Как критика?” Дидье Фассен проводит клиническое исследование здоровья критики в настоящий момент [A Time for Critique 2019: 13–35]. Пациент скорее жив, чем мертв, или наоборот — доводы обнаруживаются при обоих диагнозах.

Как практика критика существует в пределах конкретного времени и пространства, и следует учитывать оба измерения. Критика является реакцией на определенное состояние мира, развивающееся в рамках сложившейся конфигурации власти и знания в академической и общественной сферах. Но за последние полвека общественное присутствие критического мышления значительно трансформировалось. Критика утратила радикальную остроту и академическую легитимность и была вытеснена в маргинальные круги.

После падения идеи коммунизма и в политике, и в мышлении центр сместился вправо, произошел отход от прогрессивного мышления и поворот к реакции. В политике это сделало возможным появление, казалось бы, социал-либеральных, центристских политических программ, подобных программе Эммануэля Макрона, которые характеризуются как “минимальное правительство для экономики и максимальное правительство для репрессий” [ibid.: 20]. В этих условиях пространство для критики значительно ограничено¹.

¹ Перспективный концепт политической реакции как “пассивной революции” предлагает М.А. Симакова [Симакова 2018]. Автор творчески развивает наследие А. Грамши. “Пассивная революция” характеризует исторический период, когда борьба за гегемонию уже выиграна элитами, которые маневрируют с помощью реформ, нейтрализуя массовое несогласие и маскируя социальные кризисы в том числе за счет использования популистской риторики и геополитических конфликтов. Такой реакционный поворот возможен в ситуации, когда элиты демонстрируют способность смягчать социальные противоречия, временно ослаблять социальное напряжение, а сама система нацелена на самосохранение.

Фассен, будучи последователем Пьера Бурдьё [Бурдьё 2005], структурирует и выстраивает взаимосвязь таких социальных полей, как академический мир, общественная сфера, политическая арена и экономическая сфера, подчеркивая, что именно властные отношения определяют и правила игры, и положение игроков. Символическое насилие как раз и состоит в том, чтобы навязать как естественное или очевидное то, что определяется социальными отношениями господства.

Поскольку доминирующей сферой в современном обществе признана экономика, способ, которым исследовательские программы и ученые продвигаются, финансируются и оцениваются в высших учебных заведениях, представляет собой недавний импорт из корпоративного мира, который существенно влияет на производство знаний. Свидетельства в этом ряду — закрытие гуманитарных факультетов, неоднократные нападки на представителей общественных наук за якобы недостаточную пользу для национальных экономических интересов и объявления о существенном сокращении бюджетных ассигнований на общественные исследования, в частности в тех случаях, когда они могут подорвать промышленные компании, выявив их влияние на здоровье или климат.

Поскольку социальные поля взаимопроникающи, собственное внутреннее развитие академической науки не свободно от навязываемых ей эконометрических методов оценивания. Давление позитивизма, часто воспринимаемого как просто вера в существование неоспоримых фактов, которые ученые должны собрать, привело к преобладанию в социально-политических журналах эмпирических исследований, использующих количественные методы, большие данные, *evidence-based research*. Но остается мало места для нарратива и демонстрируется умеренный интерес к критическому мышлению. Макс Хоркхаймер уже в середине XX в. обратил внимание, что на смену интеллектуальному проникновению приходит быстрое схватывание фактов [Хоркхаймер 2011: 47]. Он писал, что, преклоняясь перед естественными науками, пытаясь подражать им как “успешно развивающимся”, философ-прагматик предполагает, что существует лишь один вид опыта, который стоит принимать во внимание, — эксперимент. Всякая мысль должна иметь алиби, чтобы считаться мыслью, а именно подтверждение своей практической целесообразности (которое само мыслью не является), будь то эффективность для производства или влияние на общественное поведение. Таким образом отцы прагматизма превратили удовлетворение субъекта в критерий истины [там же: 59-61].

Критика не только не может игнорировать структурирование и взаимопроникновение социальных полей, но она полностью встраивается и формируется ими, даже когда критикует их. Наиболее распространенный ответ капитализма на критику — не присвоение, а маргинализация, вытеснение наиболее радикальных форм критического мышления в периферийные области исследований: феминистские, постколониальные или афроамериканские исследования, в то время как доминирующие дисциплины, а именно политология, экономика и право, остаются в целом непроницаемыми и даже враждебными такому мышлению. Фассен называет этот процесс самоограничения *reductio ad scholam*, самым эффективным способом сдерживания без цензуры. В этом контексте чем критика радикальнее, тем более она замкнута — и в конечном счете тем более безобидна [A Time for Critique 2019: 22].

Но даже несмотря на то, что критика потеряла часть своего импульса, даже в нынешней обстановке, а возможно, именно на сопротивлении ей, она выживает в новых формах. Свидетельства этого, однако, надо еще распознать. Фассен приводит по крайней мере два основания не впадать в пессимизм.

Во-первых, то, что пространство для критики, а следовательно, для работы, было значительно сокращено, заставило профессионалов искать новые формы и сферы реализации критического мышления, создавать профессиональные сети, организовывать конференции, издавать журналы, каждый раз переосмысливая свои способы вмешательства. Ограничения и давление могут стимулировать, а не заставлять замолчать критику². Признаки того, что это происходит сегодня, есть.

Во-вторых, косность академической среды заставляет выходить за ее пределы в общественную сферу, обнаруживая здесь новые формы критического вмешательства: от кампании “я тоже” (#MeToo)³ до постоянного рок-протеста в Соединенных Штатах, от “зоны защиты Нотр-Дам-де-Ланд”⁴ до полутысячи организаций, собравшихся в “Генеральном штабе миграции” во Франции. Места критического вмешательства множатся, предлагая новые возможности критики, более непосредственно связанные с конкретными вопросами и практическими ответами. Фассен полагает, что сближение двух факторов — обострившегося сопротивления критике в условиях давления и признание эмерджентных форм критики в обществе — создает многообещающие обстоятельства, к которым интеллектуалы должны быть внимательны в ближайшем будущем [ibid.: 32].

Бернард Харкорт в эссе “Практические рекомендации по использованию критики в XXI веке” [ibid.: 271–294] подхватывает тему. Критическая теория предлагает многообещающие перспективы, опираясь на богатый опыт поколений критических мыслителей. Но автор анализирует и причины некоторого бессилия, и даже паралича критических мыслителей. Левая критика, по его мнению, явно уступает либеральным левым, таким как ACLU (Американский союз защиты гражданских свобод), *Human Rights Watch*⁵ или Центр конституционных прав в Нью-Йорке, в ярких выступлениях. Автор связывает это с геополитическими переменами рубежа XXI в., рассеиванием сегментов рабочего класса, исчерпанием метаисторий. Важным обстоятельством является страх теоретиков перед революционной практикой, которая, как показала реальность, ведет, похоже, только к террору и тоталитаризму⁶. Это подорвало доверие к ведущей в рамках марксизма критической практике — революционной классовой борьбе и поставило перед критическими мыслителями вопрос

² Это хорошо известный факт, наблюдаемый, например, в бывших коммунистических странах.

³ #MeToo — хештег-кампания против сексуальных домогательств и харассмента по отношению к женщинам, начавшаяся в октябре 2017 г. после скандала и обвинений Харви Вайнштейна. Существует более ранний вариант кампании 2006 г. против сексуального насилия в отношении чернокожих женщин.

⁴ Зоны защиты Нотр-Дам-де-Ланд — серия акций активистов природоохранных организаций против строительства аэропорта на юге Франции.

⁵ Неправительственная организация со штаб-квартирой в США, расследующая и документирующая нарушения прав человека более чем в 70 странах.

⁶ Обратим внимание на опасность тоталитаризма либерального типа, о которой писал Ю.С. Оганисян [Оганисян 2020]. Перевоплотившийся в XXI в. тоталитаризм вполне обходится без массового террора и культа вождя, но, опираясь на современные технологии, устанавливает тотальный контроль и чинит насилие не менее, а может, и более эффективно. Это также сужает пространство для критики в современном обществе.

об обнаружении в современной действительности иных форм критических практических действий, что так или иначе пытаются делать на примерах конкретных исследований все авторы сборника, а Бернард Харкорт подводит под эти поиски теоретическую основу.

Есть и еще одна причина бессилия критических мыслителей. Харкорт пишет, что в последнее десятилетие либеральная маска была снята с истинного лица правых по всему миру, и теперь мы сталкиваемся с гораздо более громкими и открытыми нападками на меньшинства, иммигрантов и левые ценности. Даже более традиционные консервативные партии начали раскрывать свои самые темные “подбрюшья”. Линии политической демаркации стали более полярными, насильственными и конфронтационными. Но специфика либеральной критики состоит в том, что она острее, когда сталкивается с либеральной идеологией. Критика всегда была более резкой, когда она могла показать уязвимость либеральных идеалов, — например, обещание равенства перед лицом неравного мира или потенциал свободы в несправедливом обществе. Но когда оппозиция открыто расистская, сексистская, гомофобная, националистическая — имманентная критика бессильна. В борьбе за ценности едва ли есть необходимость в сложной критической теории [ibid.: 280].

И все же, с точки зрения Харкорта, для обновления общества и выхода из глобального кризиса, который автор воспринимает очень остро, необходимо наметить возможные направления критической практики в XXI в. Он выделяет семь широких категорий плюс поливалентный подход, который опирается на них.

Революционная классовая борьба, по его мнению, дискредитирована террором и тоталитаризмом, кроме того, “она, скорее всего, будет жестоко подавлена и приведет к широкомасштабному тюремному заключению и смерти” [ibid.: 282]. Популярные сегодня марши, протесты с поджогами машин, разбиванием стекол и сопротивлением полиции демонстрируют готовность граждан взяться за оружие. Но такие марши опасны столкновениями, массовыми арестами и ранениями. Либеральные критики, очевидно, относятся к массам с осторожностью и подозрением. И выбирают иные формы критических практик.

Например, *автономные зоны* (*Temporary Autonomous Zones*). Ненасильственные, неинституциональные сепаратистские движения, которые стремятся создать сообщества, часто с помощью модели самозахвата, предлагая новые формы собственности и различные формы кооперации. Цель этих временных пространств, как правило, состоит в том, чтобы избежать формальных государственных структур контроля.

Гражданское и политическое неповиновение также являются ненасильственными критическими практиками как акты неповиновения позитивному закону с целью понести юридическое наказание и тем самым убедить других в несправедливости закона. В отличие от гражданского неповиновения, политическое неповиновение может быть определено как форма неподчинения, которая оспаривает не только несправедливое позитивное право, но и саму политическую систему, которая порождает эти законы. Оно бросает вызов покорности гражданского неповиновения, отказываясь уважать наказание, связанное с нарушением закона [ibid.: 284]. Этот тип практики становится все более распространенным вдоль некоторых государственных границ, где местные фермеры оказывают помощь и содействие нелегальным иммигрантам в нару-

шении закона, а также в городах-убежищах, которые открыто сопротивляются применению иммиграционного законодательства. Вызов заключается не в том, чтобы подвергнуться наказанию и раскрыть безнравственность закона, а в том, чтобы сопротивляться законам, которые считаются безнравственными.

Ненасильственные социальные движения, такие как *The Movement for Black Lives*⁷ или *#MeToo*. Такие движения не имеют лидеров и зачастую какой-то сформулированной идеологии, но они аккумулируют массы, расширяя возможности коллективных действий через сочувствие. Эти движения возрождают общественную сферу, противодействуя растущей “политике отчаяния” (*politics of despair*). Некоторые критические мыслители предлагают левым подмять под себя эти движения, выдвинуть лидеров, предложить соответствующие инструменты, институты, наметить пути политики [Hardt, Negri 2017].

Блокирование системы — этот подход традиционно ассоциируется с маргинализированными и бесправными группами населения. Браконьерство, самовольные захваты земель, уклонение от уплаты налогов сельскими жителями — это приземленные, малозаметные стратагемы, призванные свести к минимуму присвоение средств государством.

Сохраняются и политические организации, которые действуют через традиционные *политические партии и профсоюзы*, в рамках сложившихся политических стратегий электоральной политики.

Поливалентный подход призван объединить различные альтернативы практики. Поскольку мы находимся за пределами детерминистской философии истории, у нас может быть больше возможностей открывать, переосмысливать, изобретать и экспериментировать, считает Харкорт.

Практики ненасильственного сопротивления, за которые ратует Харкорт, находят удивительно мало места в российском научно-политическом дискурсе. Их рассматривают либо в контексте “наследия гандизма” и ищут их следы в азиатском и североафриканском регионах, либо в рамках дискурса о “цветных революциях”. Примеры с самозахватами, автономными от властей территориями не представлены ни в практике, ни в теории сегодняшней политической жизни в России.

Гражданское неповиновение как фактор воздействия развивающегося общества на его правовую сферу отрефлексировано шире и рассматривается как следствие постоянно присутствующих “противоречий между правовой системой и динамичной реальностью общественной жизни” [Никовская 2012: 5]. Даже несмотря на то, что Л.И. Никовская писала свою работу на фоне некоторого оживления общественной жизни после выборов в Государственную думу 2011 г., оптимизма по поводу эффективности этого способа добиваться от российских властей политических преобразований не слышится. Автор указывает и на пиаровские практики внушения властью идеи подконтрольности событий, и на навешивание ярлыков маргинальности, инфантильности, ангажированности на оппозиционеров, — что уводит в сторону дискуссию о политических и социально-экономических причинах конфликтной ситуации. Но Никовская обозначила проблему еще шире, как неспособность

⁷ Движение за жизнь черных (M4BL — “Movement For Black Lives”) — коалиция групп по всей территории Соединенных Штатов, которые представляют интересы общин афроамериканцев. После гибели в 2020 г. во время полицейского задержания Джорджа Флойда приобрело более широкий масштаб под лозунгом “Black Lives Matter”, включив требования расовой и экономической справедливости.

обеих сторон к ответственным заявлениям и действиям, назвала это “однолинейностью политического мышления и неспособностью выйти на уровень новых требований усложняющегося публичного мира” [там же: 13]. Тогда же А.И. Неклесса обратил внимание, что в современном мире вследствие развития информационных технологий происходит смена формата сопротивления, которую он обозначил как замену партийности на партисипативность [Неклесса 2013: 38], переход к массированно-индивидуализированным действиям людей “в личном качестве”, но солидарно. С выхода этих работ прошло почти десять лет, преобразующий потенциал до сих пор не заметен, да и дискурс в научных кругах не активен.

Обновление и продвижение программ критической социальной теории редакторы и авторы рецензируемого сборника связывают с выходом за пределы академической среды, более тесным взаимодействием с другими социальными полями. Это позволит освободиться от давления внутренних мифологем, что есть научность, а что таковой не является. Необходим теоретический анализ сложившихся критических практик как более радикальных по сравнению с теорией. И примеры такого анализа в сборнике присутствуют.

Алегра Маклеод свое эссе “Закон, критика и нонконформисты” [A Time for Critique 2019: 252-270] начинает с критики сложившейся системы юридической науки и образования. Она обращает внимание на то, что научная и правовая критика развивается узко в рамках легалистических концепций, т.е. сводится к бесконечному перетолковыванию казуистических юридических норм, без учета лежащих в их основе социальных причин, избегая критического анализа, не предлагая немедленных практических политических решений и не желая участвовать в смелом переосмыслении того, что требует справедливость. Однако жизнь не стоит на месте, и, выйдя за пределы академических кабинетов, мы обнаруживаем новые субъекты и объекты критики. Исследовательница показывает это на примере движений против насилия со стороны полицейских, которые возникли внутри американских тюрем. Сами заключенные, их родственники бросили вызов профессиональным юристам, предложив критический взгляд изнутри, с точки зрения тех, на кого направлено острие закона.

Маклеод признается, что совершенно неясно, как далеко могут зайти эти проекты и к каким новым формам демократического существования они приведут. Но уже очевидно, что критика современного состояния права и социальной действительности членами таких движений более радикальная, бескомпромиссная и даже безжалостная. Она исходит от того, кто наиболее пострадал от этой системы, от тех, кто не боится насилия, тюремного заключения и конфликта с властью имущими. Прислушиваясь к ней и включая ее в теоретический анализ, мы не только проявляем сочувствие, но признаем, что несправедливости системы убивают как тех, кто от них пострадал, так и тех, кто их допускает, только последних — менее заметно.

И все же в эпоху, где ценность измеряется практической полезностью, а масштабные преобразования расцениваются как маловероятные и утопические, скептические и агрессивные модели мышления не востребованы. На это обращает внимание в работе “Полезность неконкретной критики” Питер Редфилд [ibid.: 71-90]. Это сформировало в социально-политических науках прагматический подход. Он подразумевает политику последовательных конкретных улучшений, а не радикальных политических перемен, так

называемую прагматическую критику [Seron 2016]. Редфилд показывает, как работает такой подход на примере гуманитарных форм проектирования, сосредоточенных на создании простых и оригинальных устройств, которые потенциально могут иметь серьезные благотворные последствия для бедных. Вместо того чтобы начинать реформы или революции, ее пропагандисты предлагают скромные, но эффективные и недорогие инструменты, направленные на решение практических проблем, от шлемов для водителей мотоциклов до одноразовых туалетов, состоящих из биоразлагаемого пластикового пакета, который в конечном счете служит удобствием.

Но, несмотря на безусловную полезность таких проектов, загоняющих, однако, критику в сферу маргинального, Редфилд обосновывает критический потенциал неконкретности (*uncertain critique*). Неконкретная критика оставляет открытой дверь для сомнений, неожиданных возможностей, может предложить стратегические направления для изменения структуры дискуссии. На практике это означает рассказывание небольших историй, которые не укладываются в единую линию рассуждений, сохранение неудобных цифр, неигнорирование загадочных фрагментов доказательств — элементов, которые могут не определять ситуацию, но оставляют ее слегка неурегулированной. Отказ от критического подхода вообще не позволит нам выйти за пределы трансцендентности, ограничит возможности постижения и преобразования реальности.

Мы живем в опасное время. И его опасность не только в отсутствии свежих парадигм, обладающих мощной объяснительной силой, как отмечает Капустин, и не только в готовности академической среды склониться перед навязываемой ей властью калькулируемых фактов, как доказывает Фассен, но и, как показали события весны 2020 г., связанные с пандемией коронавируса и повсеместным ограничением свободы передвижений, готовностью общества отступить с критическим анализом перед соображениями безопасности и простого физического выживания. Это развязывает руки политической власти и делает ее еще менее уязвимой по отношению к критике и готовой к радикальному ее пресечению. В этой ситуации необходимы мобилизация и концентрация интеллектуальных элит на задаче критического анализа текущей реальности. Чтобы, перефразируя Оганисяна [Оганисян 2020], не сделать перспективу установления тоталитарного порядка фатальной. Авторы рецензируемого сборника правы: сейчас самое время для критики!

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.12)

THEORY AND PRACTICE OF MODERN CRITICISM (About the Book “A Time for Critique”)

N. N. Meshcheryakova^{1, 2}

¹ Tomsk Polytechnic University. Tomsk, Russia

² Tomsk State University. Tomsk, Russia

MESHCHERYAKOVA, Nataliya Nikolaevna, Dr. Sci. (Soc. Sci.), Prof. of Sociology, Tomsk Polytechnic University; Prof., Tomsk State University, email: natalia.tib@mail.ru

Meshcheryakova N.N. Theory and Practice of Modern Criticism (About the Book “A Time for Critique”). — Polis. Political Studies. 2021. No. 2. P. 171–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.12>

Received: 09.01.2020. Accepted: 15.05.2020

Abstract. The book “A Time for Critique” (2019, ed. B.E. Harcourt, D. Fassin. New York: Columbia University Press) deals with the current state of critical theory and its practical application in the political and public spheres. The space of criticism is narrowing. This weakness is connected with the fears critical thinkers have regarding mass movement and class struggles, with how impotent criticism is against the background of the weakening of liberal ideology and the strengthening of the right-wings in politics and public life, and with the triumph of positivism in the academic environment, which is understood as the self-worth of a fact to the detriment of its critical thinking. Nevertheless, the authors call for updating and promoting the program of critical social theory. The grounds for optimism are the emergence (under pressure from the external environment) of new forms of critical thinking and activities within the academic sphere, and the emergence of new forms of critical intervention in the form of social movements and other methods of civil society’s self-organization outside the academic schools.

Keywords: critical theory, critical practices, social fields, positivism, pragmatism.

References

- A Time for Critique*. 2019. Ed. by B.E. Harcourt, D. Fassin. New York: Columbia University Press. 320 p.
- Hardt M., Negri A. 2017. *Assembly*. New York: Oxford University Press. 368 p.
- Seron C. 2016. The Two Faces of Law and Inequality: From Critique to the Promise of Situated, Pragmatic Policy. — *Law and Society Review*. Vol. 50. No. P. 9-33. <https://doi.org/10.1111/lasr.12194>
- Bourdieu P. 2005. Espace social et genèse des classes (Russ. ed.: Bourdieu P. Sotsial’noe prostranstvo: polya i praktiki. St. Petersburg: Aletheia; Moscow: Institute of experimental sociology. 576 p.).
- Horkheimer M. 2011. *Eclipse of Reason* (Horkheimer M. *Zatmenie razuma. K kritike instrumental’nogo razuma*. Moscow: Canon+ROOI Rehabilitation. 224 p. (In Russ.))
- Kapustin B.G. 2001. The End of “Transitology”? (Reflecting on the First Post-Communist Decade as Subject of Theoretical Interpretation). — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 6-26. (In Russ.)
- Neklessa A.I. 2013. Ongoing Plebiscite. Genetics of Civil Society. — *Polis. Political Studies*. № 2. P. 24-39. (In Russ.) URL: <https://www.politstudies.ru/article/4684> (accessed 16.01.2020).
- Nikovskaya L.I. 2012. Civil Society and Protests: What is behind that? — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 4. P. 5-13. (In Russ.) URL: https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/110/2012_110_01_nikolskaya.pdf (accessed 16.01.2020).
- Oganisyan Yu.S. 2020. Phenomenon of Totalitarianism: Exit to the Twenty-First Century. — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 167-177. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.12>
- Simakova M.A. 2018. Political Reaction as Passive Revolution: Attempting a Conceptualization. — *Sociology of Power*. Vol. 30. No. 4. P. 47-68. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-4-47-68>
- Toshchenko Z.T. 2011. *Kentavr-problema (Opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza)* [Centaur-Problem (Experience of Philosophical and Sociological Analysis)]. Moscow: Novyi khronograph. 536 p. (In Russ.)

179

Литература на русском языке

- Бурдьё П. 2005. *Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии. 576 с.
- Капустин Б.Г. 2001. Конец “транзитологии”? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия). — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-26.
- Некlessа А.И. 2013. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 24-39. URL: <https://www.politstudies.ru/article/4684> (accessed 16.01.2020).
- Никовская Л.И. 2012. Гражданское общество и протесты: что за ними стоит. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 5-13. URL: https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/110/2012_110_01_nikolskaya.pdf (accessed 16.01.2020).
- Оганисян Ю.С. 2020. Феномен тоталитаризма: выход в XXI век. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 167-177. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.12>
- Симакова М.А. 2018. Политическая реакция как “пассивная революция”: попытка концептуализации. — *Социология власти*. Т. 30. № 4. С. 47-68. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-4-47-68>
- Тощенко Ж.Т. 2011. *Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа)*. М.: Новый хронограф. 536 с.
- Хоркхаймер М. 2011. *Затмение разума. К критике инструментального разума*. М.: Канон+РООИ “Реабилитация”. 224 с.

DOI: 10.17976/jpps/2021.02.13

РОССИЯ И МИР В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НАБЛЮДЕНИЯ ЗА НАБЛЮДАТЕЛЯМИ

Е.О. Обичкина

ОБИЧКИНА Евгения Олеговна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России, Москва, email: obitchkina@mail.ru

Обичкина Е.О. Россия и мир в зеркале французских исследований: наблюдения за наблюдателями. — Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 180-191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.13>

Статья поступила в редакцию: 05.05.2020. Принята к публикации: 11.01.2021

Аннотация. Внешнеполитическая активность России направлена на упрочение позиций страны в новой мировой иерархии, однако на Западе ее политика расценивается как вызов и угроза евро-атлантической безопасности. Расхождение цели и результата ставит вопрос о критериях привлекательности государства в современном европейском контексте. В статье рассматривается оценка положения России в мире в особом ракурсе — глазами европейских наблюдателей. Поводом к ней послужило издание коллективной монографии “Россия в мире” под руководством одного из ведущих французских специалистов по российской политике Анн де Танги (La Russie dans le monde. Sous la dir. de A. de Tanguy. Paris: CNRS Editions, 2019), что представляет уникальную возможность ретроспективного анализа, поскольку более десяти лет назад она издала книгу на ту же тему. В обоих случаях достаточно широкий круг авторов дает представление об оценочных критериях, которые определяют место России во внешнеполитической стратегии европейских государств. Российскому читателю представленные исследования интересны критическим взглядом их авторов, а также отражением идентичности европейского наблюдателя, исходящего из потребностей национальной внешней политики. В первые десятилетия становления нового российского государства отношение к нему зависело от степени готовности к интеграции в либеральный мир под эгидой Запада, но на рубеже 2000-х и 2010-х годов европейцы осознали, что его превращение в самостоятельный центр силы сопровождалось отказом от конвергенции на основе западной модели. Это снова — большой Другой, оппонент универсальной либеральной парадигмы развития, которая оспаривается не только извне, но и изнутри. Таким образом, “русский вопрос” вторгается во внутривнутриполитическую сферу в решающие моменты, подобные президентским выборам в США и во Франции. Выигрывает ли от этого Россия? Анализ европейского взгляда на российскую политику проясняет причины устойчивого расхождения между Москвой и Европой.

Ключевые слова: Россия в мире, критерии привлекательности, Россия и Европа, Россия и США, Россия и Китай, Россия и ближнее соседство, мягкая сила, силовое могущество, французская аналитика о России.

В августе 2019 г. президент Франции Э. Макрон, готовясь принять саммит Большой семерки, посчитал необходимым встретиться с президентом России. Перед встречей он заявил: “не следует разворачиваться спиной к России... поскольку это толкает Россию к геополитике, которая не в наших интересах. Чтобы сохранить свою значимость, ЕС должен при новом геополитическом раскладе изобрести новую архитектуру взаимодействия с Россией”¹. Это за-

¹ Déclaration conjointe Poutine/Macron. — *BFM TV*. 19.08.2019.

явление свидетельствовало о попытке переосмыслить геополитику Франции, которая вознамерилась говорить от лица всего Европейского союза, но оно не стало прологом преодоления кризиса в отношениях России и ЕС. Устойчивость и длительность тенденции к расколу между ними не позволяет списать кризис на цепь преходящих обстоятельств и ставит вопрос об основах устойчивого негативного восприятия образа страны европейцами.

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ОЦЕНОЧНЫЙ ПОДХОДЫ
К МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ:
ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКАЗА ОТ КОНВЕРГЕНЦИИ**

Россия в очередной раз вернулась в центр внимания европейских внешнеполитических аналитиков в связи с присоединением Крыма. Пожалуй, нынешний всплеск интереса к ней можно сравнить с 1990-ми годами, однако обращение к русской теме в последние годы имеет ряд специфических черт. После устранения идеологического и формационного антагонизма между Москвой и Западом международное положение России рассматривалось в перспективе строительства глобального либерального порядка. В свете этого намеченная новым руководством страны цель “возвращения в круг цивилизованных держав”, которая подразумевала употребление слова “цивилизация” в духе позитивизма, определяла отношения Запада и России в ряду прочих стран Восточной Европы как связь “ведущего” и “ведомого”. В то же время либеральный идеализм западного подхода в целеполагании сопровождался реализмом в анализе соотношения сил, которое ставило Россию 1990-х в неизбежно слабую, зависимую позицию по отношению к Западной Европе и США, а конвергенция призвана была интегрировать Россию в Европу по модели и на условиях, диктуемых Западом.

181

На рубеже веков вышла серия статей, в названии которых положение России ассоциировалось с упадком и бессилием, впрочем, в глазах многих — временным [Tinguyde 2000; Sokoloff 2000; Dubien 2001]. А. де Танги тогда отметила, что ельцинская Россия сумела превратить собственную слабость в фактор могущества. “Ей удалось утвердить идею, что ее ослабление могло повлечь за собой столь ужасные последствия для внешнего мира, что его собственный интерес состоит в том, чтобы оберегать ее и помогать ей” [Tinguyde 2000: 219]. Рассматривая перспективы развития страны в общеевропейской либеральной парадигме, А. Дюбьен предполагал, что “постимперская Россия, по всей видимости, обречена стать ‘нормальной’ страной” [Dubien 2001: 162].

Постепенное восстановление российской экономики и усиление государства к концу 2000-х годов рассматривались в общем идеологическом ключе, подразумевавшем встраивание в проект мирового либерального управления. В 2008 г. авторы предыдущей книги о России в мире, вышедшей через год после памятной “мюнхенской” речи В. Путина, но до кризиса на Кавказе, выбрали название “Москва и мир — амбиция величия: иллюзия?”, ставившее под вопрос ее претензии на державный ранг, хотя вопросительный знак в конце фразы призван был смягчить жесткость вердикта. Центром докризисного мира оставалась Евро-Атлантика, и в этом евро-атлантическом мире, как отметила А. де Танги, “Россия не нашла своего места” [Moscou et al. 2008: 203].

Парадигма демократического транзита, определявшая отношения России и Запада, оказалась неудачной, при этом не наметилось никакой другой, приемлемой для обеих сторон. Результатом стало “конфликтное партнерство, все более похожее на сосуществование”, т.е. на отношения, близкие к холодной

войне. А. де Танги предвидела риски, что “политика России, требующей большего уважения к своим интересам, вызовет обратный эффект на Западе, вынуждая США и ЕС дистанцироваться от России и пересмотреть свои взгляды на стратегическое равновесие в Европе” [ibidem].

В те годы еще возможны были два сценария развития отношений, и автор оставляла вопрос открытым, заключая: “сегодня трудно определить, какой из двух намеченных путей победит: сближение/ассоциация или взаимное отдаление” [ibid.: 204]. В то же время она склонялась к сдержанному оптимизму, основанному на убеждении, что помимо воли российских лидеров существуют факторы, способные в отдаленном будущем обеспечить “европеизацию снизу”: интеграция России в мировую экономику, рост зарубежных контактов и свобода движения идей и людей [ibid.: 13, 207]. В пользу такого сценария говорил и ответ на вопрос, вынесенный в заглавие книги. А. де Танги характеризовала Россию не как великую державу, способную влиять на остальной мир, но как среднюю державу, зависящую от внешнего мира в деле модернизации своей экономики, которая, наряду с демографией, представляется ее наиболее уязвимым местом. Отсутствие условий устойчивого экономического роста в опоре на собственные производительные ресурсы для любого западного политолога, воспитанного в классической традиции, априорно снижает шансы попасть в группу мировых лидеров. Опыт европейцев, компенсировавших утрату внешнеполитического могущества опорой на потенциал США и европейской интеграцией, указывал путь преодоления слабостей переходного периода, тем более что в истории России с Петра I источником модернизации для нее всегда была Европа.

Казалось бы, программа “Партнерство для модернизации” России и ЕС 2010 г. направляла страну в это русло. Однако показательно, что отношение проницательного наблюдателя к ее успеху было скептическим, поскольку А. де Танги было очевидно, что западная парадигма развития “разбилась вдребезги”, так как достижение независимости, за которую борется Москва, “реализуется через отказ от западной модели” [ibid.: 12]. Это было хотя и фундаментальной, но не единственной причиной, поскольку в фокусе анализа находилась только политика Кремля, в то время как для сближения требовалось и встречное движение Запада.

Один из ведущих французских политологов Т. Гомар отмечает, что неудача приобщения России к западному миру лежит не только на совести российского руководства и общества, но стала следствием “полной незаинтересованности со стороны западных держав” [Gomart 2019: 133]. Теперь Россия и Запад составляют уже устойчивую антитетическую пару. Россия для европейского интеллектуала — это большой Другой, прямо влияющий на расстановку сил в мире. Ее возвращение в мировую политику — общепринятая данность, но так называемый русский вопрос [Mongrenier, Thom 2016: 5] состоит в том, что реализация восстановленного могущества воспринимается как вызов Западу. Тенденция, которую констатировали авторы книги “Москва и мир” в 2008 г., переросла в антагонизм в связи с украинским кризисом 2014 г., что само по себе свидетельствует о верности предсказанного вектора развития. Между тем по сравнению с 2000-ми годами самоощущение европейского наблюдателя изменилось: исчезло ощущение стабильного благополучия, ставящего его по отношению к остальному миру в привилегированное положение, так как разладилась либеральная парадигма мирового развития.

В недавней книге Т. Гомара, название которой можно вольно перевести метафорой “Взбесившийся компас: десять мировых геополитических вызовов” (*L'affolement du monde*) [Gomart 2019], Россия поставлена в ряд десяти главных геополитических вызовов (*enjeux*), переворачивающих мировой порядок, сложившийся по окончании холодной войны. Автор отмечает, что убедительные дипломатические успехи России в сочетании с отказом Кремля от конвергенции по западной модели усиливают у европейцев неуверенность в возможности утвердиться в качестве самостоятельного центра силы в меняющейся мировой иерархии, тем более что российский фактор вторгается во внутреннюю политику западных демократий, порождая в обществе искушение авторитаризмом [ibid.: 17]. Мировой экономический кризис ускорил разрушение картины, основанной на убеждении, что международная система может быть рационально сформирована Западом. В западной аналитике феноменологический подход к анализу поведения международных игроков и оценка соотношения сил теснит либеральный универсализм, хотя он сохраняет роль фундаментального символа веры.

МОГУЩЕСТВО КАК ОТНОСИТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ: О ПРЕИМУЩЕСТВАХ “ПЕРЕКРЕСТНОГО” ВЗГЛЯДА НА РОЛЬ РОССИИ В МИРЕ

В условиях мирового экономического кризиса была задумана серия публикаций, предпринятая издательством Французской академии наук (*CNRS — Centre national des recherches scientifiques*) под общим названием “В мире”, и книга о России вышла в ней третьим номером, после книг о США и Китае. По замыслу руководителя проекта Ф. Шарийона, в серию должны войти исследования, призванные осветить место главных игроков на мировой арене. Коллективная монография “Россия в мире”, как и та, что вышла более десяти лет назад, написана под руководством А. де Танги. Чего стоит эта “бронза” в новой расстановке сил? Почему признание за Россией весомой роли в международных отношениях не ведет европейцев к стремлению соединить с ней усилия для преодоления главных вызовов и угроз? Ответить на эти вопросы помогает взгляд со стороны.

В 2010 г. президент Франции Н. Саркози призвал европейцев “перевернуть страницу холодной войны” в отношениях с Россией. Но для того, чтобы пойти по этому пути, ведущим странам ЕС нужны были либо веские основания в духе поворота России к конвергенции, либо исключительно сильная мотивация к смене их собственных приоритетов. Украинский кризис отбросил Россию и ЕС по разные стороны “Майдана”, но с тех пор российским властям казалось, что такие мотивы объективно существуют. Среди них — разрастание террористической угрозы у границ Европы, преимущества географического положения России на фоне продвижения китайского глобального проекта “Один пояс — один путь”. Однако для европейцев, которые проявляют постоянный интерес к измерению российского потенциала, они не перевешивают негативного восприятия.

В книге “Россия в мире” предложен “перекрестный взгляд” России на себя и на мир, а мира — на Россию. Авторы приходят к выводу о “глубоком разрыве между представлениями о мире, преобладающими в Москве, и представлениями в мире о России” [La Russie dans... 2019: 50]. Мы читаем зарубежные книги о России, чтобы увидеть свой отраженный образ. Кроме того, отражение может многое сказать о самом зеркале. Расхождения между оригиналом и отражением позволяют измерить размах “ножниц”, которые разрезают ткань взаимопонимания между Россией и Западом. Россия хочет предстать одним из главных игроков на международной арене, участвующим на равных с ведущими мировыми державами в организации нового глобаль-

ного управления. Между тем, указывает А. де Танги, этот образ только частично соответствует реальным средствам влияния на международное развитие, имеющимся в распоряжении российского руководства. Поскольку в книге нет общего заключения, выводы руководителя авторского коллектива предваряют чтение, направляя читателя, а собранные в книге специальные исследования, следующие основным направлениям российских интересов, оставляют за ним синтез этого богатого материала [ibid.: 51].

От имени европейских партнеров А. де Танги задает вопросы, важные для прогнозирования их собственной политики. Каким курсом пойдет российский президент? Чему отдаст приоритет: “решительной борьбе с источниками уязвимости и слабости своей страны, направив ее по пути новой “перестройки”, или будет по-прежнему отдавать приоритет демонстрации внешнеполитического могущества?” [ibid.: 9]. Помимо собственного длительного и богатого опыта исследования российской политики, личного знакомства с ее реалиями, автор привлекает материал обширной аналитической литературы, сопоставляя суждения западных и российских политиков и аналитиков. Фокус здесь на центральной характеристике международного веса государства — внешнеполитическом могуществе. Государства выстраивают и транслируют искомый образ, но всякий раз успех зависит от его восприятия партнерами [ibid.: 11], а те улавливают не только демонстрацию силы, но и симптомы слабости. “Владимиру Путину недостаточно заявить, что Россия вернулась в круг мировых держав, он должен учитывать ее репутацию на международной арене” [ibid.: 10]. А. де Танги считает, что главными факторами возвращения России на мировую авансцену стали силовые акции, но, адресуясь к международному окружению, следует отдавать себе отчет в специфике западных критериев привлекательности.

В конце 1990-х годов П. Бонифас актуализировал определение могущества, подразумевая под ним “способность контролировать правила игры в одной или в нескольких ключевых областях всемирного соревнования” [Boniface 1998: 39], добавив формулу американца Джозефа Ная “мягкая сила”, которая позволяет стране “создавать такую ситуацию, чтобы другие страны делали выбор или определяли свои интересы в соответствии с ее собственным интересом” [ibidem].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ

Первая глава книги посвящена анализу российской экономической модели. Ее автор Ж. Веркёй считает, что, как и в советские времена, несмотря на кардинальные формационные различия, для этой модели характерна особая политическая экономия/экономика. Во французском языке эти понятия составляют единую сущность, поскольку невозможно предположить, что этот род деятельности может не быть подчинен поискам эффективности/экономии. Для западных аналитиков, воспитанных в либеральной экономической культуре, аксиоматично, что политическая мотивация экономической политики государства является фактором риска, поскольку стабильность экономических связей может стать заложницей внутривластной конъюнктуры и волюнтаристских решений. Курс на самоутверждение России в опоре на силовое могущество, с отсылкой к печальному опыту мобилизационной экономической модели СССР, в их глазах усугубляет ситуацию.

Анализируя причины нынешнего экономического спада, Ж. Веркёй не соглашается с позицией Кремля, обвиняющего Запад в “экономической войне”, поскольку экономические показатели начали падать с 2012 г. [La Russie dans... 2019: 67]. Политическая воля, стоящая за западными санкциями, осталась за

рамками исследования, несмотря на то что смыслом их введения был подрыв российского потенциала. Ответные меры, направленные на достижение “экономического суверенитета”, автор считает примером решения политических задач за счет экономики, скептически относясь к самой возможности его реализации. Ключевые экономические показатели зависят от мировых тенденций, на которые российское руководство повлиять не в состоянии [ibid.: 65]. В то же время Ж. Веркёй заметил, что во внутривосточном плане санкции дали результат, обратный ожиданиям Запада, сплотив общество вокруг новых геополитических целей власти, невзирая на издержки [ibid.: 62]. Приведенный автором аргумент подтверждает органическую неадекватность расходящихся взаимных отражений России и Запада и их влияния на принятие решений.

“Перекрестный взгляд” обнажает и двойственный характер географической принадлежности и Европе, и АТР. В то время как наращивание потенциала сотрудничества в Азии представляется российскому руководству альтернативой трудным отношениям с Западом [ibid.: 50], переориентация внешнеэкономической деятельности России с Европейского союза на Китай волнует европейцев. Успешное развитие этого проекта снижает результативность санкционной политики, а в долгосрочной перспективе подрывает перспективу совместного развития двух частей Европы. Ж. Веркёй указывает на риски тесной взаимозависимости как для России, так и для Китая, причем для России он считает их более высокими в силу диспропорции экономических и технологических потенциалов, ослабляющей позиции Москвы в торговых переговорах один на один с Пекином [ibid.: 71].

Главу о восприятии России в Северо-Восточной Азии написал специалист по стратегической и военной политике России и Украины С. Маранже, который активно сотрудничает с Гарвардским, Йельским и Колумбийским университетами. Автор считает, что усиление Китая и угроза со стороны Северной Кореи повышают у Южной Кореи и Японии мотивацию к стратегическому партнерству с Москвой [ibid.: 198], хотя с экономической точки зрения Россия в регионе является “колоссом на глиняных ногах” [ibid.: 204], “торговым партнером второго плана” [ibid.: 213]. С. Маранже указывает, что восприятию России как равноправного экономического партнера в регионе мешает то, что она повернута к АТР наименее развитой, малонаселенной частью, оторванной одновременно от экономического центра и от остального мира [ibid.: 209]. Автор отмечает, ссылаясь на неназванного российского военного эксперта, что две державы сохраняют определенную степень взаимной настороженности, и при этом указывает на активность китайской разведки на российском направлении [ibid.: 199]. Европейцы обеспокоены рисками тесного сотрудничества России с Китаем, представленного как главный внешний рычаг российской модернизации. Им безразлично, что его асимметричный характер может усилить зависимость России от Китая. Это в глазах европейских наблюдателей сужает рамки самостоятельных действий России в Евразии.

МЯГКАЯ СИЛА В ИСЧИСЛЯЕМЫХ И НЕИСЧИСЛЯЕМЫХ КАТЕГОРИЯХ

Универсальное значение культурного наследия — общепризнанное достижение России. Для образованных европейцев Россия — прежде всего родина Толстого, Достоевского и Чехова, однако именно это обстоятельство определяет их требовательное отношение к гуманитарному измерению российской политики. Автор главы “Россия в мировом культурном пространстве” О. Белова отмечает, что опорой продвижения образа России за рубежом остается пропаганда

исторического наследия. Обеспечивая место в первой десятке стран, наиболее привлекательных для туристов [La Russie dans... 2019: 89], эта политика не способствует утверждению ее культурного могущества на международной арене, поскольку консервативно-охранительная тенденция официальной политики продвижения российского искусства расходится с западным культурным запросом на поиск новых изобразительных средств и смыслов.

Падение международного признания нематериальной культуры России измечается редким присутствием российских авторов среди номинантов и победителей престижных международных премий [ibid.: 95]. Признавая, что “современное искусство” — термин, который, как и “современное государство”, в официальном российском лексиконе является маркером времени, но не качественной характеристикой, это мнение можно было бы оспорить. Однако выводы автора основаны на общепринятых критериях, создающих европейскую и мировую репутацию.

Политика мягкой силы стремится активно задействовать потенциал “Русского мира” в качестве инструмента, способного продвигать интересы и положительный образ России. Насколько оправданы надежды, возлагаемые в Москве на “Русский мир”? Материал для размышлений дают результаты полевых исследований русской диаспоры в Эстонии, Латвии и Франции, проведенных О. Бронниковой и К. Кеза. Во-первых, они показывают, что русскоязычное население в странах Балтии не является возможным агентом мягкой силы России. Несколько прежних поколений представителей русской диаспоры как во Франции, так и в Балтии объединены двойственным отношением к России. Они обрели новую, европейскую идентичность, и им не нравится, что в России их принято называть “соотечественниками” [ibid.: 252]. Они ценят более высокие жизненные стандарты и принадлежность Европейскому союзу, но ощущают духовную близость с Россией и негативно воспринимают рост русофобии в европейских СМИ [ibid.: 272]. Одновременно авторы констатируют появление противоположной тенденции: после 2012 г. диаспора русских европейцев активно пополняется российскими оппозиционерами, которые считают себя обязанными “культивировать” русофобию [ibid.: 275]. Авторы оставляют открытым вопрос о том, как велико будет ее влияние не только в русскоговорящих общинах Эстонии, Латвии и Франции, но и в самой России [ibid.: 276].

РОССИЯ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИМПЕРСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Третья глава книги, написанная Б. Бальси и Э. Армандон, посвящена странам постсоветского пространства. Будучи регионоведами, авторы остаются в рамках стереотипной имперской парадигмы, но собственные “полевые” исследования позволяют им выйти за рамки этих стереотипов в анализе восприятия образа России в странах постсоветского пространства.

Особого интереса заслуживает констатация возросшей дифференциации геополитических интересов новых независимых государств и неоднозначной реакции России. На Кавказе и в Центральной Азии Россия готова “признать влияние других акторов, в частности Китая”, в то время как “она отказывается делить его в западной части бывшего СССР, особенно на Украине” [La Russie dans... 2019: 138]. Авторы указали на главную болевую точку, которую не затрагивает влияние незападных игроков (Ирана, Турции, Китая), поскольку те не провоцируют рост антирусских настроений, источником которых в Москве считают США и ЕС. К выводу, что в ближнем зарубежье

“России предназначено стать обычным партнером, который непрестанно должен договариваться о природе своих связей” [ibid.: 139], хочется добавить, что в силу балканизации постсоветского пространства конфронтация России с Западом придаст драматизма внешнеполитическому выбору новых независимых государств, являясь генератором кризисов, подобных украинскому.

Большим вопросом остается политика памяти, направленная на удержание российского влияния при апелляции к общей истории народов бывшего СССР. Э. Армандон указывает, что она зачастую приводит к противоположным результатам, поскольку эта память имеет свойство концентрироваться на трагических моментах советской истории. Голодомор и в современной Украине, и на Западе трактуется как геноцид украинского народа, осуществленный по приказу из Москвы [ibid.: 121], и эта имперская парадигма, ассоциируя советское репрессивное государство с географическим центром — Россией/Москвой, упрощает советский феномен, оставляя без внимания особый, классовый характер большевистской модели государства-партии с его политикой повсеместного искоренения самостоятельного крестьянства и национального самосознания, оставившей не менее трагический след в истории самой России. Добровольный отказ российского общества от процесса над коммунизмом — важная причина того, что воспоминания о едином историческом прошлом превращаются в фактор раскола, поэтому стоит согласиться с утверждением автора, что ссылки на общее прошлое только усиливают эффект отталкивания. Отказ от партии-государства в 1990-е годы служил главным индикатором разрыва нового российского государства с СССР. В то же время их отождествление стало удобной ширмой, за которой посткоммунистическая Восточная Европа превращалась в Западную.

Обращаясь к интерпретации недавнего прошлого, уточним мотивы и датировку начала “настоящего разрыва между российской властью и ближним зарубежьем”. Авторы связывают его с приходом к власти В. Путина [ibid.: 116]. Представляется, что по-настоящему поворотным стал не 2000, а 2004 г., когда в преддверии парламентских выборов российское руководство оценило риски, связанные с “цветными” революциями в Грузии, Киргизии и Украине. В первые годы правления президент России пытался выстроить “вертикаль власти”, не отказываясь от “демократической солидарности” с Западом, о чем свидетельствует его реакция на 11 сентября 2001 г. и попытки в 2002 г. найти новую формулу отношений с НАТО. Общей тенденции это соображение не меняет, но существенно уточняет внешние и внутривнутриполитические мотивы такого поворота.

187

ОТРАЖЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ В АНАЛИЗЕ ОТНОШЕНИЙ ЗАПАДА И РОССИИ

Исследования о восприятии России в США и ЕС помогают разглядеть суть нынешних расхождений между Россией и Западом. Вопросы, которые задает к представленному материалу российский исследователь, отличаются от тех, что ставят французские авторы. Их интересует направление внутренней эволюции России; нам же прежде всего интересно, задумываются ли европейские аналитики о возможности и о путях преодоления нынешнего кризиса. Название главы об отношениях России и США (“Восприятие России в США: перекрестный стратегический взгляд”) свидетельствует о трактовке этого сюжета в духе теории реализма, определяющей стратегический характер отношений. Ее автор — дипломат и исследователь С. де Гальбер сосредоточился на ключевом для европейцев вопросе: насколько взаимоотношения России и США, эксплуатирующие образ врага, способны повлиять на безопасность Франции и Европы в целом.

Автор предпринимает попытку толкования малопредсказуемой политики Д. Трампа, чьи заявления в адрес европейских союзников требуют от европейцев адекватной реакции [ibid.: 159]. Россия вошла в круг американских приоритетов в 2008-2014 гг., когда “рискованный авантюризм” российских действий... которому США до сих пор не смогли воспрепятствовать” [ibid.: 151], изменил восприятие России в сторону “структурного антагонизма” [ibid.: 144]. Автор исходит из предвыборного обещания Трампа вернуться к диалогу с Путиным, высказывая “еретическое” предположение, что желание Трампа сократить американское военное присутствие в Европе и в Азии могло бы “направить США по траектории, более совместимой с интересами России” [ibid.: 157], отчего выиграли бы Россия, США и евро-атлантическая безопасность в целом [ibid.: 164]. Впрочем, сам автор считает такой поворот маловероятным, поскольку в налаживании диалога с Россией рамки действий президента США крайне сужены. Предполагаемое российское вмешательство в президентские выборы впервые сделало Россию фактором внутривнутриполитической жизни, и любой президент США должен “будет демонстрировать большую твердость по отношению к России, что в долгосрочной перспективе будет питать существующий ныне антагонизм” [ibidem].

Главу о взаимоотношениях России и Европейского союза написала Л. Делькор, специалист по политике “восточного соседства” ЕС. Российскому читателю интересно, трактуется ли резкая смена отношения к России в 2014 г. как непосредственная реакция на ее действия или как выражение более устойчивого тренда на взаимное отчуждение. В отношении европейцев к России впечатляет четкая “решетка чтения”² сложной реальности, воплощенной в ЕС. Анализ различий и совпадений в отношении к России в различных частях объединенной Европы позволяет автору сделать несколько обобщений, сущностных для понимания нынешнего кризиса. Читателю следует сделать вывод, что, не выработав единой позитивной стратегии в отношении России, европейцы объединились в ее негативном восприятии. Хотя в основе такого подхода лежат разнородные интересы, внутренняя и внешняя политика Кремля, как показывает автор, привела к сложению общего образа. Нарастающее расхождение двух идентичностей, находящихся в стадии становления — западноевропейской и российской, — главный вывод, дающий малоутешительный ответ сторонникам европейского выбора России. Отталкивание от России “способствует консолидации идентичности единого Европейского союза, который по своей природе неоднороден”. “Русское зеркало”, представляющее иную модель, отразило слабости и парадоксы развития, с которыми сталкивается сам ЕС. Для представителей крайних партий внутривнутриполитического спектра, националистических или консервативных правительств ряда европейских стран Россия “является примером сопротивления глобализации, западной (особенно американской) гегемонии, и/или защитником традиционных ценностей” [ibid.: 188].

По прочтении главы трудно избавиться от впечатления, что за кадром (видимо, для чистоты эксперимента) осталось важное измерение стратегического свойства — атлантическая идентичность, которая в строительстве единой Европы дополняет европейскую и отчасти соперничает с ней. Атлантический

² Французский термин, аналогия с приемом дешифровки, состоящим в наложении “решетки чтения” (специальной матрицы) на невнятный с точки зрения искомого содержимого текст, скрывающий зашифрованное послание.

импульс, сопровождавший большое расширение ЕС на страны ЦВЕ, губительно повлиял на судьбу первоначального, хотя и не до конца проработанного проекта строительства общеевропейского дома “от Лиссабона до Владивостока”, сторонниками которого были страны “старой” Европы (Франция, Германия и Италия), а также православные страны греческого ареала. Логика взаимной адаптации прослеживалась в “дорожных картах” создания общих пространств и в проекте “партнерства для модернизации”. Между тем расширение ЕС, ускоренное расширением НАТО, привело к “атлантизации” самого ЕС и обострило его разногласия с Россией. Результатом было стирание стратегических приоритетов “европейской” Европы, вытеснение континентальных интересов безопасности, способных связать ЕС с Россией перед лицом новых угроз. На первом месте оказались атлантические интересы, в защите которых новым членам виделись гарантии от угрозы со стороны Москвы.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ “СИЛЬНОГО” “СЛАБЫМ”: ОТРАЖЕНИЕ РОЛИ РОССИИ НА СРЕДНЕМ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Сегодня главным направлением демонстрации российского силового могущества выступает регион острых вооруженных конфликтов от Среднего и Ближнего Востока до Ливии. О восприятии в нем России написал Ж. Носетти³. Исследователь употребил в названии главы военный термин: “Передислокация [*redéploiement* – фр.] российского влияния”. Автор отталкивается от парадокса: “регион, относительно второстепенный с точки зрения национальных интересов, тем не менее является традиционным пространством утверждения российского могущества” [La Russie dans... 2019: 221].

Сторонний взгляд высвечивает общую тенденцию, которая прячется за новостями, требующими немедленной реакции от российских аналитиков. Это риски, которые создает противоречивая игра интересов местных центров силы для политики России, подразумевающей благожелательное партнерство с различными игроками. Автор указывает, что эта политика реализуется через “сделки” между российскими властями и руководителями стран региона (*politique transactionnelle*), что заставляет Кремль действовать прагматично, нацеливаясь на достижение конкретных и немедленных результатов [ibid.: 245]. Местные правительства стремятся использовать Москву в своих интересах, подкрепляя собственные позиции в противостоянии (Иран, Сирия) или в партнерстве с Вашингтоном. От России они добиваются того, в чем им отказали США, тем самым показывая Западу наличие альтернативы в лице России [ibid.: 238]. При этом в глазах американских союзников (Израиля и Саудовской Аравии) притягательность подобного партнерства с Россией гораздо ниже, чем привлекательность союза с Западом. Поэтому страны региона устанавливают степень сближения с Россией, исходя из сиюминутных интересов, а стремление Москвы к диалогу со всеми сторонами снижает доверие к ее политике в каждой из них [ibid.: 246]. С осени 2015 г. российское военное вмешательство в сирийский конфликт серьезно изменило эту картину в пользу России, тем более что политика США и их союзников вызывала растущее разочарование в регионе.

³ В современной французской аналитике пространство, включающее средиземноморский Ближний Восток, страны Персидского залива, Северную Африку от Египта до ливийской Киренаики, а также две неарабские державы – Турцию и Иран, объединено понятием “Средний Восток” (*Moyen Orient*) [La Russie dans... 2019: 221].

ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА НАБЛЮДАТЕЛЯМИ?

В монографии нет заключения. Тем важнее понять, какое восприятие места России в мире призвано породить у читателя представленное отражение отражений и какие чувства оно вызывает у российского читателя. Относительно второго можно сказать главное — избранный метод исключает какой-либо протест или возражение по существу: на зеркало пенять бесполезно. Книга адресована французскому читателю, а в России по-французски ее прочтут, скорее всего, только профессионалы. Что нового она открывает этой специальной аудиторией?

Значимость книги в том, что каждая из ее глав написана специалистом-исследователем, находящимся на острие соответствующей проблематики и что она отвечает на важный вопрос о перспективах развития отношений между Россией и Европой, указывая на главные ограничители их кардинального улучшения. Перекрестный взгляд свидетельствует, что образ особой страны-цивилизации, который продвигается российским руководством, хотя и находит сочувствие в консервативном электорате европейских обществ, включая часть русской диаспоры, усиливает тенденцию на отторжение, устраивающую сторонников атлантической Европы. Прагматизм Москвы в выстраивании связей с азиатскими и ближневосточными игроками дает краткосрочные преимущества, однако мало способствует решению долгосрочных стратегических задач, скрывая, но не устраняя источники потенциальных противоречий. Принимая этот малоутешительный вывод, но продолжая игру отражений, хочется вернуться к размышлениям С. де Гальбера о зависимости европейского стратегического баланса от отношений между Москвой и Вашингтоном. Французскому дипломату ясно, что от гармонизации интересов с Россией зависит будущий вес ЕС в мире и что на перспективы подобной гармонизации влияет то, насколько вероятна возможность преодоления российско-американского антагонизма.

Русским европейцам следует принять, что Россия имеет дело с атлантической Европой. Защитники европейского выбора России всегда надеялись найти общий язык с защитниками европейской Европы, прежде всего во Франции, где сохраняется воспоминание о голлизме. В основе этих поисков лежит мысль, сформулированная российским специалистом по французской политике Ю.И. Рубинским. С сожалением констатируя, что становление внешнеполитической идентичности страны отходит от европейской цивилизационной модели, автор указывает, что сближение между ЕС и Россией имеет определяющее значение как с точки зрения перспектив российского развития, так и для места Европы в мировой иерархии. Не обретя собственного веса в мире из-за растущего соперничества двух ведущих центров силы — США и Китая, она может раствориться “в процессе глобализации, рискуя оказаться разорванной между евро-атлантическим и евро-азиатским полюсами” [Рубинский 2018: 178]. В то же время наблюдение за наблюдателями позволяет понять, что, несмотря на убедительную и эффективную демонстрацию силы, Россию в Европе не считают привлекательным партнером. “Возможности России реализовать свои амбиции сегодня ограничены и останутся таковыми, пока Кремль не выдвинет экономическое развитие на первое место среди своих приоритетов и пока страна не освободится от груза прошлого” [La Russie dans... 2019: 50], — такой вывод делает редактор издания А. де Танги. Степень уважения ЕС к России зависит от успехов ее экономического развития, а главным препятствием к устойчивому преодолению антагонизма между ней и ЕС

для наблюдателей из “старой” Европы остается парадигматический разрыв: отклонение Москвы от конвергенции по европейской модели.

DOI: [10.17976/jpps/2021.02.13](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.13)

RUSSIA'S GLOBAL POSITION AS REFLECTED IN FRENCH STUDIES: THE OBSERVATIONS OF THE OBSERVERS

E.O. Obichkina¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

OBICHKINA, Evgeniia Olegovna, Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, email: obichkina@mail.ru

Obichkina E.O. Russia's Global Position as Reflected in French Studies: the Observations of the Observers. — *Polis. Political Studies*. 2021. No. 2. P. 180-191. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.13>

Received: 05.05.2020. Accepted: 11.01.2021

Abstract. A number of decisive foreign policy actions taken by the Russian authorities have returned this country to the center of attention of international analysts, ensuring its place in the top three most influential world powers, after the USA and China. However, influence is a relative category. Despite Moscow's goal being to strengthen its position in the new world hierarchy, in the West its policy is regarded as a challenge to Euro-Atlantic security. The discrepancy between the goal and the result raises the question of what the criteria for the attractiveness of a State are in the modern European context. The subject of this article is an assessment of Russia's position in the world from a special focus — through the eyes of European observers. The reason for this was the publication of a collective monograph “Russia in the World” by Anne de Tinguy, one of the leading French experts on Russian politics; this provides a unique opportunity for retrospective analysis as she published a book on the same topic more than ten years ago. In both cases, a wide range of co-authors suggest ideas of the evaluation criteria that determine Russian's place in the foreign policy strategy of European States. To the Russian reader, the presented studies are interesting for the critical view of their authors, as a reflection of the identity of the European observer based on the needs of national foreign policy. The positions of the observers have changed over the past ten years. In the first decades of the formation of the new Russian state, the attitude toward it depended on the degree of its readiness to integrate into the liberal world under the aegis of the West; however, at the turn of 2000s-2010s, Europeans realized that Russia's transformation into an independent power center was accompanied by the refusal to converge on the Western model. This is a return to the idea of “the big Other”: it opposes the universal liberal paradigm of development, which has begun to be challenged not only from the outside but also from within. Thus, the “Russian question” intrudes into the domestic political sphere at crucial moments, such as the presidential elections in the USA and in France. Does Russia benefit from this? The analysis of the European reflection of Russian politics clarifies the reasons for persistent divergence between Moscow and Europe.

Keywords: Russia in the world, criteria of attractiveness, Russia and Europe, Russia and USA, Russia and China, Russia and post soviet space, Soft/Hard power, French Analytics about Russia.

References

- Boniface P. 1998. *La France, est-elle encore une grande puissance?* Paris: Presse de Sciences Po. 139 p.
- Dubien A. 2001. De l'URSS à la Russie: le déclin de la puissance russe. — *Relations internationales et stratégiques*. No. 41. P. 157-162.
- Gomart Th. 2019. *L'Affolement du monde. Dix enjeux géopolitiques*. Paris: Tallandier ESSAIS. 318p.
- La Russie dans le monde*. Sous la dir. de A. de Tinguy. 2019. Paris: CNRS Editions. 286 p.
- Moscou et le monde — L'ambition de la grandeur: une illusion?* 2008. Sous la dir. de A. de Tinguy. Paris: Edition Autrement. 217 p.
- Sokoloff G. 2000. La Russie, échappera-t-elle à la décadence? — *Relations internationales et stratégiques*. № 38. P. 167-179.
- Tinguy A. 2000. La Russie entre la puissance et l'impuissance. — *Relations internationales et stratégiques*. No. 38. P. 207-219.
- Rubinski Yu.I. 2018. Dve Evropi ili odna? [Two Europes or One?]. — Rubinski Yu.I. *Primeni vremeni* [Sings of Time]. Vol. 1. Moscow: Institute of Europe, RAS. P. 178-204. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Рубинский Ю.И. 2018. Две Европы или одна? — Рубинский Ю.И. *Приметы времени*. Т. I. М.: Ин-т Европы РАН. С. 178-204.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Уважаемые авторы журнала “Полис. Политические исследования”!

Ввиду переполнения портфеля Редакции и серьезного усиления конкуренции между поступающими рукописями за место в текущем номере степень соответствия рукописи требованиям Редакции становится критически важной, во многом определяющей скорость ее прохождения редакционного цикла. Полагаем, осознание этого объективного обстоятельства должно побудить авторов более ответственно относиться к оформлению рукописей, выбору более компактных способов оформления исследовательских результатов и тщательному оформлению литературных источников.

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в Редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <http://www.politstudies.ru>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Система рецензирования*, *Этические принципы авторов журнала* и *Этические принципы рецензирования*. Не менее важным подспорьем при оформлении рукописей будет знакомство с соответствующими примерами оформления уже изданных статей журнала (в его книжках и в архиве сайта). Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте или электронную почту new-authors@politstudies.ru. Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Не забывайте указывать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. 1997. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

ПОДПИСКА

Уведомляем о ликвидации АО Агентство “РОСПЕЧАТЬ”,

в связи с чем рекомендуем для подписки обращаться в следующие агентства:

- ООО “Урал-Пресс”. Тел.: 8 (495) 721-25-89; <http://www.ural-press.ru>
- ООО “Информнаука”. Тел.: 8 (495) 787-38-73; (499) 152-54-81; <http://www.informnauka.com>
- ООО “НПО “ИНФОРМ-СИСТЕМА”. Тел. 8 (499) 789-45-55; <http://www.informsystema.ru>

Электронные версии статей и выпусков журнала можно приобрести в интернет-магазине www.polismag.ru

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Страницы журнала всегда открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителей и Редакции.

© Полис. Политические исследования, 2021, № 2(182), 1-192 стр.

Сдано в производство: 28.12.2020. Подписано к печати: 24.02.2021. Дата выхода в свет: 24.03.2021.

Формат 70 x 100 1/16. Гарнитура “Ньютон”. Печать офсетная.

Печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 17. Тираж 610. Цена свободная. Индекс 70790. Заказ

Во всех случаях полиграфического брака обращаться в типографию-изготовитель

Адрес издателя журнала “Полис. Политические исследования”:

101100, Москва, Колпачный пер., д. 6, пом. II, комн. 5.

Адрес редакции журнала “Полис. Политические исследования”:

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корпус 5, оф. 208; телефон: 8 (495) 502-43-17.

Email: new-polis@politstudies.ru (для текущей переписки); new-authors@politstudies.ru (для авторов)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП “Издательство “Наука” (Типография “Наука”)
121099, Москва, Шубинский пер., 6